

АНАЛИЗ ТРУДА И РАБОЧЕЙ СИЛЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТОВАРА И СТОИМОСТИ

1. Из истории вопроса	
2. Рабочая сила	
2.1. Виды рабочей силы	
2.2. Стоимость рабочей силы	
2.2.1. Стоимость так называемой простой и так называемой сложной рабочей силы	
2.2.2. Стоимость дневной рабочей силы	
2.2.3. Стоимость рабочей силы как таковой	
2.3. Потребление рабочей силы	
2.4. Рабочая сила как товар	
2.4.1. Рабочая сила и товар	
2.4.2. Рабочая сила и стоимость товара	
2.4.3. Рабочая сила и эквивалентность товаров	
2.4.4. Рабочая сила и своеобразие товара	
2.5. Рабочая сила и прибавочная стоимость	
3. Труд	
3.1. Бытие и стоимость труда	
3.2. Мера стоимости труда	
3.3. Труд и свободное время	

1. ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

По мере углубления в политическую экономию экономические воззрения Маркса и Энгельса претерпевали значительные изменения, принимая порой форму дилеммы. До 1859 года Маркс и Энгельс говорили о стоимости труда, о продаже труда, о цене труда и т. д. После 1859 года взамен этого они стали говорить о стоимости рабочей силы, о продаже рабочей силы, о цене рабочей силы и т.д. А все потому, что если до 1859 года и Маркс, и Энгельс исходили из того, что труд — это товар и, значит, он имеет стоимость (цену); что заработная плата есть стоимость (цена) труда рабочего; что рабочий, нанимаясь на работу, продает капиталисту свой труд, то после 1859 года они стали исходить

из того, что труд не является товаром и, значит, не имеет стоимости (цены); что заработная плата есть стоимость (цена) рабочей силы; что рабочий, нанимаясь на работу, продает капиталисту свою рабочую силу.

В связи с этим, дабы не вводить в заблуждение сторонников и последователей марксизма, Энгельс был вынужден сделать пояснение. В «Ведении к отдельному изданию работы К. Маркса «Наемный труд и капитал» 1891 г. он писал: «В сороковых годах Маркс еще не завершил своей критики политической экономии. Это было сделано лишь к концу пятидесятых годов. Поэтому его работы, появившиеся до выхода первого выпуска «К критике политической экономии» (1859 г.), в отдельных пунктах отклоняются от работ, написанных после 1859 г., и содержат выражения и целые фразы, которые, с точки зрения позднейших работ, являются неудачными и даже неверными»ⁱ.

Энгельс явно скромничает. Не только ранние работы Маркса, например «Нищета философии», «Наемный труд и капитал» и др., и не только ранние работы самого Энгельса, такие как «Наброски к критике политической экономии», «Положение рабочего класса в Англии», «Принципы коммунизма» и др., но и более поздние работы, написанные как самим Энгельсом, так и Марксом, например «Капитал» Маркса, как это будет показано ниже, содержат выражения и целые фразы, которые с точки зрения позднейших работ, написанных им и Марксом, относительно труда и рабочей силы являются неудачными и даже неверными.

Марксова теория прибавочной стоимости зиждется на понятии «рабочая сила». Тому есть несколько причин. Во-первых, основоположники марксизма не смогли найти выход из тупика, в который попала политическая экономия конца XVIII — начала XIX веков, иначе как порвав с трудом как с товаром. Во-вторых — и это, видимо, было определяющим, — Маркс и Энгельс ставили перед собой задачу разоблачения общепринятого по сути и лживого по содержанию утверждения капиталиста о том, что он покупает и оплачивает труд своих рабочих. Благодаря теории прибавочной стоимости, указывал Энгельс, «у имущих классов было выбито последнее основание для лицемерных фраз, будто в современном общественном строе господствует право и справедливость, равенство прав и обязанностей и всеобщая гармония интересов, и современное буржуазное общество было разоблачено не в меньшей степени, чем предшествующие, разоблачено как грандиозное учреждение для эксплуатации громадного большинства народа незначительным, постоянно сокращающимся меньшинством»ⁱⁱ.

Совсем не случайно если еще в 1859 году в работе «К критике политической экономии» Маркс видел проблему в том, «каким образом производство на базе меновой стоимости, определяемой исключительно рабочим временем, приводит к тому результату, что меновая стоимость труда меньше, чем меновая стоимость его продукта?»ⁱⁱⁱ, то уже в 1865

году, он ставит рабочую силу во главу угла теории прибавочной стоимости. «То, что продает рабочий, не является непосредственно его трудом, а является его рабочей силой, которую он передает во временное распоряжение капиталиста»^{iv}, — говорит Маркс летом 1865 года, выступая на заседаниях Генерального Совета. с докладом, в дальнейшем получившим название «Заработная плата, цена и прибыль», где он впервые публично изложил основы своей теории прибавочной стоимости.

Спору нет, с введением в понятийный аппарат экономической науки вместо товара «труд» товар «рабочая сила», основоположникам марксизма в свое время удалось поднять политическую экономию как науку на принципиально новую высоту. Несмотря на решение таким образом ряда принципиально важных вопросов своего времени, неправомерное сведение труда к рабочей силе с самого начала давало знать о себе. Приведу хорошо известное высказывание Маркса: «Капитал есть не только командование над трудом, как выражается А. Смит, он по существу своему есть командование над неоплаченным трудом... Тайна самовозрастания капитала сводится к тому, что капитал располагает определенным количеством неоплаченного чужого труда»^v. Маркс говорит это в конце пятого отдела первого тома «Капитала», уже после изображения — с помощью понятия «рабочая сила» — процесса образования прибавочной стоимости, превращения денег в капитал, накопления капитала. Еще конкретнее он выражается в восемнадцатой и девятнадцатой главах, о чем речь пойдет позже. Пока же следует отметить тот факт, что как тогда, при жизни Маркса и Энгельса, так и сейчас, после их смерти, вышесказанное Марксом является одним из основных положений марксизма. Между тем при ближайшем рассмотрении невооруженным глазом видно, что если кто-то командует над неоплаченным чем-то или располагает определенным количеством неоплаченного чего-то, то последний имеет стоимость, поскольку оплачивается или не оплачивается лишь то, что имеет стоимость.

Мне могут возразить, что, дескать, Маркс говорит о «стоимости труда», «цене труда», «оплате труда», «неоплаченном труде» и т. д. исключительно для простоты понимания читателя; что при этом он делает оговорку. Для пущей убедительности могут привести слова, сказанные им летом 1865 г. на заседании Генерального Совета. Цитирую: «Если я буду употреблять выражение «стоимость труда», то только как обычный ходячий термин для обозначения «стоимости рабочей силы»^{vi}. Но разве это аргумент? Разве так должен поступать ученый при доказательстве истинности своей точки зрения? Сначала Маркс утверждает, что «такой вещи, как стоимость труда, в обычном смысле этого слова в действительности не существует»^{vii}, а потом, вместо того чтобы полностью отказаться от выражения «стоимость труда», продолжает его активно использовать под предлогом «обычный ходячий термин». Налицо слабость познания Марксом рассматриваемого

вопроса. Однако не будем строго судить Маркса и Энгельса, а обратим взоры на отечественных ученых-обществоведов, прикрывающихся ими.

В процессе решения ряда вопросов своего времени основоположники марксизма проделали огромную работу по очищению зерен истины от плевел. Конечно, как и во всяком деле, тем более новом, не обошлось без неудач и ошибок. И это нормально. Ненормально то, что после их смерти сказанное ими когда-либо и где-либо было возведено сторонниками марксизма в абсолютную истину. Если еще лет десять и более назад отечественным обществоведам удавалось хоть как-то наводить тень на плетень, то с развалом СССР и крушением социализма в России они и вовсе спрятали концы в воду. А между тем с тех пор неудачи и ошибки основоположников марксизма выросли в своем значении до размеров, грозящих опрокинуть их учение целиком.

Таков итог беспечности и халатности, если не сказать больше, ученых-марксистов, силившихся превратить творческое наследие Маркса и Энгельса в своего рода библию. Если в конце XIX — начале XX века творческое наследие Маркса и Энгельса давало ответы почти на все вопросы мироздания — а потому и послужило тем оружием, благодаря которому российский народ, первым в мире приступив к строительству социалистического государства, с октября 1917 года по декабрь 1991 года сумел избежать роковых злоключений капитализма, открыл для народов других стран путь в светлое будущее, — то начиная с середины XX века, а точнее говоря, с 1953 года, то есть после смерти Сталина, марксизм постепенно стал терять былую силу и привлекательность, его значение стало сходиться на нет, поскольку под соусом творческого развития марксизма на передний план стали выдвигаться сначала выражения и целые фразы, а потом и отдельные положения, которые уже к тому времени зачастую являлись неудачными и неверными. Дело усугублялось еще и тем, что в ход пошли черновики Маркса и Энгельса...

Свое отношение к черновикам усопших я уже высказал однажды. Повторю и здесь. Я против обращения живых к черновикам усопших как к аргументу доказательства истинности своих суждений. Я за то, чтобы живые своими аргументами доказывали истинность черновых суждений усопших.

О слабости Марксова познания понятий «труд» и «рабочая сила» дополнительно можно судить хотя бы и по следующему его высказыванию: «Рабочий работает под контролем капиталиста, которому принадлежит его труд... Владелец рабочей силы, отдавая свой труд, фактически отдает лишь проданную им потребительную стоимость»^{viii}. Выходит, капиталист, покупая рабочую силу, становится владельцем труда продавца рабочей силы. В свою очередь, владелец рабочей силы, продавая капиталисту свою рабочую силу, отдает ему свой труд. Может ли быть такое, чтобы продавец продавал одно, а отдавал другое, как и то, чтобы покупатель покупал одно, а получал другое? Может, если первый продавал, а второй покупал кота в мешке. Но все дело в том, что и продавец рабочей силы, и покупатель рабочей

силы прекрасно осведомлены относительно предмета купли-продажи. Один знает, что за определенную плату от него требуется выполнить определенную работу, т. е. отдать за определенную плату определенное количество своего труда, а другой знает, что за определенную плату он должен получить определенную работу в выполненном, в смысле готовом, виде, т. е. получить взамен определенной платы определенное количество чужого труда. Для них обоих это не представляет никакой тайны. Поэтому упомянутый Марксом казус, который заставил покупателя рабочей силы в первый раз многозначительно посмеиваться, а во второй — весело улыбаться^x, необходимо отнести к художественной, а не к научной литературе.

Иначе следует признать продавца рабочей силы круглым идиотом. То он до конца дней своих не знает истинную стоимость своего товара «рабочая сила», а потому продает ее ниже стоимости, то сознательно и регулярно продает свой товар «рабочая сила» ниже ее стоимости. И это при том, что и продавец рабочей силы, и владелец денег встречаются на рынке труда как равные товаровладельцы; что все товары в среднем продаются по их стоимости. В действительности же здесь нет казуса, о котором говорит Маркс. И рабочий и капиталист ведут речь о труде, а не о рабочей силе. Следовательно, в сказанном Марксом: «бывший владелец денег шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потом не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить»^x все верно, кроме многозначительного посмеивания капиталиста. Капиталист горит желанием приступить к делу — это верно. Как верно и то, что рабочий бредет понуро, ибо знает, что должен трудиться в поте лица за мизерную плату.

Желая яснее выразить свою мысль, Маркс вынужден отождествить труд с потребительной стоимостью рабочей силы. До этого он более чем в пяти местах «Капитала» давал определение труда различного содержания, но ни разу не обмолвился о фактическом сходстве труда с потребительной стоимостью рабочей силы. Исходя из сказанного им о том, что «рабочая сила существует только как способность живого индивидуума», и что «способность к труду еще не означает труд, подобно тому как способность переваривать пищу вовсе еще не совпадает с фактическим перевариванием пищи»^{xi}, без сомнения, найдем, что потребительная стоимость рабочей силы фактически не совпадает с трудом; что труд фактически не совпадает с рабочей силой.

Мы, читатель, еще не раз увидим, в том числе и на страницах «Капитала», как Маркс мучительно ищет и не находит выхода из создавшегося положения относительно понятий «труд» и «рабочая сила». А пока дадим слово Энгельсу. Это тем более необходимо, ибо помимо того, что он соавтор Маркса в прямом и переносном смысле, не кто иной, как Энгельс, после смерти Маркса взял на себя

ответственность за очищение марксизма от имеющейся двойственности относительно понятий «труд» и «рабочая сила» в качестве товара. Именно стремлением Энгельса привести раннее высказывание Маркса, сделанное им до 1859 года, в соответствие с позднейшей его точкой зрения и была продиктована необходимость очередного издания работы Маркса «Наемный труд и капитал» в 1891 г. с некоторыми изменениями. «Все внесенные мной изменения, — говорит Энгельс во введении к отдельному изданию работы Маркса «Наемный труд и капитал» 1891 года, — относятся к одному пункту. Согласно оригиналу, рабочий за заработную плату продает капиталисту свой труд, согласно теперешнему тексту — свою рабочую силу»^{xii}. Как известно, при жизни Маркс не привел свои старые взгляды в соответствие со своей новой точкой зрения в части того, что же в конечном счете продает рабочий капиталисту за заработную плату: свой труд или свою рабочую силу. За него это сделал Энгельс после его смерти. Насколько это правильно, здесь к делу не относится. Главное, Энгельс обратил внимание на это несоответствие и решил его в пользу сказанного Марксом на сей счет после выхода в свет работы последнего «К критике политической экономии» и сделал по этому поводу пояснение. Следовательно, есть все основания полагать, что сей вопрос он изучил досконально, а потому дал на него исчерпывающий ответ.

Итак, послушаем Энгельса. «То, что экономисты рассматривали как издержки производства «труда», является издержками производства не труда, а самого живого рабочего. А то, что этот рабочий продает капиталисту, представляет собой не труд рабочего. «Когда его труд действительно начинается, — говорит Маркс, — он перестает принадлежать ему и, следовательно, не может быть им продан»^{xiii}. Итак, самое большое, что он может продать, — это свой будущий труд, то есть он может взять на себя обязательство выполнить определенную работу в определенное время. Но тем самым он продает не труд (который еще только должен быть выполнен), а предоставляет в распоряжение капиталиста за определенную плату на определенное время (при почасовой заработной плате) или для выполнения определенной работы (при почасовой заработной плате) свою рабочую силу: он отдает внаем, иначе говоря, продает, свою рабочую силу»^{xiv}. Отдает внаем или продает рабочий свою рабочую силу — здесь это, как и то, что Энгельс неправомерно отождествляет издержки производства труда с издержками производства самого рабочего, не имеет значения. Важно другое, а именно то, что, даже приведя цитату из «Капитала» Маркса, где речь идет о невозможности продажи будущего труда, поскольку, когда он действительно начинается, он перестает принадлежать субъекту труда, рабочему и, следовательно, не может быть им продан, Энгельс не видит иного выхода, как начать объяснение того, что же продает рабочий капиталисту за заработную плату, с положения о том, что самое большое, что может продать рабочий, — это свой будущий труд. Конечно, затем он начинает изворачиваться, противореча самому себе, но факт остается фактом. То он говорит, что рабочий может продать

свой будущий труд, то говорит, что рабочий, продавая свой будущий труд, тем самым продает не труд. Получается, что вчера еще будущий труд, ставший реальностью сегодня, по Энгельсу, не есть труд? Разумеется, это не так. Просто в данном случае вольно или невольно он нарушил логическую связь. Очевидно, что Энгельс попал в порочный круг. Он, как и Маркс, не смог до конца разобраться с понятиями «труд» и «рабочая сила», а потому был вынужден заодно с ним ходить вокруг да около.

При внимательном чтении «Капитала» уже на первых его страницах обнаруживается то, как Маркс без всякой научной обоснованности неоднократно, вернее сказать методично, сводит понятие «труд» к понятию «рабочая сила». Отвлечшись от потребительной стоимости товарных тел, Маркс находит, что они — продукты труда. Далее он пишет: «Рассмотрим теперь, что же осталось от продуктов труда. От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишённого различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все вещи представляют собой лишь выражение того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд»^{xv}. Так появляется понятие «рабочая сила» на страницах «Капитала».

С высоты сегодняшнего дня вышеприведенная цитата, несомненно, ущербна. Человеческий труд не равнозначен человеческой рабочей силе, как и накопленный человеческий труд, в свою очередь, так же не равнозначен человеческой рабочей силе. При наличии одной только рабочей силы — без предмета труда и средства труда — труд, о котором говорит Маркс, невозможен (дабы не было недоразумений, хочу уточнить еще раз: здесь и далее речь идет о труде в старом понимании, которое существовало до выхода в свет книги «Краткий курс истории антропогенеза, или Сущность труда, сознания и языка», написанной мной в 1999 году). Следовательно, продукт труда, как простой сгусток лишённого различий человеческого труда, самое малое есть единство предмета труда и целесообразной деятельности человека. Говорить о том, что от продуктов труда ничего не осталось, кроме затраты человеческой рабочей силы, значит говорить нелепицу, ибо продукта труда вне предмета труда не существует. Это с одной стороны. С другой стороны, что такое рабочая сила? По определению самого Маркса, это способность к труду. Слова о том, что «способность к труду не означает труд», также принадлежат Марксу. Очевидно, что выражение «сгусток лишённого различий человеческого труда» не означает выражение «затраты» человеческой рабочей силы». Труд и затрата способности к труду — две различные вещи. Перефразируя Маркса, можно сказать: затрата способности к труду вовсе еще не совпадает с фактическим трудом. Данная мысль посетила Маркса ближе к середине «Капитала», а потому, возможно, именно поэтому в начале «Капитала» он настойчиво продолжает сводить труд то к затрате рабочей силы, то к расходованию

рабочей силы. «Тот труд, — говорит Маркс, — который образует субстанцию стоимости, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы»^{xvi}. Дальше — больше. «Если отвлекаться от определенного характера производственной деятельности и, следовательно, от полезного характера труда, то в нем остается лишь одно — что он есть расходование человеческой рабочей силы», — читаем мы, читатель, буквально через несколько страниц^{xvii}.

Маркс явно отвлекся, отвлекся настолько, что, должно быть, потерял из вида объект познания. А потому вслед за предыдущей цитатой он продолжает: «Как портняжество, так и ткачество, несмотря на качественное различие этих двух видов производственной деятельности, представляют собой производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле — один и тот же человеческий труд. Это лишь различные формы расходования человеческой рабочей силы»^{xviii}. Скрываясь за «и т. д.», Маркс явно недоговаривает. Как портняжество, так и ткачество не есть лишь различные формы расходования рабочей силы. И портняжество и ткачество как виды производительной деятельности состоят не только из расходования человеческого мозга, мускулов, нервов, рук, но и (а также) из предмета труда и средства труда. И портняжество и ткачество, как и любой другой вид производительной деятельности вообще, не состоит из одного только человеческого фактора. Чтобы имело место портняжество или ткачество, недостаточно лишь расходования рабочей силы. Следовательно, Марксово утверждение (портняжество и ткачество — это лишь различные формы расходования рабочей силы) ошибочно. Таким образом, производительная деятельность не тождественна расходованию рабочей силы, а труд не тождественен рабочей силе.

Но Маркс не обращает на это внимания и продолжает настаивать на своем: «Он (труд. — *В. К.*) есть расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого человека, не отличающегося особым развитием»^{xix}. Возможно, на подсознательном уровне он и понимает нетождественность понятий «труд» и «рабочая сила». Однако в силу нехватки знаний своего времени о сущности труда и рабочей силы, с одной стороны, и необходимости ликвидации двойственности положения, с другой стороны, Маркс после череды неудачных попыток свести труд к рабочей силе наконец-таки решает избавиться от необходимости выражения рабочей силы через труд. Делает он это следующим образом. Говоря о видах труда, разъясняя читателю «Капитала» разницу между простым трудом и сложным трудом, он пишет: «Сравнительно сложный труд означает только возведенный в степень или, скорее, помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его стоимость делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определенное

количество простого труда. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленным обычаем. Ради простоты в дальнейшем изложении мы будем рассматривать всякий вид рабочей силы непосредственно как простую рабочую силу — это избавит нас от необходимости сведения в каждом частном случае сложного труда к простому»^{xx}.

Не сумев развязать сей гордиев узел, Маркс попросту разрубил его и таким образом избавил себя от необходимости дальнейших исследований в этом направлении. Выход, найденный им из тупика, в который попала классическая политическая экономия в поисках стоимости труда, заключался в отказе от труда как товара путем замены понятия «труд» на понятие «рабочая сила», а понятия «стоимость труда» — на понятие «стоимость рабочей силы». Маркс не то чтобы сузил вопрос — нет, он вовсе ушел от него. Несмотря на обилие сказанного им о труде, его интересовала в нем лишь одна сторона, а именно — связанная с производством, и прежде всего с производством потребительной стоимости. Отсюда и его твердое убеждение в том, что труд, потраченный на изготовление бесполезной вещи, не является трудом. «Вещь, — говорит Маркс, — не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на нее труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости»^{xxi}. Стало быть, труд, потраченный на изготовление брака, не считается за труд и не образует никакой стоимости? Разумеется, это не так. Труд, потраченный на изготовление брака, считается за труд и его стоимость закладывается в стоимость товара. Причем зачастую закладывается нормативно до изготовления бракованной продукции. Маркс вспоминает об этом только при калькуляции стоимости рабочей силы, что лишний раз показывает одностороннее понимание им понятий «труд» и «рабочая сила». Хотя в прошлом данное обстоятельство и не помешало Марксу и Энгельсу продвинуться вперед по пути познания истины, в настоящем оно является главным препятствием, сдерживающим развитие науки. Подняв знания о человеке и обществе на принципиальную высоту, основоположники марксизма оставили после себя массу вопросов, требующих детального рассмотрения сказанного ими, что и будет сделано ниже в отношении некоторых из них. И это нормально, ибо с тех пор как марксизм стал наукой, к нему и надо относиться, как к науке, т. е. его следует изучать и развивать, а не заучивать и повторять.

2. РАБОЧАЯ СИЛА

2.1. Виды рабочей силы

В процессе избавления от необходимости сведения в каждом частном случае сложного труда к простому труду Маркс сводит понятия «сложного труда» и «простого труда» к понятиям «сложная рабочая сила» и «простая рабочая сила» соответственно. Тем самым он допускает ошибку, выводя из видов труда виды рабочей силы. Дело в том, что рабочая сила не делится на простую рабочую силу и сложную рабочую силу. Применение категории «вид» в данном случае лишено смысла. Труд может быть простым и сложным, рабочая сила — нет.

Простой труд превращается в сложный не потому, что он становится тяжелым, более трудоемким, а как раз наоборот — простой труд превращается в сложный потому, что он становится легким, менее трудоемким. Например труд кроманьонца по изготовлению каменного рубила имеет значение сложного труда относительно труда неандертальца по изготовлению каменного рубила. В то время как неандерталец подолгу трудился над производством одного каменного рубила, кроманьонец играючи мог сделать за это же время несколько аналогичных каменных рубил. Простой труд принимает значение сложного труда лишь по мере его совершенствования. Благодаря этому сложный труд и производит в равные промежутки времени больше потребительных стоимостей, чем простой труд.

Предложим, что какое-либо изобретение, скажем швейная машина, дает возможность портному шить в два раза больше костюмов, чем до ее внедрения. Делается ли от этого труд портного сложным? Безусловно, поскольку помимо умения шитья костюма он должен обрести умение пользоваться швейной машиной. В чем конкретно выражается сложность труда портного в данном случае? В том, чтобы к своему труду он присоединил необходимый для шитья костюма прошлый труд, потраченный на изготовление швейной машины. Иными словами, сложный труд есть совокупность прошлого и живого труда. Сложный труд имеет место быть там и тогда, где и когда живой труд присоединяется к прошлому труду, овеществленному в чем-либо в процессе предыдущего общественного производства. Но был ли труд портного простым до появления швейной машины? Разумеется, нет. До появления швейной машины труд портного был сложным трудом, поскольку он использовал для шитья костюма достижения науки и техники, имеющиеся в наличии до появления швейной машины. Это потом, с появлением швейной машины, труд портного без употребления швейной машины примет значение простого труда, а труд с употреблением швейной машины — сложного труда. Таким образом, с развитием производительных сил и производственных отношений характеристики простого и сложного труда меняются. Следовательно, простой и сложный труд есть исторические категории.

А как в свете вышесказанного обстоит дело с рабочей силой? Что значит, например, выражение «сложная рабочая сила»? На эти вопросы у Маркса нет прямого ответа. Более того, он даже не рассматривает такое понятие, как «сложная рабочая сила», хотя и подразумевает его

существование. Косвенно же, в частности, он высказался следующим образом: «Труд, который имеет значение более высокого, более сложного труда по сравнению со средним общественным трудом, есть проявление такой рабочей силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которой стоит большего рабочего времени и которая имеет поэтому более высокую стоимость, чем простая рабочая сила. Если стоимость этой силы выше, то и проявляется она поэтому в более высоком труде и овеществляется поэтому за равные промежутки времени в сравнительно более высоких стоимостях»^{xxii}. Это дало повод марксистам по названию считать, что сложная рабочая сила есть такая рабочая сила, образование которой требует более высоких издержек, и т. д. (см. выше). Им и в голову не может прийти, что Маркс мог ошибиться, что, повторяя данное его положение, они даже не столько подрывают, сколько кладут конец марксизму. В самом деле, к чему стенания о чрезмерном труде и эксплуатации, к чему призывы к равноправию и справедливости, если у одних рабочая сила простая, у других — сложная, если сложная рабочая сила по своей природе имеет более высокую стоимость, чем простая рабочая сила. А кто у нас в штатных представителях сложной рабочей силы? Работники умственного труда! Выходит инженер, не говоря уже о других представителях умственного труда, всегда и везде должен получать больше, чем рабочий? Имей этот вопрос положительный ответ, грош цена разговорам о социализме и коммунизме. Таков результат догматизма и начетничества отечественных ученых-обществоведов. Стоит ли после этого удивляться, что марксизм из оружия для пролетариата превратился в оружие против пролетариата; что марксизм потерпел поражение не где-нибудь, а именно там, где им более всего пренебрегали, т. е. в СССР?

Сложный труд не есть проявление такой рабочей силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которой стоит большего рабочего времени, чем простая рабочая сила. Сложный труд, как было сказано выше, есть совокупность прошлого и живого труда. Только и всего. Здесь нет места разговору о тождественности сложного труда сложной рабочей силе хотя бы уже потому, что труд вообще, и сложный труд в частности, не равнозначен рабочей силе, ибо труд представляет собой нечто большее, чем рабочая сила. Следовательно, любое жонглирование понятием «рабочая сила» не сделает его адекватным понятию «труд» в любом виде. Это во-первых.

Во-вторых, в соответствии со сказанным Марксом, сложный труд есть помноженный простой труд. Стало быть, один простой труд умножаем на другой простой труд и получаем сложный труд. Иными словами, сумма простых трудов дает сложный труд. Маркс здесь останавливается. Этого ему достаточно, а потому он не идет дальше. А между тем умножается или складывается не любой простой труд. Нельзя умножить или сложить два простых овеществленных труда. Равно как нельзя умножить или сложить два простых живых труда. Умножаются

или складываются между собой только живой труд и овеществленный труд. В рассмотренном случае шитья костюма с использованием швейной машины живой труд портного складывается с простым трудом, овеществленным в швейной машине, которая требуется для шитья костюма.

В итоге получается искомый продукт как результат сложного труда. Таким образом, сложность труда портного состоит в присоединении им необходимого для шитья костюма прошлого труда, содержащегося в швейной машине, к своему живому труду.

Безусловно, чтобы шить костюм, используя швейную машину, портному самое малое следует научиться ею пользоваться... А как же иначе? — воскликнет здесь номинальный марксист потирая руки от удовольствия и ширясь в улыбке. Дальнейшее для него очевидно: для работы со швейной машиной наш портной должен получить образование, которое требует большего рабочего времени, а значит, стоит более высоких издержек, а потому его рабочая сила как сложная рабочая сила должна иметь более высокую стоимость, чем простая рабочая сила собрата по цеху, работающего по старинке, т. е. без использования швейной машины... Однако не будем пересказывать Маркса, как делают оные, а постараемся разобраться самостоятельно.

Итак, с одной стороны, портной со швейной машиной, с другой — портной без швейной машины. И тот и другой обладают рабочей силой, которая пускается ими в ход всякий раз, когда они производят потребительную стоимость. Спрашивается: у кого из них рабочая сила простая, а у кого — сложная?

Допустим, портной, использующий швейную машину, в течение одного рабочего дня шьет три костюма, тогда как портной, не использующий швейную машину, за это же время шьет только один костюм. Значит ли это, что первый портной расходовал в процессе труда в три раза больше рабочей силы, чем второй портной? Конечно же, нет. В действительности, хотя сложный труд по сравнению с простым трудом и производит в равный промежуток времени больше потребительных стоимостей, количество содержащегося в нем живого труда одинаково с количеством живого труда, содержащегося в простом труде. Для осуществления живого труда (напоминаю, речь идет о человеческом труде) требуется наличие человека, средства труда и предмета труда. «...В процессе труда (живого труда. — *В. К.*), — говорит Маркс, — деятельность человека при помощи средства труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда»^{xxiii}. Поскольку деятельность человека немыслима без расходования рабочей силы, постольку компонентами живого труда человека являются: рабочая сила, средство труда и предмет труда. Из этой триады лишь рабочая сила есть величина постоянная. Будь иначе, имей сложная рабочая сила место быть, ее обладатель, скажем, в лице нашего портного со швейной машиной, не работал бы в течение всего общественно установленного рабочего времени. Именно потому, что имеет место быть обратное, наш портной

со швейной машиной и работает ровно столько, сколько работает его коллега без швейной машины.

Чем сложнее труд, тем больше в нем доли прошлого, овеществленного труда. А раз так, то живой труд, потраченный портным со швейной машиной на производство одного костюма, ничтожно мал, а значит, ничтожно мала и величина потраченной им рабочей силы. Соответственно ничтожно мала и стоимость последней на единицу произведенного товара по сравнению с аналогичным результатом рабочей силы портного, шившего костюм без использования швейной машины. Допустим, первый портной шьет один костюм за час, второй шьет один костюм за целый рабочий день, границы которого общественно установлены в размере десяти часов. Это не значит, что первый портной получает дневную стоимость жизненных средств, работая один час в день, а второй — десять часов в день. Нет, и еще раз нет. Оба они работают одинаковое время и получают за свой труд одинаковую заработную плату. Имеющееся на практике небольшое отклонение как в величине их рабочего времени, так и в величине их заработной платы глубоко уходит корнями в политику и идеологию (о чем будет сказано позже).

В процессе жизнедеятельности человек должен проявлять определенную степень активности. Его жизни вредит и чрезмерная активность, и чрезмерная пассивность. Активность человека проявляется в той или иной форме его деятельности. Скажем, покупатель рабочей силы для поднятия жизненного тонуса своего дряхлеющего от безделья организма время от времени занимается «королевской» охотой, играет в теннис и т. д., тогда как продавец рабочей силы не может себе этого позволить по той лишь простой причине, что, работая за себя и за покупателя рабочей силы, он проявляет более чем достаточную активность.

Поскольку, по Марксу, стоимость рабочей силы определяется количеством жизненных средств, необходимых для ее воспроизводства, и она объективно расходуется в течение 24 часов в сутки, постольку продавец рабочей силы ежедневно должен продавать свою рабочую силу не ниже стоимости жизненных средств, необходимых для ее воспроизводства. В свою очередь покупатель рабочей силы не намерен в день платить продавцу рабочей силы ни копейки больше ее дневной стоимости. Дневная же стоимость жизненных средств, необходимых продавцу рабочей силы для воспроизводства его рабочей силы, определяется рабочим временем, необходимым для производства этих самых жизненных средств. Они могут быть продуктом самого сложного труда, но их стоимость будет равна стоимости продукта простого труда. Таким образом, читатель, мы пришли к тому, что стоимость рабочей силы не зависит от сложности труда, а зависит исключительно от величины общественно необходимого времени, потраченного на производство определенного количества требующихся ей жизненных средств. Этот результат мог быть получен и более коротким путем — на базе самой

рабочей силы. Но я был вынужден идти сам и вести тебя, читатель, за Марксом в силу нераспространения им своего положения — о сводимости сложного труда к простому труду, на один-единственный товар под названием «рабочая сила», что и позволяет ему, с одной стороны, делить рабочую силу на простую и сложную, а с другой — говорить о большей стоимости сложной рабочей силы относительно стоимости простой рабочей силы.

Итак, чем сложнее труд, тем меньше рабочей силы требуется на производство потребительной стоимости по сравнению с простым трудом. Но количество затраченной при этом рабочей силы в обоих случаях будет одинаково. Если для шитья костюма с помощью швейной машины, по нашему, читатель, предположению, требовалось $1/3$ рабочей силы, расходуемой портным в течение рабочего дня, то портному без швейной машины указанного количества рабочей силы хватает лишь для шитья $1/3$ костюма. Потому-то сложный труд и требует меньше времени на производство потребительной стоимости, чем простой труд, что в нем содержится больше овеществленного труда. В русле сказанного утверждение Маркса «меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого» (см. выше) не соответствует истине. Не меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого труда, а стоимость продукта меньшего количества сложного труда равняется стоимости продукта большего количества простого труда. Только в этом случае справедливы Марксовы слова: «Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его стоимость делает его равным продукту (точнее сказать, стоимости продукта. — В. К.) простого труда»^{xv}.

Продукты сложного и простого труда, изготовленные за равный промежуток времени, содержат одинаковое количество живого труда, но различное количество прошлого, т. е. овеществленного труда. Полагаю, нет надобности уточнять — общественно необходимого живого труда. Поскольку одинаковое количество живого труда представляет собой, кроме всего прочего, расходование одинакового количества рабочей силы, постольку стоимость последней одинакова и при сложном, и при простом труде. А раз так, то разговоры о простой и сложной рабочей силе лишены основания.

Что касается стоимости простой и сложной рабочей силы, то речь об этом пойдет в другом разделе, и, забегаю вперед скажу, не в пользу сторонников наличия простой и сложной рабочей силы.

Политическая экономия рассматривает рабочую силу только со стороны производства, и прежде всего производства потребительных стоимостей. Она изучает не рабочую силу как таковую, а ее проявление в процессах и явлениях экономической жизни общества. Товар, стоимость и другие категории, столь милые политической экономии, к самой рабочей силе как таковой имеют косвенное отношение. Рабочая сила как таковая, будучи материальной силой, является объектом

познания естествознания. Точнее говоря, той ее части, которая называется «физика».

Здесь и обнаруживается, что рабочей силой называется то, что вызывает или прекращает движение, изменяет направление движения или изменяет форму тела; что рабочая сила является величиной физической и векторной; что рабочая сила характеризуется численным значением, направлением в пространстве и точкой приложения. Короче говоря, рабочая сила — это обозначение и мера действия человека на другое материальное тело. Отсюда ясно, почему понятия «простой» и «сложный» не относятся к характеристике рабочей силы. Кто еще не понял, поясню. Рабочая сила есть единичная сила. Ее нельзя саму с собой складывать или саму на себя умножать. Желающие могут попробовать произвести операцию сложения или умножения, например, с одним и тем же, т. е. с единственным деревом. Если у кого-то ответ получится меньше или больше одного дерева, тот может смело обращаться к психиатру. У кого ничего такого не получится, значит еще не все потеряно... Так вот, рабочая сила не может быть сложной, ибо не является множеством рабочих сил, т. е. не представляет собой систему, состоящую из рабочих сил, образующих определенную целостность. Элементарность рабочей силы состоит в том, что она неделима на несколько рабочих сил. Это так же верно, как понятия «простая» и «сложная» являются абсурдными применительно к силе ветра или силе тяжести.

Рабочая сила как обозначение и мера действия человека на другое материальное тело, по большому счету, если и отличается от лошадиной силы, то только одним: субъектом владения, носителем силы. Рабочая сила принадлежит человеку, лошадиная сила — лошади. И человек, и лошадь в процессе своей жизнедеятельности используют свою силу. Сознательно или нет, к делу не относится. Главное здесь то, что и человек, и лошадь не могут трудиться, иначе как пуская в ход свои физические и умственные способности. Кто лучше, кто хуже, кто больше, кто меньше — также к делу не относится. Как известно, наличия силы — будь то рабочей (правильнее было бы сказать человеческой, но мы, читатель, для простоты уяснения будем придерживаться старого понимания) или лошадиной — вовсе недостаточно для совершения труда (работы). Необходимо, чтобы та или иная сила (в данном случае принадлежащая человеку или лошади соответственно) действовала во времени.

Два века назад по причине дороговизны лошадей, занятых, в частности, при откачке воды из каменноугольных шахт, создатель паровой машины заинтересовался тем, сколько лошадей может заменить его детище. Он опытным путем определил, что за одну секунду лошадь может поднять груз массой 75 кг на высоту один метр. Таким образом, труд, совершаемый лошадью при поднятии тяжести весом 75 кг на высоту один метр в течение одной секунды, был принят за одну лошадиную силу. Вслед за установлением того, что одна лошадиная сила

равна труду (работе) лошади в 75 килограммометров в секунду, была найдена и формула выражения мощности в лошадиных силах: л. с. = работа ($F \times S$)/75 кг × время (сек). С тех пор и почти до конца XX века нашей эры лошадиная сила была наиболее распространенной единицей измерения мощности.

А что же рабочая сила? По различным причинам, среди которых идеологические стоят на первом месте, она не рассматривалась в качестве силы природы. Более того, мощность человека выражалась в лошадиной силе. Так, в книге «Физика», написанной Л. Элиотом и У. Уилкоксом, не без гордости сообщается, что человек весом 75 кг, поднимаясь по канату на высоту три метра, за три секунды развивает мощность в одну лошадиную силу. «При длительной работе, — говорят они далее, — человек может развить мощность только 1/7 лошадиной силы»^{xxv}.

Разве нельзя было определить величину рабочей силы хотя бы и на примере определения лошадиной силы? Конечно, можно! Не только можно, но и нужно было это сделать. Тогда, глядишь, и отпало бы множество вопросов, связанных с понятием «рабочая сила». Одно дело определять мощность трактора, другое — швейной машины. За один рабочий день продолжительностью восемь часов трактор может вспахать десять гектаров земли. Чтобы вспахать данное количество земли за такое же время, требуется, допустим, десять лошадей. В таком случае вполне естественно выражать мощность трактора в лошадиной силе. Иначе обстоит дело со швейной машиной. Здесь высвобождаются из процесса труда не лошади, а люди. Поэтому правильно выражать мощность швейной машины не в лошадиной силе и не в ваттах, как делается сейчас, а в человеческой силе или, если придерживаться старой терминологии, в рабочей силе. Тем самым повысится качество определения потребительских свойств и технических характеристик швейной машины.

2.2. Стоимость рабочей силы

2.2.1 Стоимость так называемой простой и так называемой сложной рабочей силы

Согласно вышеприведенному Марксову утверждению, сложная рабочая сила есть проявление такой рабочей силы, образование которой стоит более высоких издержек, производство которой стоит большего рабочего времени и которая имеет поэтому более высокую стоимость, чем простая рабочая сила. На то, что Маркс не оговорился, указывает помимо всего прочего его выступление летом 1865 г. на Генеральном Совете, т. е. практически за два года до выхода в свет «Капитала», где он в ранее упомянутом докладе «Заработная плата, цена и прибыль» говорит следующее: «Так как издержки производства рабочей силы различного качества различны, то должна быть различной и стоимость

рабочей силы, применяемой в различных отраслях производства... На основе системы наемного труда стоимость рабочей силы устанавливается так же, как и стоимость всякого другого товара, а так как различные виды рабочей силы имеют различные стоимости, то есть требуют для своего производства различных количеств труда, то и на рынке труда они должны оплачиваться по разным ценам»^{xxvi}. Маркс не оставляет места для сомнения, хотя, высказываясь по данному вопросу в «Капитале», он явно осторожничает. «Для того чтобы преобразовать человеческую природу так, чтобы она получила подготовку и навыки в определенной отрасли труда, стала развитой и специфической рабочей силой, требуется определенное образование или воспитание, которое, в свою очередь, стоит большей или меньшей суммы товарных эквивалентов. Эти издержки на образование различны в зависимости от квалификации рабочей силы. Следовательно, эти издержки обучения — совершенно ничтожные для обычной рабочей силы — входят в круг стоимостей, затрачиваемых на ее производство»^{xxvii}.

В самом деле, портному, использующему швейную машину, необходимо как минимум уметь пользоваться ее. При этом он затратит определенное количество труда в течение определенного количества времени, необходимое для приобретения жизненных средств, требующихся на поддержание собственной жизни в процессе обучения навыкам работы на швейной машине. Иными словами, для приобретения навыков работы на швейной машине он должен понести некоторые издержки, которые, говоря по Марксу, затем будут включены в круг стоимостей, затрачиваемых им на производство своей рабочей силы. Значит ли это, что стоимость рабочей силы портного, шьющего костюм с помощью швейной машины, будет выше стоимости портного, шьющего костюм вручную, на величину издержек обучения работе на швейной машине?

Предположим, что для овладения навыками пользования швейной машиной достаточно ежедневного обучения в течение одного месяца. На это время портному требуются жизненные средства, равные по стоимости месячной стоимости рабочей силы. Пойдем еще дальше и предположим, что он не только обучился навыкам владения швейной машиной, а продолжил обучение и за десять лет, потратив десятилетнюю стоимость рабочей силы, до тонкости овладел всеми новейшими знаниями в области шитья костюма. Скажем, если раньше он был хорошим портным, то теперь стал суперпортным.

Получив образование суперпортного, наш герой выходит на рынок труда и с горечью обнаруживает, что его «золотые руки» ценятся не выше, чем руки портного, занятого простым трудом. Его усилия, направленные на продажу своей рабочей силы с учетом возмещения стоимости издержек на десятилетнее образование, оканчиваются неудачей. Почему?

Потому и только потому, что «стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым

для производства, а следовательно и воспроизводства этого специфического предмета торговли. Поскольку рабочая сила — стоимость, в ней самой представлено лишь определенное количество овеществленного общественного среднего труда. Рабочая сила существует только как способность живого индивидуума. Производство рабочей силы предполагает, следовательно, существование последнего. Раз существование индивидуума дано, производство рабочей силы состоит в воспроизводстве самого индивидуума, в поддержании его жизни»^{xxviii}. Покупателя рабочей силы не волнуют издержки продавца рабочей силы. Он платит последнему столько, сколько тому требуется для поддержания его жизнедеятельности, т. е. стоимость общественно необходимых жизненных средств. Сколь бы ни была высока производительность нашего суперпортного, с точки зрения Марксова деления дневного рабочего времени на необходимое и прибавочное рабочее время, это ведет лишь к уменьшению необходимого и, следовательно, увеличению прибавочного рабочего времени. Стоимость же его рабочей силы при этом остается неизменной, поскольку остается неизменной дневная стоимость необходимых ему жизненных средств. «Сумма жизненных средств, — поясняет Маркс, — должна быть достаточна для того, чтобы поддержать трудящегося в состоянии нормальной жизнедеятельности»^{xxix}.

Все верно, за исключением одного. В задачу покупателя рабочей силы не входит поддержание продавца рабочей силы в состоянии нормальной жизнедеятельности. Иначе бы не было конфликта между ними. Каким бы супер-пупером не был наш портной, стоимость его рабочей силы будет равна стоимости жизненных средств, необходимых для поддержания его жизнедеятельности исключительно в хиреющем виде. Отсюда и конфликт между покупателем и продавцом рабочей силы. Ошибается тот, кто полагает, что издержки продавца рабочей силы на свое образование будут возмещены покупателем рабочей силы. В условиях системы наемного труда издержки на образование продавца рабочей силы есть его личное дело. Хочешь быть высококлассным плотником, токарем, пекарем? Будь им. Хочешь быть высококлассным физиком, математиком, философом? Будь им. Но стоимость рабочей силы и плотника, и физика и т. д. будет равна стоимости жизненных средств, общественно необходимых для поддержания их жизнедеятельности. Выражение «общественно необходимых» не должно вводить в заблуждение читателя, знакомого с совместным черновиком Маркса и Энгельса «Немецкая идеология», где, кроме всего прочего, ими было сказано о том, что «...тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила... Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, как выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, — это выражение тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим, это,

следовательно, мысли его господства»^{xxx}. Очевидно, что в классовом обществе выражение «общественно необходимое» означает «необходимое господствующему классу». Потому капиталист и поддерживает рабочую силу продавца рабочей силы в хиреющем виде, что это и есть основа господствующего в эксплуататорском обществе вообще и капиталистическом обществе в частности экономического отношения между эксплуататором и эксплуатируемым.

Разумеется, величина стоимости жизненных средств плотника будет различаться с величиной стоимости жизненных средств физика — как в большую, так и меньшую сторону. Речь идет здесь не о равенстве стоимости рабочих сил плотника и физика, а о соответствии стоимости их рабочей силы. Короче говоря, номинальная и действительная стоимость рабочей силы, будь то плотника, физика и т. д., должны быть одинаковой величины. Не то у Маркса. «Естественные потребности, — говорит он, — как-то пища, одежда, топливо, жилище и т. д., различны в зависимости от климатических и других природных особенностей той или другой страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории и зависят в большей мере от культурного уровня страны, между прочим в значительной степени и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих. Итак, в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент»^{xxxi}. Придерживаясь Маркс этих своих слов, он бы не вышел на разговор о большей стоимости сложной рабочей силы относительно стоимости простой рабочей силы. К сожалению, он не был последователен, я бы даже сказал, был небрежен по данному вопросу. Те же, кто творчески развивал марксизм по долгу службы, были озабочены не столько поиском истины, сколько получением ученой степени, ученого звания и иных привилегий, не вникая в существо разбираемого вопроса. А существо это в данном случае состоит в том, что в противоположность другим товарам стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизнедеятельности продавца рабочей силы, иными словами, стоимость рабочей силы (пока я придерживаюсь сказанного Марксом) определяется историческим и моральным элементом. Говоря по Марксу, если стоимость костюма определяется в соответствии с количеством труда или общественно необходимым рабочим временем, затраченным на его производство, то стоимость рабочей силы помимо этого определяется, с одной стороны, климатическими и природными условиями, с другой — в зависимости от культурного уровня страны, от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих.

Действительность вроде бы (говоря так, я условно соглашаюсь с Марксом в силу необходимости следования за ним для выявления противоречивости различных его положений друг другу относительно

рассматриваемого вопроса) красноречиво свидетельствует в пользу такого положения дел. Нет единства в стоимости рабочей силы даже среди одной квалификации рабочих, более того — в одной отрасли производства. Два слесаря одного и того же разряда, работая бок о бок, выполняя одну и ту же работу, могут получать в зависимости от настроения бригадира, мастера и т. д. различную заработную плату. Действие исторического и морального элемента тем существеннее, чем дальше отстоят друг от друга продавцы рабочей силы. Например, разница в стоимости рабочей силы (в форме заработной платы) слесаря-ремонтника, скажем 5-го разряда, в авиационной промышленности и в сельском хозяйстве видна невооруженным глазом. Для полноты картины надо сказать, что стоимость рабочей силы в эксплуататорском обществе, кроме всего прочего, во-первых, зависит от цвета кожи продавца рабочей силы. Если наши слесари, предположим, жители США и один из них белый, а другой черный, то при всех прочих равных условиях стоимость рабочей силы первого будет на 15—30 процентов выше стоимости рабочей силы второго. Во-вторых, стоимость рабочей силы зависит от гражданства продавца рабочей силы. Если наши слесари, опять-таки предположим, — жители Франции и один из них гражданин Франции, а другой гражданин Турции, то стоимость рабочей силы первого будет на 15—30 процентов выше стоимости рабочей силы второго. Существует множество других параметров определения стоимости рабочей силы: разрез глаз, вероисповедание, язык и т. д. Среди этого многообразия определителей стоимости рабочей силы нет такого параметра, как затраты на обучение или повышение квалификации рабочего.

Данная картина получится и при рассмотрении стоимости рабочей силы представителей умственного труда. Скажем, два человека закончили один и тот же институт. Оба пошли работать на одно и то же предприятие и даже в один и тот же цех. Один начал трудовую деятельность с должности начальника цеха, поскольку его отец — директор данного предприятия, а другой — с простого инженера, хотя последний, как правило, имеет больше навыков и знаний, чем первый. При чем здесь простая и сложная рабочая сила? Очевидно, что разговоры как о наличии простой и сложной рабочей силе, так и о разнице в их стоимости есть чистой воды профанация.

В заключение разговора о стоимости простой и сложной рабочей силы, полагаю, будет нелишне акцентировать внимание читателя на ранее приведенное высказывание Маркса: «Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его стоимость делает его равным продукту простого труда»^{xxxii}.

С учетом вышесказанного, перефразируя Маркса, получим: рабочая сила может быть продуктом самого сложного труда, но ее стоимость делает ее равной стоимости рабочей силы как продукту простого труда.

А как же исторический и моральный элемент? — спросит читатель. А никак, отвечу я. Подробнее же об этом будет сказано ниже.

2.2.2 Стоимость дневной рабочей силы

Говоря о стоимости рабочей силы, Маркс то и дело оперирует понятием «дневная стоимость рабочей силы». По его мнению, величина последней при продолжительности рабочего дня 12 часов определяется 6 часами рабочего времени, т. е. половиной рабочего дня. Труд продавца рабочей силы, затраченный в течение этого времени — времени необходимого на производство стоимости жизненных средств, требующихся ежедневно для поддержания жизнедеятельности продавца рабочей силы, — Маркс называет необходимым трудом. Труд, затраченный продавцом рабочей силы в течение оставшегося времени рабочего дня, он называет прибавочным трудом. В производимых им расчетах количество необходимого труда, как правило, оказывается равным количеству прибавочного труда. Иными словами, он исходит из того, что для производства дневной стоимости рабочей силы достаточно половины рабочего дня. «Пусть, — говорит Маркс, — в этой необходимой для среднего дня товарной массе заключено 6 часов общественного труда; тогда в рабочей силе ежедневно овеществляется половина дня общественно среднего труда, т. е. требуется половина рабочего дня для ежедневного производства рабочей силы. Это количество труда, ежедневно необходимое для ежедневного производства рабочей силы, составляет ее дневную стоимость, или стоимость ежедневно воспроизводимой рабочей силы. Если полдня среднего общественного труда выражается в массе золота в 3 шиллинга, или в один талер, то талер есть цена, соответствующая дневной стоимости рабочей силы. Если продавец рабочей силы ежедневно продает ее за один талер, то ее продажная цена равна ее стоимости и, по нашему предположению, владелец денег действительно уплачивает эту стоимость»^{xxxiii}.

Учитывая, что прибавочный труд продавца рабочей силы целиком и полностью присваивается покупателем рабочей силы, найдем, читатель, что, работая полдня на себя, полдня на покупателя рабочей силы, продавец рабочей силы в течение рабочего дня производит не только дневную стоимость своих жизненных средств, но и дневную стоимость жизненных средств покупателя рабочей силы. Следовательно, тысячи продавцов рабочей силы ежедневно производят стоимость жизненных средств для тысячи покупателей рабочей силы. Даже с учетом количественного и качественного превышения привычек и жизненных притязаний покупателей рабочей силы над привычками и жизненными притязаниями продавцов рабочей силы нелепость данного утверждения очевидна. С увеличением численности продавцов рабочей силы, скажем в миллион человек, нелепость данного утверждения будет еще очевиднее.

Во-вторых, неверно, что если продавец рабочей силы ежедневно продает свою рабочую силу за, например, один рубль, то рубль есть цена, соответствующая дневной стоимости рабочей силы. Продавец рабочей силы продает свою рабочую силу за один рубль не потому, что один рубль есть ее стоимость, а потому, и только потому, что купля-продажа обусловлена историческим и моральным элементами — тем, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировались участники данного акта.

В-третьих, неверно, что покупатель рабочей силы, покупая рабочую силу на один день, оплачивает ее дневную стоимость, на неделю — недельную, на месяц — месячную и т. д. Не знаю, как во времена Маркса, но сегодня ни для кого не секрет, что большинство продавцов рабочей силы, если не все, вынуждены ради удовлетворения своих жизненных потребностей так или иначе иметь дополнительный источник дохода. Одни после окончания рабочего дня либо устраиваются работать на полставки у другого покупателя рабочей силы, либо продолжают работать на полставки по месту своей работы. Другие работают в две смены. Третьи берут взятки. Четвертые воруют и т. д. и т. п. Соблюдайся эквивалент товаров относительно рабочей силы, продавай продавец рабочей силы свой товар по его стоимости, не было бы у него надобности продавать свою рабочую силу сверх ее дневной стоимости, которую якобы действительно уплачивает за рабочий день покупатель рабочей силы. Продавец рабочей силы нуждается в дополнительном заработке именно потому, что при покупке рабочей силы на день покупатель рабочей силы в действительности не уплачивает ее дневную стоимость. Крайними способами получения дополнительного заработка являются убийство и проституция. Преступники и проститутки предпочитают, соответственно, убивать и торговать телом, поскольку это требует меньше затрат рабочей силы, а ее стоимость больше относительно затрат рабочей силы и ее стоимости у рабочего. А что делать, если дневная стоимость рабочей силы оказывается ниже стоимости жизненных средств, ежедневно необходимых для поддержания продавца рабочей силы в состоянии нормальной жизнедеятельности? При стоимости хлеба весом 450 грамм 8 рублей, одного килограмма мяса — 120 рублей, ежемесячных коммунальных услуг за однокомнатную квартиру — 250 рублей, ежемесячного проезда в общественном транспорте — 700 рублей и прочих обязательных расходах на молоко, обувь, пальто и т. д. нельзя поддерживать рабочую силу в состоянии нормальной жизнедеятельности, получая за нее в среднем 3 тысячи рублей в месяц. И это в благополучной Москве! Положение дел со стоимостью рабочей силы в других регионах России еще хуже.

Желающих работать по полторы-две смены за чай с сахаром, когда рядом находится бездельник, катающийся как сыр в масле, ничтожно мало. А тут еще руководство страны во главе с Путиным протаскивает через Думу новый КЗОТ практически с узурпаторскими правами

работодателя и кабальными обязанностями работополучателя. Одно отсутствие четко установленных границ рабочего дня чего стоит! И этот рабовладельческий КЗОТ разрабатывался в правительственных кабинетах! Вот уж поистине правы те, кто говорит: «Хотели Путина — выбрали Ельцина».

Гораздо больше тех, у кого дополнительный заработок, требующийся для доведения жизненных средств до достаточного количества, чтобы можно было поддержать жизнедеятельность продавца рабочей силы в нормальном состоянии, состоит из взятки, воровства и других так называемых нетрудовых доходов. Доктор исторических О. Арин со ссылкой на американский журнал «Тайм» от 6 февраля 1995 года пишет: «В США каждые 16 секунд происходят преступления с применением насилия, каждые 3 секунды уворовывается собственность, каждые 48 секунд — ограбление, каждые 4 секунды — воровство, каждые 11 секунд — ограбление с взломом, каждые 20 секунд — кража машины»^{xxxiv}. Так обстоит дело в хваленых США по их же данным. В действительности же надо полагать, что указанные Ариным цифры занижены. Очевидно одно, а именно — все эти преступления совершаются не ради спортивного интереса (не исключено, что такие имеются, но их величина не превышает и сотой доли от общего числа преступлений), а ради хлеба насущного из-за низкой стоимости рабочей силы. По официальным данным, в тех же США в 1995 году проживали 265,2 млн. человек. Из них 41,1 млн. человек, т. е. 15,1% населения, жили за чертой бедности. К сожалению, у меня нет данных о пороге бедности в США за указанный период, а лишь за 1986 год. Так вот, в 1986 году в США официальная оценка порога бедности составляла 5,3 тыс. долл. в год для одиночек пожилого возраста, 11,2 тыс. дол. — для семьи из четырех человек, 22,5 тыс. дол. — для семьи из девяти человек^{xxxv}. Каково экономическое положение людей, живущих в США за чертой бедности, станет ясно, если сказать, что средняя заработная плата продавца рабочей силы за указанный период здесь составляла 30 тыс. дол. в год. Вот где основа почти всех преступлений. Последние массовые погромы магазинов и банков в Буэнос-Айресе и других годах Аргентины, произошедшие средь бела дня в конце 2001 года, убедительно свидетельствуют в пользу данного утверждения.

Недовольны стоимостью своей рабочей силы не только рабочие, крестьяне и прочие представители преимущественно физического труда, но и продавцы рабочей силы, занятые преимущественно умственным трудом. У последних излюбленным источником дополнительного заработка служит коррупция, на знамени которой написано «продажность и подкуп». Особенно сильно развита коррупция при капитализме. На это обратил внимание Ленин еще в 1916 году. «Политическая реакция по всей линии — свойство империализма. Продажность, подкуп в гигантских размерах, панама всех видов»^{xxxvi}, — подчеркивал он, говоря о чертах, присущих высшей стадии капитализма. Именно при капитализме коррупция проникает чуть ли не во все сферы человеческой

деятельности, пронизывая общество снизу доверху. Удручающие факты на сей счет приводятся в докладе, подготовленном совместными усилиями Совета по внешней и оборонной политике и регионального общественного фонда «Информатика для демократии». Цитирую:

«Она (коррупция. — *В. К.*) свойственна всем странам, независимо от политического устройства и уровня экономического развития. Дело лишь в масштабах. Ни одна страна не может считать себя застрахованной от коррупции. Так, в 1994 г. Швейцария, которая гордилась неподкупностью своих государственных служащих, была потрясена грандиозным скандалом вокруг чиновника из кантона Цюрих — ревизора ресторанов и баров. Ему инкриминировались взятки на сумму почти 2 миллиона долларов. Сразу вслед за этим было начато расследование против пяти ревизоров-взяточников из состава правительства Швейцарии, покровительствовавших отдельным фирмам при организации государственных поставок. Затем разразились еще два скандала.

Во Франции происходят массовые расследования коррупционных действий, совершаемых бизнесменами и политическими деятелями. В 1993 г. премьер-министр впервые пообещал, что не будет этому препятствовать. «Ситуация во Франции постепенно меняется, еще десять лет назад здесь запрещалось расследование случаев взяток и коррупции», — утверждал французский судья Жан-Пьер Тьери.

Многочисленные случаи коррупции в Италии, затронувшие самые высокие политические круги, привели к тому, что более 700 бизнесменов и политических деятелей предстали перед судами в результате начавшихся в 1992 г. расследований в Милане.

В сентябре 1996 г. в Берлине прошла специальная конференция по проблемам борьбы с коррупцией. По представленным там материалам во многих крупных городах ФРГ прокуратуры заняты расследованием нескольких тысяч случаев коррупции: во Франкфурте-на-Майне более 1000, в Мюнхене — около 600, в Гамбурге — около 400, в Берлине — около 200. В 1995 г. было официально зарегистрировано почти 300 случаев взяточничества. В 1994 г. перед судом оказались почти 1500 человек, а в 1995 г. — более 2000, причем эксперты считают эти данные лишь вершиной айсберга. В коррупцию вовлечены ведомства по проверке иностранных беженцев, пункты регистрации новых автомобилей и многие другие учреждения. Так, за наличные деньги можно незаконно купить право на открытие ресторана или казино, водительские удостоверения, лицензии на отбуксировку неверно припаркованных автомобилей. Наиболее сильно коррупцией заражена строительная индустрия.

Время от времени мы становимся свидетелями крупных коррупционных скандалов, герои которых — лидеры ведущих держав мира и высшие руководители уважаемых международных организаций. Сумма взяток, о которых идет речь, многократно превосходят доходы наших коррупционеров. В одном из своих бюллетеней международная

общественная организация «Трансперенси Интернэшнл» (далее — ТИ), цель которой — оказание сопротивления коррупции на международном и национальных уровнях и в бизнесе, утверждала: «Она (коррупция. — В. К.) стала привычным явлением во многих ведущих индустриальных государствах, богатство и устойчивые политические традиции которых позволяют, однако, скрыть размах огромного ущерба, наносимого коррупцией социальной и гуманитарной сферам». Исследование, проведенное национальными филиалами ТИ в 1995 г., показало, что «коррупция в государственном секторе принимает одинаковые формы и воздействует на те же сферы независимо от того, происходит ли это в развитой или развивающейся стране»^{xxxvii}.

Не застрахована, более того — не свободна от коррупции и современная Россия. Ежегодно наша экономика теряет из-за коррупции как минимум 20 миллиардов долларов США. Авторы вышеупомянутого доклада справедливо полагают, что «...опасность коррупции во многом проистекает из массы удобств, которые она предоставляет всем, кто прибегает к ее услугам. Для многих государственных служащих — от рядового «гаишника» до матерого министра — она является источником весьма солидного дохода, причем дохода не только приятного, как говорят у нас, не пыльного, но даже овсянного в наше циничное время некоторым ореолом романтики. Для рядового гражданина взятка, даваемая чиновнику, — единственное средство направить власть на путь истинный и заставить ее служить обществу, точнее — конкретному его представителю, покупающему услуги чиновника... Для бизнесмена коррупция — это способ экспорта рыночных отношений в те сферы, где им нет места, и одновременно средство подавить конкуренцию там, где она нужна обществу, но очень не нужна этому бизнесмену. Взятка бизнесмена — это приобретение чужой воли, присвоение чужих правовых и властных прерогатив. Для политика коррупция — не только удобная среда, дающая ему постоянный заработок как медиатору между сферой принятия решения и сферой, в которой эти решения прорастают обильной зеленой порослью. И конечно, это не только тема для упражнения в красноречии. Коррупция для него — это важнейший инструмент политической борьбы, это кувалда, которой можно сокрушить любого соперника. Наконец, это трамплин, который может забросить на верхушку властной пирамиды. Коррупция — любимое дитя журналиста. Ничто не приносит такой доход (следовало бы уточнить: нетрудовой доход. — В. К.), как разоблачение коррупционеров или, наоборот, уклонение от этого разоблачения»^{xxxviii}.

Коррупция — неотъемлемый атрибут капиталистического, а если быть точнее, эксплуататорского общества. Именно поэтому авторы указанного доклада в лице Г. А. Сатарова и К^о, будучи приверженцами капиталистического развития России, убеждены в бессмертии коррупции. «Короче говоря, — резюмируют они, — коррупция нужна всем. Поэтому она непобедима»^{xxxix}. Отсюда и их уверенность в том, что «борьба с коррупцией — это не разовая компания. Это постоянная часть

государственной политики, которая должна пронизывать всю законодательную, административную и правоохранительную деятельность даже тогда, когда власть с полным на то основанием может сказать: «У нас в стране коррупции практически нет»^{xi}. Одно неясно: как можно вести борьбу с коррупцией при ее практическом отсутствии? У Сатарова и К^о нет ответа на поставленный вопрос. Их сильно беспокоит другое: «Бесплодная антикоррупционная компания, предпринимаемая исключительно в целях приобретения каким-либо политиком или какой-нибудь партией дополнительного кусочка власти, еще больше усугубит и без того критическое разочарование граждан в нынешнем политическом истеблишменте. Будет окончательно подорвано доверие людей к нынешней политической системе»^{xii}.

Обеспокоенные недопущением усугубления и без того критического разочарования граждан России в нынешнем политическом истеблишменте в лице Ельцина, Гайдара, Чубайса, Черномырдина, Березовского и других «славных» сынов отечества; недопущения окончательного подрыва доверия россиян к нынешней политической системе, отбросившей 85% населения страны за черту бедности, той самой политической системы, которая ежегодно сокращает численность россиян почти на миллион человек, Сатаров и К^о предлагают управлять антикоррупционной программой, базируясь на точном понимании процесса, т. е. осмысленно. «Любая осмысленная политика, — говорят они, — базируется на точном понимании процессов, которыми предстоит управлять»^{xiii}. А поскольку их понимание процесса сводится к необходимости — и более того, непобедимости — коррупции, постольку предлагаемые ими принципы и содержание антикоррупционной политики направлены не на ликвидацию коррупции, а на изменение ее формы. Отсюда и их предельная конкретность: «...Мы рассчитываем на здравый смысл и инстинкт самосохранения многих из тех, кто вынужден подчинять себя правилам коррупционной игры, но понимает, что коррупция, когда с ней не борются, растет и подминает под себя все. Когда падают обломки прогнившей демократии, первыми жертвами становятся те, кто больше всех раздражает рассвирепевшую толпу обывателей. Нетрудно догадаться, что эти жертвы — кичащиеся своим богатством покупатели чиновников и уверовавшие в свою безнаказанность продавцы коррупционных услуг»^{xiiii}. Нетрудно догадаться и о том, что рассвирепевшая толпа обывателей — это ежедневно обманываемые миллионы и миллионы продавцов рабочей силы. Чтобы эти самые ежедневно обманываемые миллионы и миллионы продавцов рабочей силы не послали к черту нынешнюю политическую систему, Сатаров и К^о предлагают ее истеблишменту договориться между собой о том, кто, когда и в каких размерах может заниматься коррупцией.

Стоит ли после этого удивляться успехам борцов борьбы с коррупцией в нашей стране? «Из общего числа осужденных за взяточничество в 1994—1996 гг. приговоры, связанные с лишением

свободы, получили лишь 1169 человек (34%). Если сопоставить эти сведения с данными прокуратуры РФ, которая за это же период выявила в среднем около 5000 «проявлений» взяточничества в год, то выяснится, что обвинительные приговоры выносятся не более чем каждому пятому обвиняемому прокуратурой, а вероятность попасть за решетку после возбуждения дела прокуратурой не превосходит 0,08%»^{xiv}. И это только относительно взяточничества. К тому же велика вероятность, что львиная доля из 1169, лишенных свободы за взяточничество, была осуждена, образно говоря, за вынос с завода одного ржавого гвоздя. Тех же, кто, опять-таки образно говоря, воровал машинами или вагонами, среди этих 1169 осужденных либо ничтожно мало, либо вовсе нет. Они, как правило, отделяются легким испугом. Вот совсем свежий пример. 3 ноября 2001 года, после нескольких лет судебного разбирательства, Мосгорсуд признал виновным бывшего министра юстиции России В. Ковалева в хищении в особо крупных размерах и получении взятки (в общей сложности речь шла, кажется, о 600 тыс. долл. США). Он был приговорен к 9 годам лишения свободы... условно. Его помощник по фонду «Общественная защита гражданских прав» А. Максимов также был признан виновным по данным обвинениям и приговорен к 6 годам лишения свободы... условно. Полагаю, нет надобности доказывать, что, будь на их месте «простой смертный», он бы получил на всю катушку с отбыванием в колонии строгого режима.

В настоящее время коррупция в стране приняла столь угрожающие масштабы, что ее дальнейшее игнорирование властью предрержащими стало просто невозможно. Устами президента России В. Путина, сменившего на этом посту Ельцина, борьба с коррупцией была объявлена одной из приоритетных задач. С этой целью указом президента России 26.11.03 г. был создан при президенте России Совет по борьбе с коррупцией. Председателем данного совета был назначен Председатель правительства Российской Федерации М. Касьянов. Его заместители — тоже не «маленькие» люди. Одним из них являлся заместитель главы администрации президента России Д. Козак. Первое заседание Совета по борьбе с коррупцией состоялось в начале 2004 года. Судя по всему, отечественный истеблишмент внял советам Сатарова и К^с относительно необходимости управления коррупцией на основе разработанной ими программы. А впрочем, все равно, какую программу будет реализовать новоявленный Совет. Результат известен заранее: при существующем нынешнем общественно-политическом устройстве России — капитализме — борьба с коррупцией равнозначна борьбе с тенью.

Таким образом, в дополнительном заработке нуждаются не только продавцы рабочей силы, являющиеся представителями так называемого преимущественно физического труда, но и продавцы рабочей силы, являющиеся представителями так называемого преимущественно умственного труда. И те и другие вынуждены подрабатывать на стороне (честно или нечестно, к делу не относится) потому, и только потому, что покупатель рабочей силы оценивает рабочую силу продавца рабочей

силы ниже ее стоимости. Будь иначе, у них не было бы нужды работать в день по полторы-две смены, брать взятки, воровать, убивать и т. д. в целях получения дополнительного заработка, необходимого для поддержания своей жизнедеятельности в нормальном состоянии.

2.2.3 Стоимость рабочей силы как таковой

Невзирая на «небрежность», допущенную Марксом, когда он говорил о том, что в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент, в целом его точка зрения в части определения стоимости рабочей силы не претерпела каких-либо изменений. За вычетом указанной «небрежности» он твердо придерживается того положения, что стоимость рабочей силы определяется, как и стоимость всякого другого товара (кто забыл, напомним — это его кредо с 1859 года). Дабы не быть голословным относительно неизменности точки зрения Маркса по вопросу определения стоимости рабочей силы, а заодно высветить читателю дальнейшую тему разговора, приведу следующее его высказывание: «Рабочая сила покупается и продается по своей стоимости. Стоимость ее, как и стоимость всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для ее производства. Следовательно, если для производства жизненных средств рабочего, потребляемых им в среднем ежедневно, требуется 6 часов, то в среднем он должен работать по 6 часов в день, чтобы ежедневно производить свою рабочую силу, или чтобы воспроизводить стоимость, получаемую при ее продаже»^{xlv}. Введя в политическую экономии понятие «рабочая сила» и придав ей значение товара, Маркс, по большому счету, вынужден сводить определение стоимости рабочей силы к определению стоимости всякого другого товара, с тем чтобы придерживаться единого правила в качестве закона. Не делай он этого, рабочая сила — и без того преподносимая им то там, то здесь в виде своеобразного товара — теряет последние остатки принадлежности к товару.

Возвращаясь к сказанному Марксом о производстве и воспроизводстве рабочей силы, найдем, читатель, что стоимость любого другого товара, кроме рабочей силы, не содержит ни копейки на собственное производство или воспроизводство. Например, в стоимость одного костюма не входит ни копейки, необходимой для производства или воспроизводства другого костюма. В противном случае покупатель костюма должен платить за него сверх его стоимости, определяемой количеством рабочего времени, общественно необходимого для его изготовления. Нелепость данного положения будет еще очевидней, если величину стоимости данной потребительной стоимости, т. е. костюма, следуя Марксу, определять количеством общественно необходимого труда, затраченного в продолжение его производства. Для того чтобы стоимость костюма состояла из двух частей, где одна часть представляет собой издержки, связанные с производством данного костюма, а другая

— с производством будущего костюма, портному необходимо потратить определенное количество своего труда сверх труда, затраченного им на производство данного костюма. Что это за труд — одному богу известно. Но покупатель рабочей силы, равно как и покупатель костюма, не есть бог. Нелепо платить за то, чего нет. А потому первый платит, по предположению Маркса, за производство костюма ровно столько, сколько он потратил на покупку факторов производства, а второй при покупке костюма добавляет к стоимости факторов производства, оплаченной покупателем рабочей силы, стоимость услуг, связанных с его продажей. В высшей степени алогично, скажем, продавать свою рабочую силу, чтобы иметь возможность покупать жизненные средства, и в то же время авансировать производство этих самых жизненных средств из стоимости своей рабочей силы. Это во-первых.

Во-вторых, поскольку деньги служат мерилем для выражения стоимости товара, постольку количество денег, необходимых для обеспечения нормального товарного обращения, прежде всего должно соответствовать сумме стоимостей произведенных товаров. И только потом количество денег, находящихся в обращении, зависит от скорости оборота денежной единицы и использования денег в функции средства платежа. Наличие же денег, необеспеченных товарами, означает инфляцию — главный признак неэффективности, сбоев, болезненного состояния общественного производства.

В-третьих, различают два вида воспроизводства: простое и расширенное. При простом воспроизводстве процесс производства из года в год возобновляется в неизменном виде. Простое воспроизводство есть такое производство, в ходе которого величина произведенного продукта в каждом последующем цикле сохраняется. Соответственно сохраняются и факторы производства. При расширенном воспроизводстве процесс производства из года в год осуществляется во все возрастающем масштабе. Расширенное воспроизводство есть такое производство, в ходе которого количество произведенного продукта в каждом последующем цикле возрастает. Соответственно изменяются и факторы производства. Основным показателем обоих видов воспроизводства является характер использования прибавочного продукта. Если прибавочный продукт целиком используется членами общества на нужды личного потребления, то, значит, здесь имеет место быть простое воспроизводство. При расширенном воспроизводстве прибавочный продукт не может идти целиком на удовлетворение личных потребностей членов общества. Чтобы осуществлялось расширенное воспроизводство, в начале следующего года (цикла) необходимо задействовать либо дополнительные, либо более качественные производственные ресурсы. Поэтому при расширенном воспроизводстве часть прибавочного продукта идет на увеличение количества произведенного продукта относительно предыдущего показателя. Как известно, прибавочный продукт производится прибавочным трудом продавца рабочей силы. Стоимость же

прибавочного труда не входит в стоимость рабочей силы. Поскольку продавец рабочей силы обеспечивает свою жизнедеятельность исключительно на средства, вырученные им от продажи своей рабочей силы, постольку и купить он может себе костюм исключительно на средства, заработанные им в процессе необходимого труда. Следовательно, продавец рабочей силы не в состоянии авансировать воспроизводство костюма, хотя бы даже и в простой форме. В противном случае при всеобщности данного положения, если он будет авансировать воспроизводство товаров, необходимых ему для поддержания своей жизнедеятельности, в довольно скором времени от него останутся ножки да рожки. Тогда, возможно, это должен делать покупатель рабочей силы? Ведь именно ему принадлежат как сам прибавочный продукт, так и стоимость прибавочного продукта. И тоже нет — хотя бы уже потому, что тем самым, как, впрочем, и в случае покупки им товара сверх его стоимости, установленной в соответствии, говоря по Марксу, с количеством труда или рабочего времени, общественно необходимого для его изготовления, нарушается закон стоимости. Очевидно, что разговоры о стоимости воспроизводства рабочей силы, которая якобы входит в стоимость, оплачиваемую покупателем рабочей силы продавцу рабочей силы, рабочей силы, несостоятельны. Споры нет, «собственник рабочей силы смертен. Следовательно, чтобы он непрерывно появлялся на рынке, как того требует непрерывное превращение в капитал, продавец рабочей силы должен увековечить себя, как увековечивает себя всякий индивидуум, т. е. путем размножения. Рабочие силы, исчезающие с рынка вследствие изнашивания и смерти, должны постоянно замещаться по меньшей мере таким же количеством новых рабочих сил»^{xlvi}. Другое дело, а именно что «сумма жизненных средств, необходимых для производства рабочей силы, включает в себя поэтому жизненные средства таких заместителей, т. е. детей рабочих, и таким путем увековечивается на товарном рынке раса этих своеобразных товаровладельцев»^{xlvii}. Ни один покупатель рабочей силы не платил, не платит и не будет платить за рабочую силу с учетом состава семьи ее продавца; не проявлял, не проявляет и не будет проявлять заботу о замещении исчезающего с рынка товара «рабочая сила». Политика покупателя рабочей силы в части «увековечивания на товарном рынке расы этих своеобразных товаровладельцев», которой он придерживался, придерживается и будет придерживаться впредь, ясна как день: покупать рабочую силу за столько, сколько, с одной стороны, не даст ее продавцу упасть ниже колен, дабы он не взял в руки оружие и не выступил против него, с другой стороны, не даст продавцу рабочей силы подняться с колен, дабы он, чтобы не умереть с голоду, был вынужден работать за хлеб и воду. Частные случаи, когда одному из десятка миллионов продавцов рабочей силы удастся подняться с колен и встать в ряды покупателей рабочей силы, — не в счет, ибо это происходит не благодаря заботе со стороны покупателя рабочей силы, а вопреки его противодействию. Будь иначе, прояви последний заботу о

продавца рабочей силы в соответствии со сказанным Марксом хотя бы наполовину, он сам неминуемо окажется в рядах продавцов рабочей силы. История знает немало имен покупателей рабочей силы, проявлявших заботу о своих продавцах рабочей силы, но не знает ни одного, кто бы, осчастливив своих подданных, сумел остаться в рядах покупателей рабочей силы. Таковы реалии эксплуататорского общества. Отсюда вывод: становление и развитие продавца рабочей силы любой квалификации не есть результат добродетели покупателя рабочей силы. Предоставь последнему свободу выбора по вопросу размера стоимости рабочей силы, так он тут же прекратит платить за нее, низведя продавца рабочей силы до положения раба. Что ему мешает, так это неудержимое стремление продавца рабочей силы, пробивающее себе дорогу через любые трудности, чинимые покупателем рабочей силы, к жизни, достойной звания человека с большой буквы.

Но природа не производит на одной стороне продавца рабочей силы, а на другой — покупателя рабочей силы. Человек не рождается ни продавцом, ни покупателем рабочей силы. С появлением на свет он становится лишь носителем рабочей силы. Быть ему в капиталистическом обществе продавцом или покупателем рабочей силы, во многом зависит от среды его обитания, определяющей стороной которого служит материальное и духовное условие существования индивида, в котором он находился в процессе созревания к общественной жизни. Среда обитания, в котором находится человек в процессе созревания к общественной жизни, преимущественно зависит от материального и духовного условия существования его родителей. Полагаю, нет надобности доказывать, что в капиталистическом обществе потомки продавца рабочей силы чаще становятся продавцами рабочей силы, нежели потомки покупателей рабочей силы. Все расходы на подготовку подрастающего поколения к общественной жизни ложатся на плечи родителей. При этом, если покупатель рабочей силы за счет перераспределения прибавочного продукта в состоянии обеспечить своему подрастающему поколению относительно нормальное условие существования, то продавец рабочей силы лишен возможности сделать то же самое для своего подрастающего поколения за счет дневной стоимости своей рабочей силы. Сколь бы ни возростала фактическая стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизнедеятельности продавца рабочей силы в нормальном состоянии, например за счет рождения очередного ребенка, номинальная стоимость его рабочей силы при прочих равных условиях не увеличится. А значит, он не может «поднять на ноги» своего ребенка без ущерба своей рабочей силе: либо за счет передачи ему части своих и без того скудных жизненных средств, либо за счет сверхурочных работ в поисках дополнительного заработка. Таким образом, и продавец рабочей силы, и покупатель рабочей силы заботятся о производстве и воспроизводстве своей рабочей силы исключительно за свой счет, т. е. за счет тех жизненных средств, которые, говоря по Марксу, установлены и

закреплены ими за собой в рамках данного исторического и морального элемента, обусловленных в значительной степени тем, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался каждый из них.

2.3. Потребление рабочей силы

Еще в «Кратком курсе истории антропогенеза» мной было указано на то, что Маркс крайне неудачно выразился, сказав: «Потребление рабочей силы — это сам труд. Покупатель рабочей силы потребляет ее, заставляя работать ее продавца»^{xlviii}. Тогда, исследуя сущность и происхождение труда, я ограничился освещением данного Марксова казуса в части самого труда. И тогда, и сейчас я говорю и говорю, что Маркс нигде и никогда обстоятельно не рассматривал понятие «труд»; его определения труда, а их у него около десяти, являются однобокими и потому отчасти неверными, как в рассматриваемом случае, ибо представляют собой Марксово понимание труда не вообще, не в целом, а лишь применительно к рассматриваемому им тому или иному вопросу. Отсюда и несводимость его определений труда к единому целому.

Должно быть, в очередной раз, желая свести понятие «рабочая сила» к понятию «труд», Маркс начинает пятую главу «Капитала» под названием «Процесс труда и процесс увеличения стоимости» с вышеприведенной цитаты, не обращая внимание на алогичность своего высказывания. Вот и получается, что если потребление рабочей силы — это и впрямь есть сам труд, то покупатель рабочей силы, потребляя рабочую силу продавца рабочей силы, трудится в поте лица, заставляя работать последнего, тогда как сам продавец рабочей силы не трудится. Такое, согласно общепринятому мнению, с которым я не согласен, имеет место быть только при взаимодействии человека с лошадью или каким-либо другим животным, стоящим на эволюционной лестнице ниже человека в процессе созидания потребительной стоимости. Разве это имел в виду Маркс? Разумеется, нет! Тем не менее он так сказал — на радость эксплуататоров и на горе отечественных ученых-обществоведов. Впрочем, последние, судя по их научной беспечности, будучи заняты не столько установлением истинности сказанного Марксом и другими основоположниками марксизма-ленинизма, сколько установлением пригодности их изречений тому или иному объекту познания применительно к данному времени, не очень-то и озабочены.

«Однако, — оставим на время отечественных ученых-обществоведов и вслед за Марксом, — возвратимся к нашему капиталисту *in spe* (в будущем). Мы оставили его после того, как он купил на товарном рынке все факторы, или средства производства, и личный фактор, или рабочую силу. Лукавым глазом знатока он высмотрел средства производства и рабочие силы, требующиеся для его особого предприятия: прядильни, обувной фабрики и т. д. Итак, наш

капиталист приступает к потреблению купленного им товара, рабочей силы, т. е. заставляет носителя рабочей силы, рабочего, потреблять посредством своего труда средства производства»^{xlix}. Таким образом, капиталист, согласно Марксу, высмотрев, в смысле приобретаю, на товарном рынке средства производства и рабочие силы, требующиеся для его особого предприятия — прядильни, обувной фабрики и т. д., — приступает к труду путем потребления купленного им товара, рабочей силы, заставляя носителя рабочей силы, рабочего, потреблять посредством своего труда средства производства. Так ли это?

Начну с того, что труд не есть потребление капиталистом рабочей силы продавца рабочей силы. Это настолько очевидно, что, полагаю, нет надобности распространяться на эту тему. Тем более что выше она была рассмотрена достаточно подробно. Лишь противники Маркса могут отстаивать его правоту по данному вопросу.

Во-вторых, раз покупателю товара принадлежит потребление товара, то нет ничего удивительного в том, что капиталист приступает к потреблению купленного им товара — рабочей силы. Иначе обстоит дело, когда Маркс говорит о том, что рабочий потребляет посредством своего труда средства производства, купленные капиталистом. Рабочий, продав капиталисту свою рабочую силу, не имеет права потреблять купленные последним средства производства, поскольку они ему не принадлежат. В обществе, основанном на частной собственности, каждый волен распоряжаться принадлежащей ему собственностью. Посвяительство на чужую собственность здесь преследуется по закону. Частные случаи вроде воровства, добровольного согласия и прочие здесь неуместны, ибо речь идет о целом, о системе.

В-третьих, капиталист, приступая к потреблению купленного им товара, рабочей силы, должен обходиться без рабочего. Иными словами, процесс потребления капиталистом купленного им товара, рабочей силы, должен совершаться без участия продавца рабочей силы. Рабочий, продавец рабочей силы, продав капиталисту свой товар, как и продавец любого другого товара, не имеет никакого отношения к его потреблению. В самом деле, продавец масла не потребляет проданное им масло совместно с его покупателем.

Данное обстоятельство «затемняется» Марксом тем, что товару «рабочая сила», в отличие от других товаров, он придает ряд специфических свойств. По Марксу, сама покупка рабочей силы капиталистом основана на том, что «решающее значение имела специфическая потребительная стоимость этого товара, его свойство быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет он сам. Эта специфическая услуга, которой ожидает от него капиталист. И он действует при этом соответственно вечным законам товарного обмена»¹. О специфическом свойстве товара «рабочая сила» быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет он сам, подробно речь пойдет ниже. Здесь лишь стоит отметить, что по вечным законам товарного обмена ни один товар не может быть источником

большей стоимости, чем он имеет сам. Одно из двух: либо неверны вечные законы товарного рынка, либо неверно то, что рабочая сила есть товар. Лично я за второе «либо».

Другим специфическим свойством, которым Маркс наделяет товар «рабочая сила», является его свойство быть проданным своим владельцем бесчисленное количество раз. «Он (продавец рабочей силы. — *В. К.*) и владелец денег встречаются на рынке и вступают между собой в отношения как равноправные товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один — покупатель, а другой — продавец; следовательно, оба — юридически равные лица. Для сохранения этого отношения требуется, чтобы собственник рабочей силы продавал ее постоянно лишь на определенное время, потому что если бы он продал ее целиком раз и навсегда, то он продал бы вместе с тем самого себя, превратился бы из свободного человека в раба, из товаровладельца в товар. Как личность, он постоянно должен сохранять отношение к своей рабочей силе как к своей собственности, а потому как к своему собственному товару, а это возможно лишь постольку, поскольку он всегда предоставляет покупателю пользоваться своей рабочей силой или потреблять ее лишь временно, лишь на определенный срок, следовательно, поскольку он, отчуждая рабочую силу, не отказывается от права собственности на нее»¹¹. Стало быть, покупатель любого товара, за исключением рабочей силы, раз и навсегда, целиком и полностью отчуждает купленный им товар от продавца одного. И только товар «рабочая сила», будучи купленным покупателем, остается у его продавца. Своего рода нечто вроде волшебной монеты, которую сколько бы раз ни доставали из кармана, всякий раз оказывается в том же самом кармане. Сказка — да и только. В реальности этого нет. Полагаю, никто не будет отрицать недопустимость подобной чертовщины в системе товарно-денежных отношений. Марксово видение равноправия продавца и покупателя рабочей силы в данном случае не имеет ничего общего с законами товарного обмена. Для соблюдения отношения равенства между продавцом и покупателем рабочей силы требуется одно, а именно — чтобы продавец рабочей силы продавал свою рабочую силу, а покупатель рабочей силы покупал рабочую силу продавца рабочей силы по ее действительной стоимости. Только и всего.

Неверно и то, что если бы продавец рабочей силы продавал свою рабочую силу целиком раз и навсегда, то он продал бы вместе с тем самого себя, превратился бы из свободного человека в раба, из товаровладельца — в товар. До сих пор в истории не было такой общественно-экономической формации, где бы человек перестал сохранять отношение к своей рабочей силе как к своей собственности. Самый ничтожный раб — и тот никогда не отказывался и в принципе не мог отказаться от права собственности на свою рабочую силу. Чтобы жить, он должен дышать воздухом, выделять фекалии и т. д. посредством потребления своей рабочей силы без участия в этом, без разрешения на это покупателя рабочей силы. Ни один покупатель

рабочей силы, даже следуя утверждению Маркса, не в состоянии целиком и полностью потребить рабочую силу продавца рабочей силы. Он может потребить целиком и полностью любой другой купленный им товар, например масло, но только не рабочую силу продавца рабочей силы.

Вне сомнения, потребление рабочей силы отличается от потребления остальных товаров. В этом смысле Марксово утверждение «процесс потребления рабочей силы есть в то же время процесс производства товара и прибавочной стоимости»ⁱⁱⁱ, с точки зрения науки, не соответствует истине. Как было установлено выше, человек везде и всюду потребляет, точнее говоря расходует, свою рабочую силу. Что бы человек ни делал — спал, ел, пил, дышал воздухом и т. д. и т. п., — он потребляет, в смысле расходует, свою рабочую силу не только в процессе производства прибавочной стоимости, но и (а также) в процессе поддержания своей жизнедеятельности. Следовательно, определение потребления, т. е. расходования рабочей силы, как процесса производства товара и прибавочной стоимости есть увековечивание товара и прибавочной стоимости на исторической арене. Забегая вперед, скажу: хотя рабочая сила и присуща всякому человеку с рождения, не всякий человек рождается на свет в качестве продавца своей рабочей силы. Есть люди, и с каждым разом их становится все больше и больше, которые рождаются на свет свободными от необходимости продажи своей рабочей силы.

Очевидно и то, что потребление рабочим своей рабочей силы на собственные жизненно важные нужды входит в противоречие с потреблением рабочей силы покупателем рабочей силы. «Капиталист, — говорит Маркс, — осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара обуславливает свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Следовательно, здесь получается антимония, право противопоставляется праву, причем оба они в равной мере санкционируются законом товарообмена. При столкновении двух равных прав решает сила»ⁱⁱⁱⁱ. Бедный капиталист, заплатил дневную стоимость рабочей силы и не может осуществить свое право покупателя — потребить купленный им товар, рабочую силу, по своему усмотрению в течение оплаченного им рабочего дня, поскольку «выясняется», что купленный им товар, рабочая сила, имеет специфическую природу, которая обуславливает предел его потребления покупателем рабочей силы. Продав свою рабочую силу за ее дневную стоимость, продавец рабочей силы начинает осуществлять свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Это все равно как если бы продавец масла, продав масло, ограничил время его потребления покупателем масла нормальной величиной... Более того, с учетом ранее сказанного продавец масла

должен был бы в дополнение к этому потребить проданное им масло совместно с покупателем масла. Вот такая получается очередная антимония с товаром рабочая сила. Где это видано в эксплуататорском обществе, чтобы продавец товара ограничивал право покупателя товара распоряжаться купленным им товаром по своему усмотрению? Это в корне противоречит закону товарообмена. И потом, что это за закон товарообмена, который санкционирует противопоставление права праву, где при столкновении двух равных прав решает сила?

2.4 Рабочая сила как товар

2.4.1 Рабочая сила и товар

Согласно определению товара, данного Марксом и дополненного Энгельсом: «Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда ее полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д. Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость. (Но не только для других вообще. Часть хлеба, произведенного средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка феодалу, часть — в виде десятины попам. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие только того, что он произведен для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена)»^{iv}.

В примечании к 4-му изданию «Капитала» Энгельс поясняет: «Я вставил заключенные в скобке слова, так как при их отсутствии очень часто возникало недоразумение, будто, по Марксу, всякий продукт, потребляемый не тем, кто его произвел, является товаром» (см. там же, сноски 11а). Важным в дополнении Энгельса является то место, где он говорит: «Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена» (см. выше). Но об этом чуть позже. Остальное не только несущественно, но и ошибочно. Крестьянин отдавал часть своего хлеба феодалу в виде оброка, часть — попам в виде десятины не просто так, а в обмен на покровительство первого на земле, второго — на небесах. Не «заботься» феодал о защите крестьянина от произвола других феодалов, не стал бы крестьянин отдавать ему часть своего хлеба. Не «заботься» поп о сохранении души крестьянина в чистоте и покое, не стал бы крестьянин отдавать ему часть своего хлеба. В том, что часть хлеба, переданного крестьянином феодалу и попу, служит им в

качестве потребительной стоимости, сомневаться не приходится. Налицо и передача крестьянином части своего хлеба феодалу и попу посредством обмена.

Хотя Энгельс и усилил определение товара, данного Марксом, при ближайшем рассмотрении и оно не в состоянии характеризовать рабочую силу в качестве товара. Ведь если верно то, что «под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости»^{lv}, как и то, что «согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно опять-таки бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода»^{lvi}, то очевидно, что рабочая сила пускается в ход человеком всякий раз, когда он производит себе подобного.

Выражение «полезность вещи делает ее потребительной стоимостью»^{lvii} в сочетании с вышеприведенным определением товара, данным Марксом и дополненным Энгельсом, для тех, кто подзабыл, напомним: «вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда ее полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д. Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость», применительно к рабочей силе означает, что она есть потребительная стоимость, но не стоимость; что она является полезной вещью и продуктом человеческого труда, но не товаром. Человек в процессе производства человека или, иначе говоря, рабочей силы продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость для себя, а не для других людей, не общественную потребительную стоимость. «Чтобы стать товаром, — говорит Маркс, — продукт должен производиться не как непосредственное средство существования для самого производителя»^{lviii}. Даже оставляя в стороне физическую природу совокупления двух разнополюх половин человечества как непосредственное средство их существования, вполне очевидно, что производство рабочей силы есть непосредственное средство существования самого производителя. Споры нет, бывали и, к великому сожалению, есть до сих пор исключения, когда некоторые люди производили или воспроизводят человека с целью продажи его рабочей

силы. Хотя сегодня эти случаи и редки, зато перед извращенностью большинства из них меркнет «слава» прошлых лет. Если в прошлом в основе такого позорного явления как производство человека в виде общественной потребительной стоимости, т. е. товара, лежало использование свойственной ему рабочей силы «кредиторами» его родителей, то в настоящее время сей товар все чаще используется в качестве запчасти для замены сердца, почки, глаза или других органов толстосумов. Какими бы ужасными ни были эти исключения, они лишь подтверждают ту истину, что рабочая сила не является товаром. Человек производится или воспроизводится не ради производства или воспроизводства рабочей силы.

Есть по крайней мере две причины, по которым та часть добавления Энгельса, где говорится «для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена» неприемлемо относительно товара «рабочая сила». Во-первых, как было указано выше, производство рабочей силы ради ее передачи в руки того, кому она служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена является исключением из правила. Производство или воспроизводство рабочей силы есть непосредственное средство существования для самого производителя.

Во-вторых, согласно Марксу, «...для того чтобы владелец денег мог найти рабочую силу на рынке как товар, должны быть выполнены различные условия. Обмен товаров сам по себе не содержит никаких иных отношений зависимости, кроме тех, которые вытекают из его собственной природы. А раз так, рабочая сила может появиться на рынке в качестве товара лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку она выносится на рынок или продается ее собственным владельцем, т. е. тем самым лицом, рабочей силой которого она является. Чтобы ее владелец мог продавать ее как товар, он должен иметь возможность распоряжаться ее, следовательно, должен быть свободным собственником своей способности к труду, своей личности»¹⁸. Но в том-то и дело, что человек в процессе производства рабочей силы продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость для себя, а не для других людей, не общественную потребительную стоимость, не товар. Следовательно, носитель рабочей силы не может вынести ее на продажу в качестве товара.

Говоря о производстве человека человеком, уместно вспомнить приведенное ранее высказывание Маркса о том, что: «труд, который имеет значение более высокого, более сложного труда по сравнению со средним общественным трудом, есть проявление такой рабочей силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которой стоит большего рабочего времени и которая имеет поэтому более высокую стоимость, чем простая рабочая сила»¹⁸. Оно абсолютно непригодно применительно к производству самой рабочей силы. Каким

бы сложным ни был труд производителей рабочей силы и сколь большее время они бы ни затратили на ее производство, при прочих равных условиях она никогда не будет овеществлена в более высоких стоимостях, чем стоимость рабочей силы, созданной простым трудом.

2.4.2. Рабочая сила и стоимость товара

Согласно определению стоимости товара, данного Марксом, «...величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для ее изготовления»^{lxv}. Применительно к рабочей силе Маркс неоднократно подчеркивал, что «стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли»^{lxvi}.

Лишь однажды, как было показано выше, Маркс допустил «небрежность», говоря о том, что в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент (см. выше). Там же было указано, что за вычетом этой «небрежности» он твердо придерживался того положения, что стоимость рабочей силы определяется как и стоимость любого другого товара. Почему же в таком случае продавец рабочей силы на 99,99 процентов из ста продает свою рабочую силу ниже ее стоимости? Он же не дурак и не враг сам себе, чтобы продавать свой товар по заведомо низкой стоимости? Очевидно, это понимал и Маркс. Должно быть, не найдя экономического решения данного противоречия, он был вынужден объяснить его действием исторического и морального элемента, дабы сохранить последние остатки принадлежности рабочей силы к товару.

А что, если Маркс прав и определение стоимости рабочей силы в противоположность другим товарам действительно включает в себя моральный и исторический элементы? Оставим, читатель, гадание другим, а сами рассмотрим процесс капиталистического производства. Капиталист идет на рынок и покупает там необходимые ему товары, как-то: средства производства и рабочую силу. Организовав таким образом производство, скажем, масла, он получает товар, стоимость которого состоит из стоимости средств производства, плюс стоимость рабочей силы, плюс прибавочная стоимость. Следовательно, стоимость рабочей силы является составной и неотъемлемой частью стоимости произведенного товара. А поскольку стоимость рабочей силы включает в себя исторический и моральный элементы, постольку и стоимость произведенного товара должна включать в себя исторический и моральный элементы. Но это противоречит определению стоимости товара, данного Марксом, в соответствии с которым величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством

труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для ее изготовления.

Определение стоимости товара, кроме всего прочего, историческим и моральным элементами далеко от научности. В особенности когда в качестве товара выступает рабочая сила. Достаточно указать на рабовладельческие общества, чтобы понять весь ужас влияния исторического и морального элемента на определение стоимости рабочей силы. Зависимость стоимости рабочей силы от исторического и морального элемента освобождает покупателя рабочей силы от необходимости покупки им рабочей силы по ее научно обоснованной стоимости. С другой стороны, сия зависимость ставит предел требованию продавца рабочей силы платить за его товар научно обоснованную стоимость, ибо при таком положении дел покупатель рабочей силы будет прав, если скажет, что он платит за нее ровно столько, сколько необходимо в соответствии с историческим и моральным элементом.

2.4.3 Рабочая сила и эквивалентность товаров

Согласно Марксу, все товары продаются и покупаются по их стоимости. «В своей чистой форме процесс обращения товаров обуславливает собой обмен эквивалентов. Однако в действительности процессы не совершаются в чистом виде. Предположим поэтому, что обмениваются не эквиваленты»^{lxiii}, — говорит он. Развивая далее эту свою мысль, он приходит к выводу: «Как не вертись, а факт остается фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются неэквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости. Обращение, или товарообмен, не создает никакой стоимости»^{lxiv}.

Итак, на товарном рынке обмениваются эквиваленты. Существующее на практике отклонение в стоимости товара, когда один продает свой товар выше его стоимости, а другой покупает товар ниже его стоимости — или наоборот, взаимно уравнивается. Поэтому при анализе данного процесса принято считать, что все товары покупаются и продаются по своей стоимости. Экстраполируя данное положение марксизма на товар «рабочая сила», найдем, читатель, что оно не соответствует ему, ибо рабочая сила зачастую всегда и везде продается и покупается ниже своей стоимости. Красноречивое тому свидетельство — непрерывная борьба рабочего, то бишь продавца рабочей силы, за свое экономическое освобождение. Продавая рабочий свою рабочую силу по ее фактической стоимости, он бы не требовал повышения своей заработной платы до уровня стоимости жизненных средств, необходимых ему для нормальной жизнедеятельности; не перепродавал бы свою рабочую силу в неурочное время; не воровал бы; не убивал бы другого человека и т. д. и т. п. с целью получения дополнительного заработка, с тем чтобы свести концы с концами. К чему все это, когда покупатель рабочей силы платил бы продавцу рабочей силы

фактическую стоимость его товара? Потому-то и борется рабочий за свое экономическое освобождение, что он, как никто иной из продавцов рабочей силы, непосредственно и остро осознает недостаточность для нормальной жизнедеятельности того количества жизненных средств, которое можно приобрести за деньги, вырученные от продажи своего товара. Если до Маркса с Энгельсом продавец рабочей силы смутно догадывался о своей эксплуатации, его уровне и формах, то усилиями основоположников марксизма он отчетливо видит, что покупатель рабочей силы всячески его надувает, недоплачивая ему за проданный им товар. Отсюда и стремление рабочего навести порядок в своих торговых делах. Маркс явно ошибался, полагая, что «сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которого осуществляется купля-продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствует только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, например рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воля находит свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Свобода! Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, — это стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силу предустановленной гармонии вещей или благодаря всехитрейшему провидению осуществляют лишь дело взаимной выгоды, общей пользы общего интереса»^{lv}. О какой свободе продавца рабочей силы, о каком велении его свободной воли может идти речь, когда он, дабы не умереть с голоду, вынужден продавать свою рабочую силу, чтобы иметь возможность приобрести жизненные средства?! О каком обмене эквивалентов может идти речь, когда продавец рабочей силы вынужден продавать свою рабочую силу по заведомо низкой стоимости, достаточной лишь для жалкого нищенского, полуголодного, полуодетого, полубритого, полумытого, одним словом, получеловеческого существования?! О какой взаимной выгоде, общей пользе от купли-продажи рабочей силы может идти речь, когда в результате этого акта продавец рабочей силы неизменно остается в проигрыше, в дураках?! Наличие отрицательной разницы между фактической (в смысле действительной) и номинальной (в смысле установленной) стоимостями рабочей силы наносит продавцу рабочей силы и вынужденно не работающим членам его семьи непоправимый вред вплоть до преждевременной смерти от нехватки денег, вырученных от продажи рабочей силы, на питание, лечение и прочие жизненно важные факторы, необходимые для поддержания нормальной жизнедеятельности человека.

Соблюдайся при купле-продаже рабочей силы эквивалент товаров, продавец рабочей силы не имел бы никакого права — ни юридического, ни морального, ни политического, ни экономического, ни какого-либо вообще — требовать от покупателя рабочей силы повышения своей заработной платы, улучшения своих жизненных условий и т. д. и т. п.

Осуществляясь при купле-продаже рабочей силы дело взаимной выгоды, общей пользы, общего интереса между продавцом и покупателем — не было бы со стороны продавца рабочей силы забастовок, восстаний, революций и иных выступлений, направленных против покупателя рабочей силы.

Вне всякого сомнения, что при купле-продаже рабочей силы разговоры о соблюдении эквивалента товаров, о свободе и равенстве товаропроизводителей, о взаимной выгоде, о общей пользе и общем интересе продавца и покупателя рабочей силы лишены научного основания.

2.4.4 Рабочая сила и своеобразие товара

Выше неоднократно было показано, что, говоря о рабочей силе как о товаре, Маркс то и дело наделяет ее свойствами, не присущими другим товарам. Здесь же предстоит выяснить научную обоснованность придания им рабочей силе как товару свойств, отличных от свойств других товаров. Поскольку некоторые из отличительных свойств рабочей силы как товара так или иначе были освещены в предыдущих разделах, постольку ниже речь пойдет главным образом о таком специфическом свойстве товара «рабочая сила», как быть источником стоимости.

В 3-м разделе VI главы «Капитала» говорится: «Изменение стоимости денег, которым предстоит превратиться в капитал, не может совершиться в самих деньгах, ибо как покупательное средство и средство платежа они лишь реализуют цену товаров, покупаемых на них или оплачиваемых ими, между тем как, застывая в своей собственной форме, они превращаются в окаменелости неизменных величин стоимости. Столь же мало может возникнуть это изменение из второго акта обращения, из перепродажи товара, так как этот акт лишь превращает товар из его натуральной формы опять в денежную. Следовательно, изменение должно произойти с товаром, покупаемым в первом акте $D — T$, а не с его стоимостью, так как обмениваются эквиваленты, причем товары оплачиваются по их стоимости. Таким образом, это изменение может возникнуть только из потребительной стоимости товара как таковой, т. е. только из его потребления. Но извлечь стоимость из потребления товара нашему владельцу денег удастся лишь в том случае, если ему посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, — такой товар, действительное потребление которого было бы овеществлением труда, а

следовательно, созданием стоимости. И владелец денег находит на рынке такой специфический товар — это способность к труду, или рабочая сила»^{lxvi}.

Итак, рабочая сила не такой товар, как все другие товары, а специфический товар, который в отличие от других товаров обладает оригинальным свойством быть источником стоимости. Иначе говоря, все товары равны, но рабочая сила равнее.

Правильно ли это? Разумеется, нет — с точки зрения науки. Исключения, опровергающего правило, не существует. В данном случае либо рабочая сила не является товаром, либо всякий товар обладает свойством быть источником стоимости. Конечно, было бы просто закрыть вопрос, сославшись на ранее установленный факт, что рабочая сила не является товаром по определению. Но это значит уйти от ответа по существу. Поэтому возьмем, к примеру, не рабочую силу, а костюм, произведенный портным в качестве потребительной стоимости для других. Спрашивается: может ли этот товар иметь свойство быть источником стоимости, отличающее его от всех других товаров?

Поскольку речь идет о свойстве товара быть источником стоимости, постольку начать следует с понятия «стоимость». Стоимость есть овеществленный в товаре общественный труд. Накопленный в товаре труд товаропроизводителя и образует стоимость товара. Это следует из приведенного ранее высказывания Маркса: «Рассмотрим теперь, что же осталось от продуктов труда. От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишённого различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все вещи представляют собой лишь выражение того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд»^{lxvii}.

Теперь взглянем на товар через призму стоимости. «Когда мы в начале этой главы, придерживаясь общепринятого обозначения, говорили «товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость», то, строго говоря, это было неверно, — поясняет Маркс. — Товар есть потребительная стоимость или предмет потребления и «стоимость»... Следовательно, простая форма стоимости товара есть простая форма проявления заключающейся в нем противоположности потребительной стоимости и стоимости»^{lxviii}. Значит, наш товар в форме костюма наряду с прочими товарами есть потребительная стоимость и стоимость. Как вода не может быть источником воды, так и стоимость не может быть источником стоимости. Стоит сказать «вода есть источник воды», как нелепость выражения «стоимость есть источник стоимости» будет очевидна. По законам товарного производства любой товар, участвующий в процессе производства другого товара лишь переносит (частично или целиком, к делу не относится) свою стоимость на вновь созданный товар. При этом величина перенесенной стоимости никогда не превысит величину стоимости «переносчика». Отсюда вывод: товар не может быть источником стоимости.

Аналогичный результат получится и при рассмотрении дела с другой стороны. Придав стоимости ее сущность, найдем, читатель, что товар на самом деле есть потребительная стоимость и накопленный сгусток лишнего различий человеческого труда. В этом смысле ранее приведенное утверждение Маркса «вещь может быть полезной и быть продуктом труда, но не быть товаром... Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар»^{lxix} верно лишь применительно к субъекту производства. Оно не имеет никакого отношения к самой производимой вещи. Потребительная стоимость созданного человеком продукта — ничто без сгустка человеческого труда. Скажу больше, а именно: без сгустка человеческого труда не существует продукта человеческого труда. Потребительная стоимость есть способ выражения, показатель полезного свойства продукта труда. Поэтому сказанное Марксом «...потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд»^{lxx} надо перевернуть с головы на ноги. Не потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд, а стоимость имеет потребительную стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд. В обществе, основанном на товарном производстве, вещь не может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но при этом не быть товаром. Полезная вещь, будучи продуктом человеческого труда, изначально имеет стоимость, ибо является не чем иным, как сгустком человеческого труда. Другое дело, что при изготовлении вещи для удовлетворения собственной потребности полученный сгусток человеческого труда в глазах ее изготовителя и потребителя в одном лице не имеет форму стоимости, отличной от потребительной стоимости. А все потому, что он лишен надобности обмениваться сам с собой продуктами своего труда. Другое дело, когда обмениваются продукты одного человека на продукты труда другого человека. Именно поэтому любой продукт труда, стоит его вынести на рынок, тут же становится товаром, хотя и был изготовлен для удовлетворения собственной потребности его изготовителя. А разве изготовление продукта труда ради его продажи или передачи в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена не осуществляется с целью удовлетворения собственной потребности изготовителя?

Таким образом, сгусток человеческого труда неприемлем в качестве источника стоимости, так как сам является стоимостью. Именно потому, что все товары есть потребительная стоимость и стоимость, они не могут быть источником стоимости. Следовательно, даже оставаясь в рамках сказанного Марксом, очевидно, что рабочая сила как товар не является источником стоимости. Тем более глупо

утверждать, как это делает Маркс, что рабочая сила обладает свойством быть источником большей стоимости, чем имеет сама.

Забегая вперед, скажу: Маркс явно запутался в том, что именно является источником стоимости. В одном месте «Капитала» он говорит, что источником стоимости является труд, в другом — рабочая сила. Поскольку одну цитату о рабочей силе как источнике стоимости я уже приводил, а другую приведу позже, постольку здесь ограничусь несколькими цитатами о труде как источнике стоимости. Цитирую:

«Только выражение эквивалентности разнородных товаров обнаруживает специфический характер труда, образующего стоимость, так как разнородные виды труда, содержащиеся в разнородных товарах, оно действительно сводит к тому, что в них есть общего, — к человеческому труду вообще... Поскольку труд прядильщика создает стоимость, т. е. является источником стоимости, он нисколько не отличается от труда оружейника или, что в данном случае ближе для нас, от труда хлопковода и производителя веретен, воплощенного в средствах производства пряжи»^{xxx}.

Наличие двух источников стоимости однозначно свидетельствует о неопределенности Маркса. Следует заметить, что, говоря о труде как создателе стоимости, Маркс упорно отрицает принадлежность труда к товару и столь же упорно причисляет к товару рабочую силу. При этом он всячески сводит их между собой. Это хорошо видно и из предпринятой им очередной попытки свести понятие «рабочая сила» к понятию «труд»: «Человеческая рабочая сила в текучем состоянии, или человеческий труд, образует стоимость, но сам труд не есть стоимость»^{xxxii}. По его логике, если сам труд, о котором он говорит, человеческий труд, не есть стоимость, а человеческий труд есть человеческая рабочая сила в текучем состоянии, то и последняя (человеческая рабочая сила) не есть стоимость. В противном случае следует признать, что тот самый «сам труд», который «не есть стоимость», отличен от труда, а тем более от человеческого труда.

2.5 Рабочая сила и прибавочная стоимость

Придав рабочей силе значение товара и наделив оригинальным свойством быть источником стоимости, Маркс «выносит» ее на рынок и «продает» капиталисту. Затем путем несложных математических вычислений находит, что капиталист, потратив купленную им рабочую силу, получает прибавочную стоимость.

«Присмотримся к делу поближе, — говорит Маркс. — Дневная стоимость рабочей силы составляла 3 шилл., потому что в ней самой овеществлена половина рабочего дня, т. е. потому что жизненные средства, ежедневно необходимые для производства рабочей силы, стоят половину рабочего дня. Но прошлый труд, который заключается в рабочей силе, и тот живой труд, который она может выполнить, ежедневные издержки по ее сохранению и ее ежедневная затрата — это

две совершенно различные величины. Первая определяет ее меновую стоимость, вторая составляет ее потребительную стоимость. То обстоятельство, что для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно половины рабочего дня, нисколько не препятствует тому, чтобы рабочий работал целый день. Следовательно, стоимость рабочей силы и стоимость, создаваемая в процессе ее потребления, суть две различные величины. Капиталист, покупая рабочую силу, имел в виду это различие стоимости. Ее полезное свойство, ее способность производить пряжу или сапоги было только необходимым условием, потому что для создания стоимости необходимо затратить труд в полезной форме. Но решающее значение имела специфическая потребительная стоимость этого товара, его свойство быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет он сам. Это та специфическая услуга, которой ожидает от него капиталист. И он действует при этом соответственно вечным законам товарного обмена»^{lxxiii}.

Присмотримся к делу поближе и мы, читатель. И что же видим? Мы видим, что Марксова теория прибавочной стоимости основана на разнице между стоимостью рабочей силы и стоимостью созданной рабочей силой в процессе ее «потребления» капиталистом. При этом Маркс, как правило, исходит из того, что для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно половины рабочего дня. При таком подходе само собой разумеется, что в эксплуататорском обществе во второй половине рабочего дня рабочий в угоду эксплуататору занят производством прибавочной стоимости. И это было бы правильно, если бы для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов в самом деле было достаточно половины рабочего дня. К сожалению, Маркс не указал, откуда он почерпнул, с чего это он взял, что для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно половины рабочего дня. Кроме голословного утверждения, с его стороны не представлено никакого сколько-нибудь маломальского объяснения того, почему для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно половины рабочего дня. А между тем вопрос этот архиважен, ибо он представляет собой центральное звено в теории прибавочной стоимости Маркса.

Перечень жизненных средств, ежедневно необходимых рабочему для поддержания его жизнедеятельности в нормальном состоянии, широк и разнообразен. В каждом конкретном случае все зависит от того, кто и как его определяет. Для одних этот перечень ограничивается хлебом и водой. Для вторых — хлебом, водой и мясом. Для третьих — хлебом, водой, мясом и телевизором и т. д. и т. п. Поэтому когда Маркс говорит, что «сумма жизненных средств должна быть достаточна для того, чтобы поддержать трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности»^{lxxiv}, то это требует уточнения. Одно дело, когда под поддержанием трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности подразумевается функциональная способность его мускулов. И совсем другое дело, когда

под поддержанием трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности подразумевается не только функциональная способность его мускулов, но и его мозга, нервов и других составных частей. Таким образом, с точки зрения политической экономии, понятие «сумма жизненных средств» носит относительный характер. Кому больше, кому меньше — зависит от обстоятельств, порожденных субъективными причинами. А все потому, что в политической экономии само понятие «рабочая сила» является абстрактным. Конкретным понятие «рабочая сила» становится при ее рассмотрении через призму естествознания. Рабочая сила материальна. Следовательно, на восстановление рабочей силы требуется такое же количество жизненных средств, которое ею было потрачено (разумеется, в аналогичных единицах измерения). Одним словом, для того чтобы поддержать трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности ему необходимо возместить столько жизненных средств, сколько им было затрачено. Образно говоря, сколько воды из бочки вытекло, столько в нее и надо влить. Скажем, длится рабочий день 10 часов — значит стоимость рабочей силы равна стоимости жизненных средств, произведенных ею в течение указанного рабочего времени. Между прочим это явствует и из определения общественно необходимого рабочего времени, данного Марксом: «Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления кокой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда»^{xxxv}. Отсюда видно, что общественно необходимое рабочее время, которое требуется для производства рабочей силы, не может различаться с общественно необходимым рабочим временем, затраченным на производство товаров, созданных в процессе ее — рабочей силы — «потребления».

Итак, стоимость рабочей силы и стоимость, создаваемая в процессе ее «потребления», не две различные величины, а суть две одинаковые величины. Наличие разницы между стоимостью рабочей силы и стоимостью, создаваемой в процессе ее «потребления», свидетельствует о ее эксплуатации. И чем меньше стоимость рабочей силы и больше стоимость, создаваемая в процессе ее «потребления», тем выше уровень эксплуатации рабочей силы.

Практика показывает, что если рабочая сила и может поддерживаться и проявляться в меньшей стоимости жизненных средств, чем ею было израсходовано, то исключительно в хиреющем виде. В подобных условиях срок ее жизнедеятельности, несомненно, сокращается. Чем больше жизненных средств недополучает рабочая сила, тем больше степень ее износа. А чем больше степень износа рабочей силы, тем меньше время ее существования. Вовсе не случайно покупатели рабочей силы при прочих равных условиях живут дольше продавцов рабочей силы. По статистике, самым смертельным из всех

профессий цивилизованного общества является профессия шахтера. При средней продолжительности жизни 70—80 лет шахтеры из-за недостатка жизненных средств редко доживают даже до пенсионного возраста. Чаще всего они окончательно изнашиваются к 45—50 годам от роду. Ну и что? — скажут покупатели рабочей силы и дружно процитируют Маркса, имевшего «неосторожность» сказать: «Как мы знаем, дневная стоимость рабочей силы рассчитывается сообразно определенной продолжительности жизни рабочего, которой соответствует определенная длина рабочего дня»^{lxvii}. Тут в пору хвататься за голову и выносить всех святых. Стало быть, при определении стоимости рабочей силы первична продолжительность жизни ее продавца, а не количество и качество необходимых ей жизненных средств. Неудивительно, что Маркс исходит из того, что для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно половины рабочего дня. Удивительно другое: почему половина рабочего дня, а не четверть или того меньше? В самом деле, отведя рабочему 30 лет жизни, легко добиться соответствующих показателей...

В действительности же стоимость рабочей силы не должна определяться продолжительностью жизни ее продавца. Иначе продолжительность жизни продавца рабочей силы никогда не достигнет своей естественной величины.

Развивая свою мысль о достаточности половины рабочего дня для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов, Маркс приходит к следующему выводу: «То обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, есть лишь особое счастье для покупателя (покупателя рабочей силы. — *В. К.*), но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу (продавцу рабочей силы. — *В. К.*)»^{lxviii}. Вот тебе, читатель, и Юрьев день! Сколько было сказано Марксом о эксплуатации, освобождении труда, уничтожения частной собственности и так далее, и вдруг выясняется, что «то обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, есть лишь особое счастье для покупателя (покупателя рабочей силы. — *В. К.*), но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу (продавцу рабочей силы. — *В. К.*). Зачем надо было Марксу призывать к классовой борьбе, к свержению капитализма, к революции и так далее, если производство капитала не составляет никакой несправедливости по отношению к эксплуатируемому? Выходит, знай себе рабочий производи прибавочную стоимость и радуйся жизни, ибо то, что тебя эксплуатирует капиталист, не составляет никакой несправедливости? Конечно, это не так! Маркс явно напутал,

силься доказать законное происхождение прибавочной стоимости из разницы между стоимостью рабочей силы и стоимостью, созданной в процессе ее «потребления» капиталистом. Каков посыл, таков и результат.

Беда не в том, что Маркс ошибся — никто не может избежать ошибок, — беда в том, что сделанные им ошибки не только не исправляются, но и повсеместно тиражируются. Причем не столько противниками Маркса, сколько его патентованными защитниками, демонстрирующими таким образом свое поразительное невежество. Какой спрос с обывателя, если такие корифеи политической экономии, как Медведев В. А., Абалкин Л. И., Ожирельев О. И., Аганбегян А. Г., Петраков Н. Я., Шаталин С. С. и другие, в изданном ими учебнике для высших учебных заведений страны громогласно заявляют: «Присвоение результатов труда наемного рабочего происходит не путем нарушения объективных экономических законов товарного производства, а на их основе»^{xxviii}. И эти люди имели наглость называть себя учеными-марксистами. Их псевдоученость, ставшая очевидной в конце 80-х — начале 90-х годов, дорого стоила строительству социализма (коммунизма) в нашей стране. Как говорится, нет худа без добра. Крушение Советского Союза вывело на чистую воду многих лживых умом оракулов и тем самым создало предпосылки для научного осмысления марксизма, в особенности его догматизированных ими положений.

3. ТРУД

3.1 Бытие и стоимость труда

Налицо трудности, с которыми сталкивается политическая экономия при отказе труду в принадлежности к товару. Говоря так, я имею в виду политическую экономию социализма. Что касается политической экономии капитализма, хотя она и пользуется отдельными высказываниями Маркса, то лишь такими, которые при научном осмыслении оказываются либо недостаточно корректными, либо и вовсе ложными. К числу последних принадлежат такие высказывания Маркса, как «рабочая сила покупается и продается по своей стоимости; дневная стоимость рабочей силы рассчитывается сообразно определенной продолжительности жизни рабочего, которой соответствует определенная длина рабочего дня; для поддержания жизни рабочего в течении 24 часов достаточно половины рабочего дня; то обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, есть лишь особое счастье для покупателя рабочей силы, но не

составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу рабочей силы». Не случайно эти и другие пассажи Маркса как нельзя кстати пришлись ко двору буржуазной политической экономии. Остается только сожалеть, что до сегодняшнего дня отечественными учеными-обществоведами не был положен конец подобного рода спекуляциям марксизмом.

Итак, заменив понятия «труд» и «стоимость труда» на понятия «рабочая сила» и «стоимость рабочей силы», Маркс запутался в неразрешимых противоречиях, кратковременный выход из которых им был найден посредством придания рабочей силе специфического, оригинального свойства, несвойственного другим товарам. В итоге некритического применения понятия «рабочая сила» он приходит к выводу: «...То, что она (классическая политическая экономия. — В. К.) называет стоимостью труда (value of labour), есть в действительности стоимость рабочей силы, которая существует в личности рабочего и столь же отлична от своей функции, труда, как машина отлична от своих операций. Занятые различием между рыночными ценами труда и его так называемой стоимостью, отношением этой стоимости к норме прибыли, к товарным стоимостям, создаваемым трудом, и т. д., экономисты никогда не замечали, что ход анализа не только ведет от рыночных цен труда к его мнимой «стоимости», но и заставляет самую эту стоимость труда, в свою очередь, свести к стоимости рабочей силы»^{lxix}.

В основе данного вывода Маркса лежит следующее его рассуждение:

«Но что такое стоимость товара? Предметная форма затраченного при его производстве общественного труда. А чем измеряем мы величину стоимости товара? Величиной содержащегося в нем труда. Чем же могла бы определяться стоимость, например, двенадцатичасового рабочего дня? Очевидно, лишь 12 часами труда, содержащимися в двенадцатичасовом рабочем дне; но это плоская тавтология.

Для того чтобы быть проданным на рынке в качестве товара, труд, во всяком случае, должен существовать до этой продажи. Но если бы рабочий имел возможность дать своему труду самостоятельное существование, он продавал бы созданный трудом товар, а не труд.

Но и независимо от этих противоречий прямой обмен денег, т. е. овеществленного труда, на живой труд уничтожил бы или закон стоимости, который свободно развивается как раз на основе капиталистического производства, или же само капиталистическое производство, которое основывается как раз на наемном труде. Пусть, например, рабочий день в 12 часов выражается в денежной стоимости 6 шиллингов. Если обмениваются эквиваленты, рабочий получит за свой двенадцатичасовой труд 6 шиллингов. Цена его труда будет равна цене продукта труда. В этом случае он не произведет никакой прибавочной стоимости для покупателя его труда, эти 6 шилл. не превратятся в капитал, вместе с тем исчезнет сама основа капиталистического производства; но как раз на этой основе рабочий продает свой труд, как

раз на этой основе его труд является наемным трудом. Или же рабочий получает за 12 часов труда менее 6 шилл., т. е. менее чем 12 часов труда. 12 часов обмениваются на 10, 6 и т. д. часов труда. Это приравнивание неравных величин не только делает невозможным определение стоимости. Такое само себя уничтожающее противоречие не может быть вообще даже высказано или формулировано в качестве закона»^{lxxx}.

Присмотримся к нему поближе.

Начнем с того, что «каждую полезную вещь, как, например, железо, бумагу и т. д., можно рассматривать с двух точек зрения: со стороны качества и со стороны количества»^{lxxxii} и что: «полезность вещи делает ее потребительной стоимостью»^{lxxxii}. Полагаю, никто не будет спорить, что труд является полезной вещью, а потому имеет потребительную стоимость. Вещь покупается и продается не потому, что она имеет стоимость, а потому, что она имеет потребительную стоимость. Вещь, не имеющая потребительную стоимость, не имеет стоимости. По признанию Маркса, «...той «потребительной стоимостью», которую рабочий доставляет капиталисту, является в действительности не рабочая сила, а ее функция, определенный полезный труд, труд портного, сапожника, прядильщика и т. д.»^{lxxxiii}. Дополнительно учитывая тот факт, что под качественной характеристикой товара Маркс различал потребительную стоимость, а под его количественной определенностью — стоимость, здесь нет оснований, сомневаться в принадлежности труда к товару. Это с одной стороны

С другой стороны, как помнит читатель, «вещь, — согласно Марксу, — может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда ее полезность не опосредована трудом. Таковы воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д. Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость»^{lxxxiv}. Исходя из этого, какие есть основания не признавать труд в качестве товара? Труд как раз и отличается от приведенных Марксом вещей тем, что является продуктом человеческой деятельности. Труд рабочего в капиталистическом обществе есть не просто потребительная стоимость, но потребительная стоимость для других, общественная потребительная стоимость.

Очевидно, что будучи скованным табу на труд в качестве товара, Маркс вынужден изъясняться эзоповым языком. Выше было показано, что труд, полезный труд, о котором он говорит в том числе, не есть потребительная стоимость рабочей силы; что потребительной стоимостью рабочей силы является ее способность к труду; что способность к труду еще не означает труд, подобно тому, как

способность желудка переваривать пищу вовсе еще не совпадает с фактическим перевариванием пищи. Рабочий не может придать своему труду самостоятельное существование по определению, ибо он не является собственником используемого им на предприятии у покупателя рабочей силы средства труда и предмета труда. Чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочего, владелец рабочей силы должен быть лишен возможности продавать товары, в которых овеществлен его труд. В противном случае само понятие «рабочий» теряет смысл. Иное дело, когда владелец рабочей силы является собственником используемых им средства труда и предмета труда. В этом случае выясняется, что человек, скажем, изготовивший на продажу костюм с использованием принадлежавших ему швейной машины и материала, дает своему труду самостоятельное существование.

Труд существует не только до его продажи человеком, но и задолго до появления последнего на исторической арене. Еще при жизни Маркса Энгельс был близок к пониманию этого. «...Мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»^{lxxxv}, — полагал он. Хотя Маркс явно и не отрицал данного положения, но, видимо, не совсем был согласен с ним. Возможно, это явилось одной из причин невыхода в свет работы Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», где и содержалось данное его высказывание. Как бы то ни было, но по сей день не утихают жаркие споры относительно роли труда в процессе превращения обезьяны в человека. Свое отношение к данному вопросу я высказал в 1999 году в книге «Краткий курс истории антропогенеза, или Сущность и происхождение труда, сознания и языка». Вывод, к которому я пришел, таков: «Труд возникает исторически в процессе становления живого мира как специфический способ удовлетворения жизненных потребностей представителей живого мира; труд есть процесс расходования и потребления энергии, необходимое всеобщее условие обмена энергии между живым организмом и остальной природой, естественное вечное условие жизнедеятельности живого организма, независимое от какой бы то ни было формы жизни. Труд был до человека, есть при человеке и будет после человека»^{lxxxvi}.

Чтобы жить, надо трудиться. Трудиться — значит расходовать и потреблять энергию. Любая деятельность живого организма, человека в частности, объективно связана с процессом расходования и потребления энергии. Спит ли человек, ест ли, изготавливает ли орудия труда и т. д. — он всякий раз везде и всюду расходует и потребляет энергию. С этой точки зрения понятие «нетрудоспособный человек» означает мертвый человек.

Итак, первичность труда не вызывает сомнения. «Ну и что? — скажет номинальный марксист. — И первичность земли не вызывает сомнения. Однако, несмотря на это, земля не есть товар». По этому поводу можно сказать следующее. Подобные, с позволения сказать, марксисты давно освоились с ролью «срезальщика». Заучат несколько

фраза из сказанного основоположниками марксизма-ленинизма — и давай козырять. А если учесть, что до последнего времени марксизм-ленинизм был в цене до такой степени, что изобилие цитат из Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина выводило дурака в академики, то сомневаться в их способности не приходится.

Маркс, если помнит читатель, действительно говорил о том, что воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и другие вещи, не опосредованные трудом человека, не являются товаром. Но это не имеет отношения к труду вообще, человеческому труду в частности. Последний как раз и отличается от указанных Марксом вещей именно тем, что является продуктом деятельности человека. Следует особо отметить, что труд как процесс расходования и потребления энергии живого организма; как способ удовлетворения жизненных потребностей представителей живого мира; как вечное естественное условие жизнедеятельности живого организма вообще и человека в частности существует независимо от сознания последнего, т. е. объективно. Вне зависимости от уровня познания труда человеком он — труд — имеет место быть в жизнедеятельности человека. Но поскольку он познан, а он познан на принципиально новом уровне, постольку необходимо отказаться от вышеуказанных несуразностей, противоречий, связанных с понятиями «труд» и «рабочая сила». И чем скорее это будет сделано, тем лучше, тем меньше будет в политической экономии казусов вроде «покупатель рабочей силы платит продавцу рабочей силы дневную стоимость его рабочей силы, равную стоимости половины рабочего дня; продавец рабочей силы продает покупателю рабочей силы свою рабочую силу, а отдает ему свой труд; покупатель рабочей силы покупает рабочую силу продавца рабочей силы, а получает его труд» и т. д. и т. п.

В примере, приведшем Маркса к самому себя уничтожающему противоречию, нет ничего удивительного. Удивительно другое: почему Маркс использовал данный пример? Нет ничего проще взять изначально противоречивый пример, а потом сетовать на его противоречивость. Кстати сказать, всякий раз желая доказать, что такой вещи, как стоимость труда, не существует, Маркс приводит пример аналогичного рода. Так, в уже указанной работе «Заработная плата, цена и прибыль», начав с утверждения: «Однако такой вещи, как стоимость труда, в обычном смысле этого слова в действительности не существует», — Маркс продолжает: «Мы видели, что количество кристаллизованного в товаре необходимого труда образует его стоимость. Так вот, применяя это понятие стоимости, как смогли бы мы определить понятие стоимости, скажем, 10-часового рабочего дня? Сколько труда содержится в этом дне? 10 часов труда. Если бы мы сказали, что стоимость 10-часового рабочего дня равна 10 часам труда, или количеству содержащегося в этом рабочем дне труда, то это было бы тавтологией и даже больше того — бессмыслицей»^{lxxxvii}.

Ведь изначально было понятно, что при обмене эквивалентов, если рабочий получает за свой дневной труд стоимость, равную стоимости дневного продукта своего труда, то в этом случае он не произведет для покупателя своей рабочей силы никакой прибавочной стоимости. Ясно как день: приравнение неравных величин не только делает невозможным определение стоимости, но такое само себя уничтожающее противоречие не может быть даже высказано или сформулировано в качестве закона. И тем не менее Маркс приводит подобный пример. Почему?

Потому, и только потому, чтобы избежать нарушения принципа обмена эквивалентов. Именно поэтому он говорит не о стоимости (цене) рабочей силы, а о стоимости (цене) труда. Желая уйти от равенства дневной стоимости (цены) труда рабочего дневной стоимости (цене) произведенного им продукта, Маркс хватается за неравенство дневной стоимости (цены) двенадцатичасового труда стоимости (цене) продукта произведенного менее, чем двенадцатичасовым трудом. Вероятно, в этом случае он озабочен не столько высвечиванием труда, сколько сокрытием рабочей силы. Неудивительно, что в данном направлении становится невозможно определение стоимости труда. Стоит здесь взамен понятия «труд» употребить понятие «рабочая сила», и тайное становится явным: товары не оплачиваются по их стоимости, обмен эквивалентов не является имманентным законом товарообмена. Наоборот — обмен эквивалентов противоречит имманентным законам товарообмена. Одновременно рушится и Марксова теория прибавочной стоимости. Но Маркс останавливается на полпути и потому не видит никакой несправедливости в том, каким образом деньги покупателя рабочей силы превращаются в капитал. Он озабочен тем, что: «...если бы действительно существовала такая вещь, как стоимость труда, и он (капиталист. — *В. К.*) действительно уплачивал бы эту стоимость, то не могло бы существовать никакого капитала, его (капиталиста. — *В. К.*) деньги не могли бы превратиться в капитал»^{lxxxviii}. В итоге, по глубокому убеждению Маркса, рабочая сила оплачивается сполна, а то, что капиталист в день платит за рабочую силу меньше, в два раза меньше, чем получает от ее «потребления» в течение указанного времени, так в этом нет ничего противозаконного, ибо это, как он выразился, для тех, кто успел забыть, напоминая, «есть лишь особое счастье для покупателя (покупателя рабочей силы. — *В. К.*), но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу (продавцу рабочей силы. — *В. К.*)»^{lxxxix}.

Отрицать наличие такой вещи, как «стоимость труда», на том основании, что если бы действительно существовала такая вещь, как стоимость труда, и покупатель рабочей силы (капиталист) действительно уплачивал бы эту стоимость, то не могло бы существовать никакого капитала, его деньги не смогли бы превратиться в капитал, — мягко говоря, алогично. Логично признать наличие такой вещи, как стоимость труда, указать на тот факт, что в действительности покупатель рабочей

силы (капиталист) не уплачивает действительную стоимость рабочей силы, и потому существует капитал, и его деньги превращаются в капитал. Капитал не берется из воздуха, а создается трудом продавца рабочей силы. Будучи материалистом, Маркс это прекрасно понимал. В конце концов он был вынужден признать, что «капитал есть не только командование над трудом, как выражается А. Смит. Он, по существу своему, есть командование над неоплаченным трудом. Всякая прибавочная стоимость, в какой бы особенной форме она впоследствии ни кристаллизовалась, в виде ли прибыли, процента, ренты и т. п., по самой своей субстанции есть материализация неоплаченного рабочего времени. Тайна самовозрастания капитала сводится к тому, что капитал располагает определенным количеством неоплаченного чужого труда»^{sc}. Это же прекрасно понимал и Энгельс, когда в 1885 г. в предисловии к первому немецкому изданию «Нищеты философии», защищая Маркса от нападок Родбертуса, писал: «Маркс говорит только о том простом факте, что прибавочная стоимость состоит из неоплаченного труда»^{sc}. Таким образом, ни образование прибавочной стоимости, ни самовозрастание капитала не имеют ничего общего с эквивалентом товаров. Более того — противоречат ему.

Маркс напрасно полагает, что «прямой обмен денег, т. е. овеществленного труда, на живой труд уничтожил бы или закон стоимости, который свободно развивается как раз на основе капиталистического производства, или же само капиталистическое производство, которое основывается как раз на наемном труде». Ничего подобного. В соответствии с вышеуказанной сущностью труда, неведомой во времена Маркса, прямой обмен денег, т. е. овеществленного труда, на живой труд, является неотъемлемой частью товарообмена. В производстве любого продукта человеческой деятельности участвуют два вида труда: живой труд и овеществленный труд. Всякий продукт труда есть результат обмена живого труда и овеществленного труда. В данном случае неважно, в какой пропорции. Что важно, так это способ производства продукта труда. Общество, в котором продукт труда предназначен для передачи в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена, основано на товарном производстве. Именно при товарном производстве взаимнообмен живого труда и овеществленного труда представляется, более того — оказывается, невозможным без наличия у них стоимости. Что же касается закона стоимости, который свободно развивается как раз на основе капиталистического производства, то необходимо сказать следующее. Без товара нет стоимости, а значит, и закона стоимости. Происхождение товара отстоит от капиталистического производства на многие тысячелетия, в течение которых люди обменивались товарами в куда более свободных условиях, чем на основе капиталистического производства. История свидетельствует, что чем дальше от истоков становления товара, тем больше несвободы у закона стоимости.. Например, в рабовладельческом обществе закон стоимости был более

подвижен и свободен, чем в феодальном и уж тем более капиталистическом обществе. В рабовладельческом обществе не было ни единого критерия определения стоимости товара, ни ее фиксированной меры. Скажем, продавец раба в рабовладельческом обществе имел гораздо больше шансов продать свой товар выше или ниже его стоимости, чем продавец автомобиля в капиталистическом обществе. А все потому, что в капиталистическом обществе действие закона стоимости носит более ограниченный характер и в перечне товаров, и в определении стоимости последних. Так, в капиталистическом обществе человек, как правило, не является товаром.

Дальнейшее ограничение закон стоимости претерпевает на следующей после капитализма стадии развития общества, т. е. при социализме. Социалистическое производство, основанное на общественной собственности на средства производства при отсутствии частной собственности, эксплуатации человека и анархии производства, ограничивает товарное производство. При социализме, помимо человека, не являются товарами, например, фабрики и заводы. С ростом производительных сил социалистического общества претерпит изменение и закон стоимости: чем дальше, тем больше он перестает играть роль регулятора общественного производства. В последующем с ликвидацией товарного производства исчезнут с исторической арены и стоимость, и закон стоимости.

Вернемся, однако, к сказанному Марксом, а именно: к той цитате, в которой он, исходя из положения «стоимость товара есть предметная форма затраченного при его производстве общественного труда, а стоимость товара измеряется величиной содержащегося в нем труда», доводит определение стоимости двенадцатичасового рабочего дня до плоской тавтологии. До вчерашнего дня, т. е. до выхода в свет «Краткого курса истории антропогенеза», данное положение марксизма не вызывало сомнений. Сегодня, т. е. после выхода в свет «Краткого курса истории антропогенеза», оно не соответствует истине.

Когда-то и определение стоимости одного килограмма золота стоимостью одного килограмма золота тоже являлось плоской тавтологией. Но это отнюдь не препятствовало тому, чтобы золото служило в качестве всеобщего эквивалента. Лишь после того как Маркс раскрыл сущность денег и стало ясно, что золото в качестве денег представляет собой общественное производственное отношение, отпала необходимость определения стоимости одного килограмма золота стоимостью одного килограмма золота. Скажу больше, а именно: с тех пор как Маркс установил, что «меновая стоимость есть лишь определенный способ выражать труд, затраченный на производство вещи»^{xcii}, золото «перестает» играть роль всеобщего эквивалента. Отныне труд вступает в свои права всеобщего эквивалента товаров.

Немалая доля вины в том, что труд не завоевал себе монополию всеобщего эквивалента товаров, не приобрел объективную прочность и

общественную значимость, лежит на Марксе. Не в последнюю очередь благодаря ему труд до сих пор, по крайней мере в коммунистической литературе, не признается в качестве товара. Следует исправить эту ошибку, и мы, читатель, исправим ее. В свое время не кто иной, как сам Маркс, был близок, очень близок к выражению труда в эквивалентной форме. Настолько близок, что после сказанного им «...люди сопоставляют продукты своего труда как стоимости не потому, что эти вещи являются для них вещными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот. Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как стоимости, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому как человеческий труд. Они не осознают этого, но они это делают»^{xviii} остается только сожалеть, что этого не случилось. Таким образом, с раскрытием сущности труда настало время избавления и от необходимости определения стоимости труда стоимостью труда. Тавтология имеет место быть там, где нет понимания сути.

По Марксу, стоимость товара есть предметная форма затраченного при его производстве общественного труда, или, в соответствии с его еще ранее данным определением, «...как стоимости, товары суть простые сгустки человеческого труда»^{xvii}. А чем измерить предметную форму общественного труда, затраченного при производстве товара? Иначе говоря, чем измерить величину стоимости товара в форме простого сгустка человеческого труда? «Величиной содержащегося в нем труда», — отвечает Маркс. Тут-то и обнаруживается алогизм. Одно дело сказать: величина стоимости товара определяется величиной содержащегося в нем труда. И совсем другое дело сказать: величина предметной формы общественного труда, или величина простого сгустка человеческого труда, определяется величиной содержащегося в нем труда. Очевидно, что в первом случае, т. е. без учета содержания понятия «стоимость» труд как бы сам собой выходит за рамки товара. Во втором случае, т. е. при учете содержания понятия «стоимость», оказывается, что такое выражение, как «стоимость товара определяется величиной содержащегося в нем труда», не только содержит само себя уничтожающее противоречие, но даже не может быть высказано, а не то что сформулировано в качестве закона.

Раз бытие труда дано — а оно дано, — то от него нельзя отмахнуться. Не смог этого сделать и Маркс. Все его усилия выдать стоимость труда за мнимое выражение не увенчались успехом. Вероятно, и вовсе обессилев от бесплодных попыток покончить со стоимостью труда, он начинает жаловаться читателю на то, что в отличие от других наук политическая экономия не признает проявление вещей в извращенном виде. «В выражении «стоимость труда» понятие стоимости не только совершенно исчезает, но и превращается в свою противоположность. Это такое же мнимое выражение, как, например, стоимость земли. Но такие мнимые выражения возникают из самих производственных отношений. Это категории для форм проявления

существенных отношений. Что вещи в своем проявлении часто представляются в извращенном виде, признано как будто во всех науках, за исключением политической экономии»^{xv}, — сетует Маркс.

В связи с этим хочу сказать несколько слов. Не вдаваясь в дискуссию относительно мнимости выражения «стоимость земли», отмечу, что каким бы оно мнимым ни было, стоимость земли имеет вполне конкретную форму и содержание. Несмотря на указанную Марксом мнимость, земля продавалась и до Маркса и при Марксе и продолжает продаваться после Маркса. Сегодня, спустя почти 135 лет после выхода в свет первого тома «Капитала», нельзя по данному вопросу прятаться за сказанное Марксом и делать вид, что здесь все гладко. Наука на то она и наука, чтобы избавляться от мнимых выражений, устранять проявление вещей в извращенном виде, а не констатировать их, расписываясь в собственном бессилии. Грош цена политической экономии как науке, если она не может разобраться в формах проявления существенных отношений. Известно, что определение форм проявления мнимых отношений выходит за рамки науки вообще и политической экономии как науки в частности.

Чем дальше Маркс пытался уйти от стоимости труда, тем больше он к ней приближался. Исписав почти 500 страниц на базе отрицания труда как товара и наличия такой вещи, как стоимость труда, он в дальнейшем оказывается не в состоянии придерживаться данного положения. Пока понятия «труд» и «стоимость труда» рассматривались им разрозненно и отвлеченно, он хоть и с большими издержками и оговорками, принимавшими порой, как было показано выше, противоречивый характер, но преодолевал связанные с ними трудности. Преодолевал не в смысле разрешал, а в смысле обходил те трудности, с которыми сталкивался относительно понятий «труд» и «стоимость труда», когда речь шла о товаре. Стоило ему приступить к рассмотрению господствующих основных форм заработной платы, как он стал говорить о цене труда. Исходя из сказанного Марксом: «Цена есть денежное название овеществленного в товаре труда»^{xvi} и на основании его ранее приведенного высказывания: «...то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость»^{xvii} — а выражается, как помнишь, читатель, овеществленный в товаре труд (см. выше), — несомненно, что Маркс, говоря о цене труда, вольно или невольно говорит о стоимости труда. Причем без тени намека на употребление выражения «цена труда», как обычный ходячий термин для обозначения «цены (стоимости) рабочей силы». Неоспоримость данного утверждения основывается на использовании Марксом стоимости рабочей силы для нахождения цены труда. Цитирую:

«Та сумма денег, которую рабочий получает за свой дневной, недельный и т. д. труд, образует сумму его номинальной заработной платы, т. е. заработной платы в ее стоимостном выражении. Очевидно, однако, что в зависимости от продолжительности рабочего дня, т. е. в зависимости от количества труда, ежедневно доставляемого рабочим,

одна и та же поденная, понедельная и т. д. заработная плата может представлять очень различную цену труда, т. е. различные денежные суммы за одно и то же количество труда. Таким образом, при повременной плате необходимо далее различать общую сумму заработной платы — поденной, понедельной и т. д. — и цену труда. Но как найти эту цену, или денежную стоимость, данного количества труда? Мы получим среднюю цену труда, если разделим среднюю дневную стоимость рабочей силы на число часов среднего рабочего дня. Пусть, например, дневная стоимость рабочей силы равняется 3 шилл., или стоимости, вновь созданной в 6 рабочих часов, и пусть рабочий день продолжается 12 часов; тогда цена одного часа труда = $3 \text{ шилл.} / 12 = 3 \text{ пенсам}$. Найденная таким образом цена одного часа труда служит единицей измерения цены труда»^{xviii}.

3.2 Мера стоимости труда

Отказывая труду в принадлежности к товару и отрицая наличие такой вещи, как стоимость труда, Маркс основывается на двух положениях классической политической экономии: 1) труд не является товаром; 2) труд является мерой стоимости. Свидетельством тому многочисленные цитаты из сочинений Б. Франклина, А. Смита, Д. Рикардо и других ее представителей, которыми изобилуют работы Маркса в части политической экономии, начиная с «Нищеты философии». Поскольку «Нищета философии» вышла в свет задолго до 1859 года, т. е. до того как Маркс, по словам Энгельса, завершил критику политической экономии, постольку обратимся, читатель, к работе Маркса «К критике политической экономии». «Первый сознательный, почти тривиально ясный анализ меновой стоимости, сводящий ее к рабочему времени, мы находим у человека Нового Света, где буржуазные производственные отношения, ввезенные туда вместе с их носителями, быстро расцвели на почве, на которой недостаток исторической традиции уравновешивался избытком гумуса. Этот человек — Бенджамин Франклин, который в своей первой юношеской работе, написанной в 1729 г. и напечатанной в 1731 г., сформулировал основной закон современной политической экономии. Он объявляет необходимым искать иную меру стоимостей, чем благородные металлы. Эта мера — труд»^{xvix}. Остается только недоумевать, каким образом Маркс из почти тривиально ясного анализа меновой стоимости, сводящего ее к рабочему времени, вывел труд в качестве меры стоимости. Мы, читатель, еще вернемся к этому, а пока в продолжение разговора обратимся к «Капиталу», где указанный факт отражен как на ладони всего в четырех строчках. «Труд есть субстанция и имманентная мера стоимостей, но сам не имеет стоимости»^c, — говорит Маркс и тут же в доказательство оного приводит сказанное Томасом Годскином:

«Труд, исключительное мерило стоимости... созидатель всякого богатства, сам не является товаром»^{ci}.

Итак, Маркс заимствовал из классической политической экономии два положения: 1) труд не является товаром; 2) труд является мерой стоимости. В данном разделе речь пойдет о мере стоимости труда, поэтому нашему, читатель, рассмотрению подлежит выявление истинности положения «труд является мерой стоимости». Тем более что положение «труд не является товаром» было рассмотрено выше достаточно основательно. Общий вывод, к которому следовало прийти, таков: труд является товаром.

Труд в качестве товара предполагает наличие у него стоимости, а это противоречит труду как мере стоимости. Впервые Маркс столкнулся с этим в «Нищете философии», где он, кроме всего прочего, критиковал Прудона за его отказ признать труд в качестве товара. «Измеряя стоимость товаров трудом, — писал Маркс, — г-н Прудон смутно догадывается, что нельзя не подвести под эту общую меру и труд, поскольку он имеет стоимость, является трудом-товаром. Он предчувствует, что это, значит, признать минимум заработной платы естественной и нормальной ценой непосредственного труда, а следовательно, признать современный общественный строй. Чтобы увернуться от этого рокового вывода, он делает крутой поворот и утверждает, что труд не товар, что он не может иметь стоимости»^{ci}. Спустя 20 лет Маркс берет критикуемое им утверждение Прудона за основу «Капитала», забывая о последнем. Прудон не был одинок в своих изысканиях. Не он один «смутно догадывался» о противоречии между трудом в качестве товара и трудом в качестве меры стоимости. Особенно жаркие споры велись относительно учения Рикардо. Маркс не мог пройти мимо данного обстоятельства. В «К критике политической экономии», освободив полемику, поднятую экономистами против Рикардо, от ее в большинстве своем нелепой формы, Маркс нашел, что она, кроме всего прочего, сводится к следующим пунктам:

«Во-первых. Труд сам имеет меновую стоимость и различные виды труда имеют различные меновые стоимости. Делать меновую стоимость мерой меновой стоимости — значит создавать порочный круг, так как изменяющаяся меновая стоимость сама нуждается в мере. Это возражение сводится к следующей проблеме: Дано рабочее время в качестве имманентной меры меновой стоимости; развить на этой основе заработную плату. Учение о наемном труде дает на это ответ.

Во-вторых. Если меновая стоимость продукта равна содержащемуся в нем рабочему времени, то меновая стоимость рабочего дня равна его продукту. Другими словами, заработная плата должна быть равна продукту труда. Между тем в действительности имеет место обратное. Ergo, это возражение сводится к проблеме: каким образом производство на базе меновой стоимости, определяемой исключительно рабочим временем, приводит к тому результату, что меновая стоимость

труда меньше, чем меновая стоимость его продукта? Эту проблему мы решаем в исследовании капитала»^{ciii}.

Решение проблемы неравенства между меновой стоимостью труда и стоимостью его продукта было показано выше, где говорилось о том, что стоимость продукта труда состоит из совокупности стоимости факторов производства, основными из которых являются живой труд, предмет труда и средство труда. Отсюда ясно, почему заработная плата не может и не должна быть равна продукту труда. Производство на базе меновой стоимости приводит к тому результату, что меновая стоимость труда меньше, чем меновая стоимость его продукта лишь тогда, когда под меновой стоимостью труда подразумевается меновая стоимость живого труда. Если же под меновой стоимостью труда подразумевается меновая стоимость труда вообще, т. е. совокупная стоимость живого и неживого труда, затраченного на производство товара, то здесь должно соблюдаться равенство между меновой стоимостью труда и меновой стоимостью его продукта. Недоосознание Марксом разницы между живым трудом и трудом вообще при определении стоимости товара и привело его к выводу (для тех, кто помнит, повторяю, кто не помнит, напоминаю): то обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, есть лишь особое счастье для покупателя рабочей силы, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу рабочей силы (см. выше).

Если труд есть мера стоимости, то, разумеется, «делать меновую стоимость мерой меновой стоимости — значит создавать порочный круг, так как измеряющая меновая стоимость сама нуждается в мере». Определить стоимость труда трудом действительно невозможно. Но это возражение служит зыбким основанием для отказа труду в принадлежности к товару и придания мнимости выражению «стоимость труда». Тут впору вспомнить, что первый сознательный, почти тривиально ясный анализ меновой стоимости, сводящий ее к рабочему времени, мы находим у Франклина. Дальше — больше. «Давид Рикардо выработал четкое определение стоимости товара рабочим временем и показал, что этот закон господствует также и над буржуазными производственными отношениями, на первый взгляд более всего противоречащими ему». Именно «Рикардо в качестве завершителя классической политической экономии наиболее последовательно сформулировал и развил определение меновой стоимости рабочим временем»^{civ}. Но поскольку в условиях недоосознания разницы между живым трудом и трудом вообще при определении стоимости товара определение стоимости товара рабочим временем противоречило практике начисления заработной платы, постольку Марксу требовалась иная мера стоимости, чем рабочее время. И он вопреки и родоначальнику определения меновой стоимости товара рабочим

временем, и завершительно классической политической экономии, наиболее последовательно сформировавшему и развившему определение меновой стоимости товара рабочим временем, стал использовать труд в качестве меры стоимости. Это было тем более легко сделать, что, как признался Энгельс, «...из теории стоимости Рикардо можно, кроме того, делать еще и другие выводы, и это было сделано. Стоимость товаров определяется необходимым для их производства трудом... Но рикардовское определение стоимости, несмотря на свои зловещие свойства, имеет одну сторону, которая делает его милым сердцу добропорядочного буржуа. Оно с неодолимой силой взывает к чувству справедливости. Справедливость и равенство прав — таковы основные устои, на которых буржуа XVIII—XIX веков хотел бы воздвигнуть себе общественное здание на развалинах феодальных несправедливостей, неравенств и привилегий. Определение же стоимости товара трудом и совершающийся на основании этой меры стоимости свободный обмен продуктов труда между равноправными товаровладельцами — таковы, как уже доказал Маркс, реальные основы, на которых строится вся политическая, юридическая и философская идеология современной буржуазии. Раз установлено, что труд есть мера стоимости товара, то добропорядочный буржуа должен чувствовать себя глубоко оскорбленным в своих лучших чувствах, в бесчестности этого мира, который, правда, признает этот основной закон справедливости на словах, на деле же, по-видимому, ежеминутно бесцеремонным образом им пренебрегает»^{св}.

Тем самым, не желая того, из-за нехватки знания своего времени о труде Маркс, по большому счету, был вынужден солидаризироваться с теми, кто выдвигал труд в качестве меры стоимости, кто отрицал принадлежность труда к товару, — забыв разве что о Прудоне, хотя и мог бы вспомнить его, как Гамлет — «бедного Йорика». Не иначе как по большому счету, ибо до конца дней своих Маркс так и не определился окончательно в выборе меры стоимости между рабочим временем и трудом. Даже в «Капитале» у него нет четкости в этом вопросе. Полагаю, нет надобности повторно указывать номер страницы «Капитала», на которой Маркс говорит следующее: «Итак, величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для ее производства. Каждый отдельный товар в данном случае имеет значение лишь как средний экземпляр своего рода. Поэтому товары, в которых содержатся равные количества труда или которые могут быть изготовлены в течение одного и того же рабочего времени, имеют одинаковую величину стоимости» (см. выше). Очевидно, что Маркс отождествлял труд не только с рабочей силой, но и (а также) с рабочим временем. Дабы избежать повтора большинства, если не всего, сказанного ранее о нетождественности труда и рабочей силы применительно к рабочему времени, я говорю: смотри выше. Продолжим же мы, читатель, с рассуждения Маркса: «Как

количественное бытие движения есть время, точно так же количественное бытие труда есть рабочее время. Различие в продолжительности самого труда является единственным различием, свойственным ему, предполагая данным его качество. Как рабочее время труд получает свой масштаб в единственных мерах времени, часах, днях, неделях и т. д. Рабочее время суть живое бытие труда, безразличное по отношению к его форме, содержанию, индивидуальности; оно является живым количественным бытием труда и в то же время имманентным мерилом этого бытия»^{сvi}.

Неверно, что количественное бытие движения есть время. Последнее абсолютно непригодно для измерения количества бытия движения. Движение суть взаимодействие материальных объектов и смена их состояний, которые вызываются этим взаимодействием. Взаимодействие материальных объектов и смена их состояний может протекать быстро или медленно. Мерой длительности этих процессов и является время. Иными словами, время есть мера длительности движения, а не количественного бытия движения. Это во-первых.

Во-вторых, неверно, что рабочее время является живым количественным бытием труда. В соответствии с вышесказанным время вообще и рабочее время в частности есть мера длительности труда, а не живого количественного бытия труда. В силу ряда причин длительность труда может равняться 12 часам. Что касается количества труда, то ни при каких обстоятельствах оно не может равняться 12 часам. Определять количество труда рабочим временем — это все равно что определять количество дождя дождевым временем. Допустим, дождь длился 12 часов. Спрашивается: какое количество дождя выпало на землю в течение 12 часов дождя? Тот, кто скажет: «В течение 12 часов дождя на землю выпало 12 часов дождя», — непременно сойдет за дурака. Так почему же тогда тот, кто на вопрос «какое количество труда содержится в товаре, изготовленном в течение 12 часов труда?» дает ответ: «В товаре, изготовленном в течение 12 часов, труда содержится 12 часов труда», — непременно сходит за умного??

Не видя этой проблемы в «К критике политической экономии», Маркс переносит ее в «Капитал». «Итак, потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд. Как же измерить величину ее стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой «созидающей стоимости субстанции». Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определенных долях времени, каковы: час, день и т. д.»^{сvii}. Стало быть, говоря по Марксу, стоимость рабочей силы, потребляемой капиталистом в течение 12 часов, равна 12 часам труда. Сказав это почти в начале «Капитала», в дальнейшем Маркс на протяжении всего «Капитала» противоречит сам себе, сводя стоимость рабочей силы к половине рабочего дня.

Поскольку труд, опять-таки по Марксу, не имеет стоимости, постольку выражение «12 часов труда» есть выражение «12 часов труда». Не более того! Сказав «стоимость рабочей силы, потребляемой капиталистом в течение 12 часов равна 12 часам труда», мы ни на шаг не продвинулись в познании величины стоимости рабочей силы, потребляемой капиталистом в течение 12 часов. В данных обстоятельствах, не зная стоимости труда, нельзя определить стоимость рабочей силы. Маркс осознал это ближе к концу первого тома «Капитала». Об это-то он и споткнулся при рассмотрении господствующих основных форм заработной платы своего времени. Как помнит читатель, именно тогда Маркс привел формулу вычисления стоимости одного часа труда и сформулировал общий закон определения размера почасовой или почасовой, а точнее говоря, почасовой заработной платы в зависимости от цены труда.

Используя две меры стоимости товара, Маркс жонглирует ими по своему усмотрению. Чередая их, он вынужден ходить по кругу. Его пояснение: «Для понимания определения меновой стоимости рабочим временем необходимо придерживаться следующих основных положений: сведение труда к простому, так сказать, бескачественному труду; специфический способ, благодаря которому труд, создающий меновую стоимость, стало быть, производящий товары, является общественным трудом; наконец, различие между трудом, поскольку он имеет своим результатом потребительные стоимости, и трудом, поскольку он имеет своим результатом меновые стоимости. Чтоб измерять меновые стоимости товаров заключающимся в них рабочим временем, нужно свести различные виды труда к лишенному различий однородному, простому труду, — короче, к труду, который качественно одинаков и различается поэтому лишь количественно»^{viii}, — только увеличивает размер круга, но не дает выйти из него. Находясь меж двух мер определения стоимости товара — определением стоимости товара количеством содержащегося в нем труда, общественно необходимого для его изготовления, с одной стороны, и определением стоимости товара количеством рабочего времени, общественно необходимого для его изготовления, с другой стороны, — Маркс не видит между ними никакой разницы. Для нас, читатель, познавших сущность труда и много других научных истин, неведомых Марксу, эти меры определения стоимости товара различны. Одно дело — определять стоимость товара количеством содержащегося в нем труда, общественно необходимого для его изготовления, и другое дело — определять стоимость товара рабочим временем, общественно необходимым для его изготовления.

Непреодолимые трудности, с которыми столкнулся Маркс при определении стоимости товара трудом (полагаю, нет надобности уточнять, что речь идет о труде общественно необходимом для изготовления товара), были показаны выше достаточно обстоятельно, чтобы сделать вывод о непригодности труда в качестве меры стоимости. Кто до сих пор этого не понял, тому уже ничем не поможешь.

Что касается определения стоимости товара рабочим временем (полагаю, и здесь нет надобности уточнять, что речь идет о рабочем времени, общественно необходимом для изготовления товара, хотя правильнее было бы сказать — времени, а не рабочем времени, но об этом позже), то, судя по всему, основной причиной отказа Маркса от использования рабочего времени в качестве действительной меры стоимости товара является упомянутое им выше «неопровержимое» для своего времени возражение относительно неравенства заработной платы стоимости продукта труда. «Это возражение, — поясняет Маркс в сноске, — выдвинутое против Рикардо буржуазными экономистами, впоследствии было подхвачено социалистами. Предполагая теоретическую верность этой формулы, они обвинили практику в том, что она противоречит теории, и призывали буржуазное общество осуществить на практике мнимый вывод из его теоретического принципа»^{cix}.

Как известно, в «К критике политической экономии» Маркс анонсировал решение проблемы неравенства стоимости продукта, измеряемого рабочим временем, меновой стоимости рабочего дня, в исследовании капитала. Известно и то, как оно им было реализовано. Да простит меня читатель, но я вынужден повторить суть Марксова решения: то обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, есть лишь особое счастье для покупателя рабочей силы, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу рабочей силы. При всей однозначности данного моего утверждения во избежание кривотолков и недоразумений обратимся, читатель, к сказанному по этому поводу самим Марксом:

«Как стоимость труда есть лишь иррациональное выражение для стоимости рабочей силы, то само собой понятно, что стоимость труда всегда должна быть меньше, чем вновь созданная трудом стоимость, потому что капиталист всегда заставляет рабочую силу функционировать дольше, чем это необходимо для воспроизводства ее собственной стоимости. В приведенном выше примере стоимость рабочей силы, функционирующей в течение 12 часов, равна 3 шилл. — стоимости, для воспроизводства которой рабочая сила должна функционировать 6 часов. Между тем вновь созданная стоимость равна 6 шилл., так как фактически рабочая сила функционировала 12 часов, а вновь созданная ею стоимость зависит не от ее собственной стоимости, а от продолжительности ее функционирования. Мы получаем, таким образом, тот на первый взгляд нелепый результат, что труд, создающий стоимость в 6 шилл., сам обладает стоимостью в 3 шиллинга»^{cx}. Сказав это, Маркс делает сноску: «Ср. «К критике политической экономии». Берлин, 1859. С. 40, где я заявляю, что исследование капитала должно разрешить следующую проблему: «Каким образом производство на базе меновой стоимости, определяемой исключительно рабочим временем,

приводит к тому результату, что меновая стоимость труда меньше, чем меновая стоимость его продукта»^{cx1}. Очевидно, что два различных мнения тут неуместны.

Итак, в обоснование теоретической неверности формулы Рикардо Маркс полагает, что «стоимость труда, как иррациональное выражение для стоимости рабочей силы, всегда должна быть меньше, чем вновь созданная трудом стоимость». В одном из разделов этой книги была показана несостоятельность данного Марксова положения. Чего там не было сказано, так это то, почему стоимость труда (по Марксу — рабочей силы) всегда должна быть меньше, чем созданная трудом (по Марксу — рабочей силой) стоимость. Теперь выясняется, что стоимость труда (по Марксу — рабочей силы) всегда должна быть меньше, чем созданная трудом (по Марксу — рабочей силой) стоимость, потому что капиталист всегда заставляет рабочую силу функционировать дольше, чем это необходимо для воспроизводства ее собственной стоимости. Как и при решении вопроса неравенства величины заработной платы стоимости продукта труда, Маркс заблуждается, приводя теорию в соответствие с практикой, лишь исходя из видимости вещей, ибо здесь тот самый случай, когда вещь в своем проявлении представляется в извращенном виде. Стоимость труда никогда не должна быть меньше, чем созданная трудом стоимость. Отклонение стоимости труда от созданной трудом стоимости есть нарушение закона сохранения и превращения энергии, который гласит: энергия не создается и не исчезает, а лишь передается от одного тела к другому или превращается из одной формы в другую в равных количествах. Существующее на практике отклонение стоимости труда от вновь созданной трудом стоимости носит не объективный, а субъективный характер. Капиталист не может заставить рабочую силу функционировать дольше, чем это необходимо для воспроизводства ее собственной стоимости, а точнее говоря, чем это необходимо для ее воспроизводства, поскольку она (рабочая сила) не в состоянии функционировать дольше своей возможности. В процессе труда она может израсходовать столько энергии, сколько имеет сама. Не более того! Отсюда ясно как день, почему, говоря языком Маркса, рабочая сила не может быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет сама. Неверность Марксова положения — «следовательно, действием рабочей силы не только воспроизводится ее собственная стоимость, но и производится кроме того избыток стоимости» — более чем очевидна. Особенно рельефно в свете вышесказанного выступает Марксово утверждение: «Второй период процесса труда — тот, в течение которого рабочий работает уже за пределами необходимого труда, — хотя и стоит ему труда, затраты рабочей силы, однако не образует никакой стоимости для рабочего. Он образует прибавочную стоимость, которая прельщает капиталиста всей прелестью созидания из ничего»^{cxii}.

Разумеется, неверно, что стоимость труда всегда должна быть меньше, чем вновь созданная трудом стоимость; что труд, создающий

стоимость в 6 шилл., сам обладает стоимостью в 3 шиллинга; что второй период процесса труда рабочий работает уже за пределами необходимого труда; что хотя этот, указанный Марксом, второй период труда и стоит рабочему труда, затраты рабочей силы, однако не образует никакой стоимости для рабочего; что прибавочная стоимость создается из ничего. Так, делая одну ошибку за другой, Маркс получает нелепый результат и выдает его за истину. Обо всем этом достаточно основательно речь шла выше — и, замечу, не в пользу Маркса. Не вижу необходимости задерживаться на сказанном, а потому перехожу к разговору о рабочем времени как мере стоимости.

Для начала приведу расширенное определение стоимости товара, данное Марксом. «Итак, величина данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда или количеством рабочего времени, общественно необходимого для ее изготовления. Каждый отдельный товар в данном случае имеет значение лишь как средний экземпляр своего рода. Поэтому товары, в которых содержатся равные количества труда или которые могут быть изготовлены в течение одного и того же рабочего времени, имеют одинаковую величину стоимости. Стоимость одного товара относится к стоимости другого товара, как рабочее время, необходимое для производства первого, к рабочему времени, необходимому для производства второго. «Как стоимости все товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени»^{cxiii}. В высшей степени примечателен тот факт, что последнее предложение, заключенное Марксом в кавычки, взято им из «К критике политической экономии», где буквально перед этим написано: «Рабочее время, овеществленное в потребительных стоимостях товаров, составляет субстанцию, делающую их меновыми стоимостями и поэтому товарами, равно как измеряет определенные величины их стоимостей. Соотносительные количества различных потребительных стоимостей, в которых овеществлено одинаковое рабочее время, суть эквиваленты, или все потребительные стоимости суть эквиваленты в тех пропорциях, в каких они заключают одинаковые количества затраченного, овеществленного рабочего времени»^{cxiv}. И только вслед за этим Маркс пишет: «Как стоимости все товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени» (там же). К чему я это? А все к тому же: несмотря на переработку «К критике политической экономии», сделанную им в «Капитале», Маркс не смог «избавиться» от использования рабочего времени в качестве меры стоимости. Но рабочее время как мера стоимости не отвечало требованию Маркса, а потому для преодоления трудностей, возникавших при использовании рабочего времени в качестве меры стоимости, он дополнительно ввел новую меру стоимости: труд. Это привело Маркса в «Капитале» к тому, что в потребительных стоимостях овеществлено не рабочее время, а труд; что субстанцией, создающей стоимость, является не рабочее время, а труд; что как меновые стоимости все товары не суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени, а суть лишь

простые сгустки человеческого труда и т. д. и т. п. (см. выше). Преодолевая одни трудности с помощью труда в качестве меры стоимости, Маркс сталкивался с другими, которые в свою очередь преодолевались им с помощью рабочего времени в качестве меры стоимости.

Если в конце XIX — начале XX века данное обстоятельство и не имело какого-либо значения из-за множественности, глубины и широты вопросов, поднятых Марксом и Энгельсом, то по мере теоретического осмысления и практического воплощения оных в ряде случаев стали видны не только мелкие изъяны, но и грубые промахи основоположников марксизма. Труд как мера стоимости — один из них.

Итак, труд не является мерой стоимости. Отныне он вскрывает свою товарную форму и обнаруживает стоимость. Ему больше незачем уродливо ютиться под личиной рабочей силы. Рабочий продает свой труд капиталисту, а последний платит ему заработную плату за его труд лишь частично. Другую часть заработной платы, представляющую собой стоимость неоплаченного труда рабочего, капиталист забирает себе, ибо неоплаченный труд есть условие существования капиталиста. Капитал — это украденная, называя вещи своими именами, насильственно и безвозмездно присвоенная часть стоимости труда рабочего.

Марксово деление дневного труда рабочего на необходимый труд и прибавочный труд ошибочно, ибо подобного деления труда в эксплуататорском обществе не существует. Теоретически данная Марксова ошибка безобидна, практически — вредна и опасна, поскольку придает эксплуатации видимость законности. Маркс этого явно не понимает и потому всячески стремится обосновать наличие прибавочного труда. На это мной уже было указано выше, но тем не менее поскольку мы, читатель, вновь вышли на этот разговор, остановимся здесь поподробнее. Тем более что Маркс неоднократно возвращается к этой теме. Цитирую:

«Если рабочий все имеющееся в его распоряжении время вынужден затрачивать на производство необходимых жизненных средств для себя и своей семьи, то у него, конечно, не останется времени для безвозмездного труда в пользу третьих лиц. Таким образом, пока производительность труда не достигла определенного уровня, в распоряжении рабочего нет времени для безвозмездного труда, а пока у него нет такого времени, невозможен прибавочный труд, невозможны, следовательно, и капиталисты; но в таких условиях невозможны также рабовладельцы, феодальные бароны, одним словом — какой бы то ни было класс крупных собственников. Таким образом, — продолжает Маркс с красной строки, — можно говорить о естественном базисе прибавочной стоимости, но лишь в том совершенно общем смысле, что в природе нет какого-либо абсолютного препятствия, мешающего одному человеку сложить с себя и переложить на другого труд, необходимый для поддержания его собственного существования»^{схх}.

Не правда ли, знакомая опера? И потом, как тут не вспомнить то обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, есть лишь особое счастье для покупателя рабочей силы, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу рабочей силы. А тут еще... естественный базис прибавочной стоимости. С такими предпосылками прямая дорога к теории прибавочной стоимости во главе с рабочей силой. Трудно сказать, где здесь причина, а где следствие. Ясно одно, теперь уже это можно смело утверждать: прибавочная стоимость обязана своим происхождением не рабочей силе, а труду. Заодно ликвидируется такое противоречие, обнаруженное у Маркса, как «стоимость создается трудом, а прибавочная стоимость — рабочей силой».

На самом деле дневной труд рабочего в эксплуататорских обществах делится исключительно на оплаченный труд и неоплаченный труд. Имеется множество причин, по которым прибавочному труду нет места ни при рабовладельческом, ни при феодальном, ни при капиталистическом способах производства. Укажу лишь на две их них.

1. Становление эксплуататорского способа производства во многом стало возможно благодаря, кроме всего прочего, прибавочному продукту. Не вдаваясь в историю последнего (хотя тема, безусловно, интересная, а я знаю, о чем говорю, т. к. она мной уже отработана — и, надо сказать не в пользу отечественных ученых-обществоведов), следует отметить, что он есть результат прибавочного труда. Прибавочный труд был свойствен человеку еще в эпоху первобытного способа производства. Его назначение состояло в производстве жизненных средств первобытного человека сверх минимально необходимого ему уровня. Удовлетворив свои насущные потребности, первобытные люди продолжали трудиться по личной инициативе, добровольно, без насилия со стороны себе подобного. Ведя коллективный образ жизни, каждый из них, выражаясь по-современному, работал не только за себя, но и «за того парня», в надежде, что когда-нибудь кто-нибудь отработает и за него. Но вот настало время, когда кое-кто из «тех парней» решил, что можно и нужно жить, ничего не делая. Оставалось найти того, кто бы работал за тебя по гроб жизни. А поскольку никто не хотел работать даром на чужого дядю, от которого нет никакой пользы, постольку задача дяди состояла в том, чтобы заставить кого-либо работать на себя. Такова краткая предыстория эксплуатации. С возникновением эксплуатации изменился и характер труда эксплуатируемого: он перестал делиться на необходимый труд и прибавочный труд. Последний исчез вместе с исчезновением своей основы — добровольности. Став принудительным, прибавочный труд принял форму неоплаченного труда.

2. Прибавочный труд есть проявление внутренней потребности человека. Из всех существовавших до сих пор способах производства прибавочный труд имел место быть только там, где характерной особенностью отношений между людьми, особенно в сфере производства материальных благ, были коллективизм, взаимовыручка и сотрудничество, основанные на общенародной собственности. Это первобытный и социалистический способы производства. Поскольку в эксплуататорском обществе характерной особенностью отношений между людьми, особенно в сфере производства материальных благ, являются индивидуализм, господство и подчинение, основанные на частной собственности, постольку прибавочный труд чужд и рабовладельческому, и феодальному, и капиталистическому способам производства. Именно частная собственность позволяет одному человеку сложить с себя и переложить на другого труд, необходимый для поддержания его собственного существования. В эксплуататорском обществе весь дневной труд рабочего представляет собой необходимый труд. Одна часть дневного труда рабочего необходима ему самому для поддержания своей собственной жизнедеятельности, другая часть дневного труда рабочего необходима эксплуататору для поддержания его жизнедеятельности. Так как та часть труда, которая необходима для поддержания жизнедеятельности самого рабочего, оплачивается, то она и называется оплаченным трудом. А так как та часть труда, которая необходима для поддержания жизнедеятельности эксплуататора не оплачивается, то она и называется неоплаченным трудом.

Нет прибавочного труда — нет прибавочной стоимости. Следовательно, естественного базиса прибавочной стоимости не существует. Тот совершенно общий смысл, в котором Маркс говорит о естественном базисе прибавочной стоимости, совершенно не выдерживает критики. Препятствие, мешающее одному человеку сложить с себя и переложить на другого труд, необходимый для поддержания его собственного существования, имеет совершенно косвенное отношение к разговору о естественном базисе прибавочной стоимости. Исходя из этого, нам, читатель, совершенно незачем и далее углубляться в этом направлении. Полагаю, вышесказанного совершенно достаточно для уяснения сути.

Вернемся, однако, к «нашим баранам». Труд не является мерой стоимости, сказал я ранее. Мерой стоимости является время или, чтобы пока было понятней, — рабочее время, говорю я теперь. Соответственно стоимость товара определяется не количеством труда, общественно необходимого для его изготовления, а определяется количеством рабочего времени, общественно необходимого для его изготовления. Не труд, а рабочее время представляет собой то общее, что заключено в различных товарах. Как правильно заметил Маркс в «К критике политической экономии», «труд отдельного человека, чтобы иметь своим результатом меновую стоимость, должен иметь своим результатом всеобщий эквивалент, т. е. должен выразить рабочее время

отдельного человека в качестве всеобщего рабочего времени или выразить всеобщее рабочее время в качестве рабочего времени отдельного лица»^{cxvi}. Заметил, но, отягощенный решением насущных вопросов своего времени, не придал этому должного значения. Не узрев главного, Маркс легко проходит мимо «второстепенного»: «Подобно тому как фунт железа и фунт золота, несмотря на их различные физические и химические свойства, представляют один и тот же вес, точно так же потребительные стоимости двух товаров, содержащих одинаковое рабочее время, представляют одну и ту же меновую стоимость. Таким образом, меновая стоимость выступает как общественная определенность потребительных стоимостей, как определенность, по природе присущая им как вещам, и благодаря которой они в процессе обмена точно так же замещают друг друга в определенных количественных отношениях и составляют эквиваленты, как простые химические вещества, соединяясь в определенных количественных отношениях, составляют химические эквиваленты»^{cxvii}.

Труд, который, чтобы иметь своим результатом меновую стоимость, должен иметь своим результатом всеобщий эквивалент в виде всеобщего рабочего времени, абсолютно непригоден в качестве меры стоимости. Так же и меновая стоимость, выступающая как общественная определенность потребительных стоимостей, как определенность, по природе присущая им как вещам, отрицает труд в качестве создателя стоимости субстанции. И там и тут речь может идти только о времени или, чтобы опять-таки было понятно, о рабочем времени. Рабочее время, овеществленное в потребительных стоимостях товаров, будучи субстанцией, делающей их меновыми стоимостями и поэтому товарами, действительно дана как определенность, присущая им как вещам. Тем самым преодолеваются непреодолимые преграды, вставшие перед Марксом при определении стоимости, скажем, произведения искусства, количеством содержащегося в нем труда. Посредством рабочего времени как меры стоимости выражается не только стоимость любого товара сегодняшнего дня, но и дня вчерашнего. Возьмем, к примеру, труд одного из выдающихся русских художников И. Е. Репина. Как оценить стоимость его картины «Бурлаки на Волге»? По Марксу — количеством труда, общественно необходимого для ее изготовления.

Репин писал картину «Бурлаки на Волге» четыре года — с 1870 по 1873 г. Исходя из Марксовой теории прибавочной стоимости, для поддержания жизнедеятельности Репина в процессе ее написания достаточно половины указанных рабочих лет, т. е. 2 года. Другая половина идет на поддержание жизнедеятельности эксплуататора, снабжавшего Репина красками и прочими необходимыми для написания данной картины материалами. Дело не меняется, даже если Репин сам себя снабжал средствами производства, выступая в одном лице и покупателем и продавцом рабочей силы. Хоть верь, хоть круть, а 4 года труда должны обеспечить его жизнедеятельность минимум как в течение

этих 4 лет. Затем, дабы не умереть с голоду, он должен приступить к очередной картине.

Не будем мелочиться и допустим, что денег, вырученных от продажи картины «Бурлаки на Волге», Репину хватило на безбедное существование до конца его жизни. Опуская подробности жизни самой картины в бытность Репина, как-то перепродажа и т. д. и т. п., обратимся к ее истории уже после его смерти. И что же мы, читатель, видим? Мы видим, что она многократно подорожала по сравнению с первоначальной стоимостью. При определении стоимости товара количеством содержащегося в нем труда такое возможно в случае увеличения труда, потраченного на изготовление товара. Не хочу пугать читателя, но «получается», что Репин, находясь на том свете, продолжает работать над картиной, оставленной им на этом свете. Да так активно, что, судя по росту стоимости картины «Бурлаки на Волге», выходит, он вложил в нее уже после своей смерти многократно больше труда, чем при жизни. И не он один. Как пишет газета «Труд»: «За последние несколько лет цены на картины Саврасова, Шишкина, Серова, Левитана выросли в пять раз. Особенно высоко котируется Айвазовский. Его картины, говорят, продаются по цене 1000 долларов (долларов США. — В. К.) за квадратный сантиметр»^{cxviii}. По данным этой же газеты, старые конфетные коробочки от монпансье сейчас стоят до 150 долларов США, т. е. больше средней месячной заработной платы по России. Да что там картины или старые конфетные коробочки от монпансье, когда поношенные носки, трусы и прочие части одежды знаменитостей, в особенности из числа певцов и киноактеров, продаются на аукционах в тысячу и более раз дороже своей себестоимости. И чем дырявее или вонючее носки, трусы или другая часть одежды знаменитости — тем дороже. Так, 22 июля 2003 г., на московском аукционе затертая кепка Лужкова, мэра города Москвы, была выставлена на продажу за 500 долл. США. По российским меркам это 16 тысяч рублей, или полугодовая заработная плата одного человека. Синее платье Моника Левински, ставшей знаменитостью после всемирного скандала относительно ее минетной связи с президентом США Биллом Клинтонем, с так называемым пятном от спермы последнего оценивается в 16 (шестнадцать!) миллионов рублей, или, по-другому, в 500 тыс. (пятьсот тысяч!) долл. США. К слову сказать, отечественные апологеты капитализма молчали, молчат и будут хранить молчание о том, как Билл кончил с Моникой. Зато то и дело судачат о троекратном поцелуе Брежнева... Не знаю, чего здесь больше: холуйства или ... Некоторый свет проливает на это событие, произошедшее с приездом Билла Клинтона в Москву в разгар скандала вокруг его порочной связи с Моникой. На прием в честь приезда президента США Билла Клинтона была приглашена отечественная элита. В числе прочих был и губернатор Саратовской области Аяцков, который после встречи с Биллом, выступая перед собравшимися журналистами и глядя в телекамеры, широко улыбаясь, сказал следующее (за текст не ручаюсь, а только за

его содержание): «Вот такой парень этот Билл! — И показал большим пальцем вверх. — Чем там недовольна Моника, не знаю». Аяцков был явно доволен. Только вот чем? И это демонстрировалось по телевизору, да к тому же, надо полагать, не только у нас в стране.

На этом «чертовщина» не заканчивается. Всякий товар с течением времени при неизменности качества и количества вложенного в него труда имеет свойство не только дорожать, но и обесцениваться. Та же картина Репина «Бурлаки на Волге» нынче претерпевает не лучшие времена. Виной тому происходящая в настоящее время смена общественно-политического строя в России с социализма на капитализм. С начала правления в стране демократов, пришедших к власти под лозунгом капитализации России, стоимость «Бурлаков на Волге» не только перестала расти, но и пошла вспять. А все потому, что, как правильно заметили Маркс и Энгельс в совместном черновике «Немецкая идеология», «...тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила»^{схix}. С установлением в стране общественных отношений, основанных на господстве маленькой кучки людей над огромным большинством, т. е. оставшейся частью общества, стало дурным тоном говорить о тяжелом труде наемного рабочего. Современную политическую и экономическую силу российского общества не интересуют жизнь и быт простого народа. Ее интересует получение сверхприбыли за счет минимальных издержек на оплату труда наемного рабочего. Сегодня, как и до Октябрьской социалистической революции 1917 года, слово рабочий ассоциируется со словами «чернь», «быдло» и тому подобными. Рабочий — значит, сам дурак. Реалии сегодняшнего дня таковы, что вор, убийца, наркоман и проститутка по статусу стоят выше рабочего. При таких обстоятельствах не стоит удивляться тому, что такие произведения Репина, как: «Бурлаки на Волге», «Отказ от исповеди», «Арест пропагандиста», равно и произведения других художников на эти темы, отправляются в запасники музеев, мастерских и выставочных залов. У сегодняшнего политически и экономически господствующего класса российского общества спрос на такие картины, как «Клятва преступника», «Арест киллера», «Исповедь грешника». В последнем случае возможны варианты: «Исповедь бывшего коммуниста» с Ельциным со свечкой и «Исповедь коммуниста» с Зюгановым со свечкой. Уверен, обе эти картины однозначно будут в большой цене, по крайней мере, с точки зрения истории.

Одновременно со сменой морали, нравственных ценностей и идеалов общества, проводимой в стране господствующей в ней сегодня материальной и духовной силой, из запасников музеев, мастерских и выставочных залов извлекаются «подзабытые» картины, а ранее малозначащие картины вдруг приобретают высокую стоимость. Приведу характерный пример. Недавно в связи с «реанимацией» в структуре государственной власти страны такого органа, как Госсовет, в Москве,

прошла выставка, посвященная истории Госсовета России. Ее главным экспонатом стала картина Репина: «Торжественное заседание Государственного Совета», доставленная в столицу из Русского музея в Санкт-Петербурге. Она была написана в 1901 году по заказу, инициированному рядом высокопоставленных членов царского Госсовета к столетию со дня его учреждения (исторической справедливости ради необходимо отметить, что в 1801 года был издан лишь указ об учреждении Непременного совета, и только 1 января 1810 года был издан манифест об упразднении Непременного совета и создании Государственного совета). Так вот, данная картина, в свое время написанная Репиным за копейки, сегодня имеет страховую стоимость 400 милл. (четыреста миллионов!) рублей. В переводе на доллары США это 12 миллионов долларов. Для сравнения: в 1867 году, за 34 года до выхода в свет картины Репина «Торжественное заседание Государственного Совета», т. е. при жизни самого Репина (он тогда учился в Академии художеств), Россия продала Соединенным Штатам Америки свои северные территории (Аляску и прилегающие острова) всего за 7 (семь) миллионов 200 тысяч долларов США.

В чем дело? Почему при неизменности труда, израсходованного на изготовление картины «Бурлаки на Волге» (труд на ее хранение, реставрацию, организацию выставки и прочее оставляем без внимания) по причине мизерности относительно возросшей стоимости картины) стоимость последней выросла в несколько раз?

Ответ получится сам собой при ответе на другой вопрос: что есть в товаре такого, что имеет для человека непреходящее значение? Просто так, без причины ничего не происходит. Значит, для самовозрастания стоимости товара, т. е. увеличения стоимости товара без дополнительного его опосредования человеческим трудом, в нем должно быть нечто, что, при прочих равных условиях будучи неизменным, имеет свойство влиять на стоимость товара.

Труд явно не подходит на эту роль. Он не только не постояен, но еще и конечен, и обратим. Сегодня легко можно сделать копию картины «Бурлаки на Волге», написать аналогичную картину с аналогичным названием или написать новую картину под названием «Бурлаки на Каме». Очевидно, что и в первом, и во втором, и в третьем случае стоимость картин будет невысока. За редким исключением подобная картина покроет понесенные художником издержки на краску, холст и т. д., включая необходимые ему жизненные средства. Чаще всего она будет художнику в убыток. Именно потому, что материал на эту тему, этот сюжет, эта техника написания картины уже отработаны Репиным и посему нет нужды заново «изобретать велосипед», картина «Бурлаки на Волге» как произведение искусства единственна в своем роде.

Иначе обстоит дело со временем, израсходованным на изготовление товара. Время нельзя ни добавить, ни убавить, ни вернуть, ни предвосхитить. По сути, ошибочно утверждение, согласно которому тот или иной человек либо отстал от своего времени, либо опередил свое

время. Выражение «отстал от своего времени» или «опередил свое время» применительно к человеку не соответствует истине. Скажем, Герон Александрийский, изобрел спидометр около I века н. э., применять же его стали лишь в конце XX века н. э. Многие писатели, вроде Ж. Верна, не говоря уже о знаменитых ученых, писали о том, чего не было при их жизни, но стало реальностью после их смерти. Однако никто из них не опережал свое время. Они жили и работали в свое время, а не в какое-либо другое время. Что они опередили, так это труд своего времени. Тогда как другие занимались тем, что было свойственно их времени жизнедеятельности, Герон Александрийский, Ж. Верн и прочие частично делали то, что должно было делать будущее поколение людей, иными словами, предвосхитили труд своих потомков. Точно так же обстоит дело и с теми, кто в настоящее время, нарядившись первобытным человеком, изготавливает, допустим в целях эксперимента, с помощью камня каменные орудия труда. Нельзя сказать, что эти люди вернулись в прошлое время, во времена каменного века. Но можно и должно сказать, что они вернулись к труду людей каменного века. Время не подвержено влиянию человека, ибо оно неподвластно ему. Вот почему время, овеществленное в потребительных стоимостях, является субстанцией, созидающей стоимость, равно как служит имманентным мерилom стоимости товара.

Важно не то, сколько труда вложено в производство данного товара, а важно то, сколько времени израсходовано на это. «В области непосредственного материального производства, — писали Маркс и Энгельс в совместном произведении «Святое семейство», — решение вопроса о том, должен ли данный предмет быть произведен или нет, т. е. решение вопроса о стоимости предмета, будет существенно зависеть от рабочего времени, требующегося для его производства. Ибо от этого времени зависит, имеет ли общество время для подлинно человеческого развития. И даже что касается духовного производства, — продолжали они с красной строки, — то разве и там, если хочешь поступать разумно, не приходится при определении объема, характера и плана духовного произведения принимать во внимание время, необходимое для его производства? В противном случае я рискую по меньшей мере тем, что мой в идее существующий предмет никогда не превратится в предмет действительный, — следовательно, тем, что он может приобрести только стоимость воображаемого предмета, т. е. только воображаемую стоимость»^{xxx}. Догматики, схоласты и начетники марксизма, не говоря уже о врагах марксизма, могут сколько угодно пытаться выплеснуть вместе с водой и ребенка, указывая на год выхода в свет «Святого семейства». И дело даже не в том, что ни Маркс, ни Энгельс не опровергли данное свое высказывание, сделанное ими в поддержку сказанного А. Смитом и Прудоном. Просто сказанное основоположниками марксизма настолько верно, что не скажи они так в свое время, это следовало бы сделать сейчас.

Производителю товара глубоко безразлично количество труда, необходимое на производство товара. Сколько бы труда не потребовалось, его стоимость будет включена в стоимость произведенного товара. Оборачиваемость труда (даже если она и частичная из-за заниженной стоимости труда, как в эксплуататорском обществе) при соблюдении имеющихся социально-экономических условий ведет к косвенной зависимости стоимости от количества труда.

Стоит заметить, что до сих пор отсутствует само понятие «количество труда». Не случайно трудоемкость продукции определяется чем угодно и как угодно, но только не через труд. Невероятно, но факт: «Трудоемкость продукции — экономический показатель, характеризующий количество рабочего времени, затрачиваемого производственными рабочими на единицу продукции или выполнение определенной работы (в секундах, минутах, часах, и рабочих днях)»^{схxi}, — гласит общепринятое определение трудоемкости продукции. Во избежание недоразумения данная статья из «Экономического словаря-справочника» приведена мной целиком, и я могу с полным основанием утверждать, что среди понятий, используемых для выражения трудоемкости продукции, отсутствует понятие «труд». Это определение годится, разве что для выражения времеемкости продукции, но никак не годится для выражения трудоемкости продукции. Трудоемкость продукции должна показывать долю затрат труда, а не количество затраченного рабочего времени. Например, в товарном производстве, придав труду стоимостное значение, получим следующее определение трудоемкости продукции: трудоемкость продукции — отношение стоимости трудовых затрат ко всей стоимости продукции. Допустим, речь идет о живом труде. Тогда трудоемкость продукции определяется как отношение стоимости затрат живого труда ко всей стоимости продукции.

Но вернемся к косвенной зависимости стоимости от количества труда. Так вот, в нормальных условиях существования продолжительность жизни человека в гораздо меньшей степени лимитирована количеством затраченного им труда, нежели количеством затраченного им времени. А все потому, что время есть мера жизни человека. Всякий знает, даже если он больше ничего не знает, что он смертен. Многие, если не все, «знают» и приблизительное время наступления своей смерти. Отсюда главным критерием жизнедеятельности человека, а значит, и осуществляемого им производства и обмена товара является время. Поэтому в эксплуататорском обществе никто и не занимается производством товара, окончательный срок выхода в свет которого превышает продолжительность жизни человека. В то же время имеется масса примеров, когда количество труда, затраченного на производство того или иного товара, значительно больше труда, общественно необходимого на его производство, и тем не менее товар, содержащий большее количество труда, продается по стоимости аналогичного товара, содержащего меньшее количество труда. Уже Маркс обратил на это внимание:

«Если стоимость товара определяется количеством труда, затраченного в продолжение его производства, то могло показаться, что стоимость товара тем больше, чем ленивее или неискуснее производящий его человек, так как тем больше времени требуется ему для изготовления товара. Но тот труд, который образует субстанцию стоимостей, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы. Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, выступает здесь как одна и та же человеческая рабочая сила, хотя она и состоит из бесчисленных человеческих рабочих сил. Каждая из этих индивидуальных рабочих сил, как и всякая другая, есть одна и та же человеческая рабочая сила, раз она обладает характером общественной средней рабочей силы и функционирует как такая общественная средняя рабочая сила, следовательно, употребляет на производство данного товара лишь необходимое в среднем или общественно необходимое рабочее время. Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда. Так, например, в Англии после введения парового ткацкого станка для превращения данного количества пряжи в ткань требовалось, быть может, лишь половина того труда, который затрачивался на это раньше. Конечно, английский ручной ткач и после того употреблял на это превращение столько же рабочего времени, как прежде, но теперь в продукте его индивидуального рабочего часа была представлена лишь половина общественного рабочего часа, и потому стоимость этого продукта уменьшилась вдвое»^{xxxii}.

Не будь Маркс пленен отождествлением труда с рабочей силой, с одной стороны, и демонстрацией непринадлежности труда к товару, с другой стороны, он бы не стал городить огород в первой части данного своего высказывания, а ограничился тем, что стоимость товара определяется количеством общественно необходимого рабочего времени, затраченного в продолжение его производства. Это во-первых.

Во-вторых, ленивость человека при прочих равных условиях никак не отражается на количестве затраченного им труда при производстве данного товара. Костюм, сшитый за один год, при прочих равных условиях будет содержать такое же количество труда, как и костюм, сшитый в общественно необходимое рабочее время, например, равное трем дням.

В-третьих, в числе производителей товаров немало трудолюбивых и искусных людей. И хотя для производства того или иного товара они и расходуют меньшее количество своего труда по сравнению с другими производителями аналогичного товара, стоимость их товара будет равна стоимости товара, созданного в общественно необходимое рабочее время, ибо не труд, а общественно необходимое рабочее время, по

Марксу (время, по-нашему), читатель, лежит в основе определения стоимости товара.

Особо следует отметить, что ручное ткачество как вид общественного производства исчезло с исторической арены не потому, что требовало на единицу продукции большего количества труда по сравнению с ткацким станком, а потому, что с изобретением последнего у человека появилась возможность высвободить свое время на занятия другими делами. Уменьшение трудоемкости товара есть лишь видимая сторона изобретения и внедрения в производство новой техники и оборудования. Можно сколько угодно снизить трудоемкость товара, но при этом нельзя ни облегчить, ни сэкономить труд его изготовителя. За примерами далеко ходить не надо. Труд современного крестьянина, вооруженного механическими и автоматическими средствами производства, ничуть не легче труда первобытного человека. Более того, думается, последний тратил меньше труда в поисках средств пропитания, чем первый. Полагаю, никто не будет спорить, что первобытный человек не трудился в поте лица от зари до зари, обрабатывая землю или собирая урожай подобно современному крестьянину. Ни машины, ни трактора, ни комбайны, ни другое современное сельскохозяйственное оборудование не облегчило труд крестьянина. Нет ни одного вида человеческой деятельности в структуре общественного производства, где бы был облегчен или сэкономлен труд конкретного человека. Неважно обстоит дело и в домашнем быту. Несмотря на обилие бытовой техники, как-то кофемолка, миксер, стиральная машина, бритва, пылесос, дрель, фен, газо- и электроплита, посудомоечная машина и т. д., и т. п., современный домашний труд отягощает человека не менее, а быть может, и более сильно, чем в средние или гораздо ранние века его существования. Единственное, что происходит с трудом по мере развития в обществе производительных сил и производственных отношений, так это преобразование, превращение труда из одной формы в другую в различных пропорциях: 1:1, 1:2 или еще как-нибудь. При любом превращении или делении труда на более мелкие части его совокупная величина остается неизменной, т. е. равной исходному, первоначальному значению. Скажем, современный костюм содержит в себе труд 10 человек: один снимал мерку, другой кроил и прочее. Первоначально всем этим занимался один человек. Он и снимал мерку, он и кроил и прочее. И сегодня все это может сделать один человек. Но он, как и его далекий предок, затратит сегодня на шитье одного костюма, условно говоря, 14 часов, тогда как бригада портных из 10 человек сошьет за, опять-таки условно говоря, те же 14 часов 15 костюмов. Налицо преимущество специализации, механизации и автоматизации труда. А что изменилось? Изменилась производительность труда. Только и всего. Количество труда на человека не изменилось. Как? — возможно, воскликнет читатель. — Ведь 10 человек за аналогичное время сшили 15 костюмов, а значит, на каждого из них приходится в среднем по 1,05 костюма, т. е. больше

одного костюма. В том и дело, что на каждого из десяти портных приходится по 1,05 костюма, тогда как на одного портного — 1 костюм. Если бы соблюдалось равенство, то это означало, что совокупный труд 10 портных и, следовательно, труд каждого из них в отдельности меньше труда портного, сшившего костюм в одиночку. А так все правильно, ибо тот самый недостающий труд 10 портных, полученный при равенстве количества продукции на каждого человека с обеих сторон, как раз и дополняется трудом, израсходованным этими 10 портными на тот самый костюм, который и позволил им говорить о том, что они сшили в пересчете на одного человека больше единицы продукции, чем портной-одиночка. Таким образом, в нашем случае 0,05 костюма — это и есть доля специализации, механизации и автоматизации труда.

И это закономерно. В соответствии с ранее указанной сущностью труда, труд — основа жизнедеятельности человека. Его нельзя ни накопить, ни сэкономить. Труд, сэкономленный в одном месте, непременно выльется в другом. А все потому, что для того чтобы жить, человек должен расходовать и потреблять энергию, т. е. трудиться. На поддержание метаболических потребностей своего организма ему необходимо проявлять определенную степень трудовой активности, ниже и выше которой он перестает быть живым существом. Следовательно, труд, будь то ниже или выше естественных потребностей человека, свойственных ему как определенному виду животного, вредит его здоровью. Нет надобности распространяться касательно вредности чрезмерно тяжелого труда для здоровья человека. Чего-чего, а это знает преобладающее большинство людей на Земле. Что касается вредности здоровью человека чрезмерно легкого труда (напоминаю: и там и тут под чрезмерным трудом имеется в виду труд, выходящий за рамки естественных потребностей человека, свойственных ему как определенному виду животного), то до начала прошлого века мало кто из людей вообще догадывался об этом, а в настоящее время, несмотря на некоторый рост догадывающихся о вредности чрезмерно легкого труда, мало кто из них придает этому серьезное значение. «Смысл и назначение всевозможных развлечений трудоспособных (в старом понимании, пока ограничимся этим) людей, не занятых ни материальным, ни духовным производством, — писал я в «Кратком курсе истории антропогенеза», — в том и состоит, чтобы посредством физических или умственных упражнений усилить активность своей жизнедеятельности, поднять жизненный тонус дряхлеющего от безделья организма. В условиях отношения господства и подчинения в обществе одни люди бегают, прыгают и т. д. от безделья, скуки ради, другие в это же время орудут лопатой, сохой и т. д., изнемогая от бремени невольного труда. Первые озабочены праздным времяпрепровождением за себя и за вторых, вторые — поиском средств пропитания и других жизненных благ для себя и для первых»^{xxxiii}.

Труд, чтобы быть полезным для организма человека, должен быть умеренным в том смысле, что не должен выходить за объективные

рамки. И тем не менее умеренность труда не служит панацеей от смерти. Сколь бы ни был умеренным труд, человек умирает по истечении очень короткого — относительно существования вселенной — времени. И чем дальше, тем больше человек осознает нехватку отведенного ему природой времени на реализацию своих физических и умственных способностей. Отсюда и стремление человека экономить время, принимающее порой уродливые формы. Укажу на некоторые. Ранний брак, узаконенный государством, самое малое есть узаконение детской проституции. Одна пара из тысячи сочетавшихся до совершеннолетия, возможно, и будет счастливой. Еще маловероятнее, чтобы союз Ромео и Джульетты, вкусивших до совершеннолетия тяготы и прелести семейной жизни, явился здоровой ячейкой общества. Допустим, я ошибаюсь. Все равно счастье 2-3 и даже 100 семей несовершеннолетних из тысячи не стоят несчастья оставшегося громадного большинства, увлеченных модой и дозволенностью. Разрешить можно все. Главное, чтобы ответственность за последствия разрешения нес давший разрешение, а не тот, кто действовал по разрешению. Пока же все наоборот. Переложив на хрупкие плечи и неокрепшее сознание несовершеннолетних груз ответственности за семью, государство умывает руки от необходимости заниматься воспитанием подрастающего поколения. Зачем строить пионерские лагеря и прочие оздоровительные детские заведения, когда семейная пара малолетних детей, да еще и с грудным ребенком на руках, озабочена решением семейных проблем, зачастую неподвластных даже взрослому человеку? Хочешь жениться или выйти замуж в 14 лет? Пожалуйста! В 12 лет? Пожалуйста!! А дальше хоть потоп!!! Государство негласно толкает несовершеннолетнего ребенка бросить учебу и идти на работу. Между строк своих законов, указов и постановлений, направленных на введение в стране неполного среднего образования (9 классов); трудоустройства с 14 лет; бракосочетания с 14 лет и т. д. и т. п. оно словно двадцать пятым кадром говорит несовершеннолетнему: избавь меня от необходимости заботиться о тебе и возьми на себя заботу обо мне — бросай учебу, иди на работу. Главное, говорит власть с экранов телевизоров, плати налоги и спи спокойно. В то же время, как уже отмечалось, экономика страны ежегодно теряет из-за коррупции как минимум 20 миллиардов долларов США. Вот где надо навести порядок, а не отнимать детство у несовершеннолетних, не обдирать пенсионеров, инвалидов и других малообеспеченных граждан, коих 95 процентов населения страны.

А тут еще нечистоплотные партийные деятели потирают руки от удовольствия, что в их ряду избирателей прибыло. Ибо с таким контингентом легче работать. Пообещаешь ему перед очередными выборами отстаивать его интересы, вроде квартиры и машины, каждому 14—12-летнему, так он и за черта с рогами проголосует.

Другой уродливой формой борьбы за экономию времени является уклонение от службы в армии. С приходом к власти демократов в обществе ширится и крепнет мнение, согласно которому двух- и

трехгодичная служба в армии по призыву представляет собой напрасно потерянное время в жизни человека. Особенно ярко это проявляется в больших городах, где более всего ощущается дефицит времени. Сегодня немало взрослых дядей и тетей изначально готовят своих отпрысков, а при наступлении срока призыва в армию активно помогают им «косить» от службы в армии. Они всерьез уверены, что тем самым сэкономят для него два-три года плодотворной жизни. А потом искренне удивляются, почему их чадо похоже на хилого дохляка; не может ни прибить гвоздь в стену, ни даже вкрутить лампочку. Им и невдомек, что всеобщая воинская повинность не плод досуга ума и фантазии советской власти, а проверенная временем многовековая практика, уходящая корнями в тысячелетия истории человечества. Так, в Древней Греции по выходу из юношеского возраста восемнадцатилетний юноша вносился в общий список граждан Афины. Но воспользоваться правом гражданина сполна он мог только через два года, в течение которых отбывал воинскую обязанность в Эфебии, являвшейся государственным учреждением. Службу, подобную афинским эфебам, несли и юноши Спарты, достигшие восемнадцатилетнего возраста.

Но это еще не все. В результате повальной дискредитации армии в глазах общества демократы добились-таки ее перевода на контрактную основу. Теперь «рядовые» армии будут не призываться, а наниматься, как на работу. Кто от этого выиграет, так это маменькины сынки. В целом же сие нововведение негативно отразится на обществе. Если раньше, грубо говоря, каждый мужчина, проходя службу в армии помимо обучения военному делу, оттачивал такие качества, как выносливость, смелость, стойкость и мужество, а заодно и шлифовал понятия долга, чести, взаимовыручки, товарищества, любви и преданности Родине, то теперь с переводом армии на контрактную основу большинство мужчин в стране пополнят ряды маменькиных сынков. Это плохо прежде всего по двум причинам. Во-первых, мужчина отличается от женщины не только тем, что у него болтается между ног, но и, кроме всего прочего, здоровым духом охотника, защитника семьи, дома и т. д., которое и будет атрофировано у мужчин, не служивших в армии. Между прочим, всеобщая воинская обязанность способствует не только и не столько созданию большого резерва людей, обученных военному искусству, что в условиях войны имеет немаловажное значение вплоть до сегодняшнего дня, сколько воспитанию тела и духа человека. Не случайно в Древней Греции писатели частенько славил патриотизм и гражданственность, а живописцы и скульптуры, как правило, изображали сильных, стройных, статных и красивых молодых людей. Всевозможные Гераклы и Аполлоны — это все оттуда.

Я вовсе не отрицаю присущность грекам некоторых отличительных черт телосложения и не оспариваю правильность характеристики эллинской расы, данной Адамантием. Я лишь говорю о том, что развитая мускулатура и спартанский дух не передаются по наследству, а формируются в процессе жизнедеятельности. Это я к тому,

что в наш жестокий век общество, в котором большинство его членов лишено мужского начала, обречено попасть в зависимость к обществу, у которого оно развито. Падение Римской империи с ее холеной армией от рук варваров — тому порука.

Во-вторых, служба в армии по контракту равнозначна работе по найму. Стало быть, контрактная армия суть наемная армия. Известно, что кто платит, тот и заказывает музыку. Следовательно, при необходимости — а в эксплуататорском обществе она существует непременно и постоянно — государство может легко и свободно использовать армию против народа. В связи с этим уместно вспомнить, что даже в период смертельной опасности для страны, когда в августе 1991 года было организовано ГКЧП не только с целью спасения социализма в СССР, но самого Советского Союза как единого государства от развала, армия страны Советов, Советская Армия, не применила силу против народа, в лице демократов собравшихся у Дома Совета РСФСР вопреки закону и с антизаконными требованиями. Зато спустя всего каких-то два года, а именно в 1993 году, после прихода к власти демократов путем насильственной ликвидации ГКЧП, а следовательно, и того, что они запоздало пытались было защитить от разрушения, как-то социализм и страну, со стороны кучки насквозь прогнившей интеллигенции во главе с Ельциным это сделала армия России, ставшей на капиталистический путь развития. Именно российская армия, перешедшая на службу капитала, расстреляла из танков народ, выступивший на защиту закона, против антизаконного Указа под номером 1400, изданного главным демократом того времени Ельциным (о разгоне Верховного Совета РСФСР). То был первый в истории постсоветской России опыт использования антинародным режимом продажных военных против народа. Вероятно, этот успех и побудил демократов перевести всю армию на контрактную основу.

Итак, человек издавна стремится экономить время. Осознает он это или нет, а каждый его шаг в развитии производства непременно и неизбежно сопряжен с экономией времени. Эффективно развивать производство — значит эффективно распоряжаться временем. Само становление обмена в конечном счете зиждется на экономии времени. Возьмем, к примеру, двух обособленных производителей. Один легко и быстро шьет хорошие сапоги, но подолгу засиживается над изготовлением даже плохого глиняного горшка. Другой наоборот — легко и быстро изготавливает хорошие глиняные горшки, но подолгу засиживается над шитьем даже плохих сапог. Очевидно, что если, наладив обмен, первый будет специализироваться на сапогах, а второй — на глиняных горшках, то оба они смогут сполна удовлетворить свои потребности как в сапогах, так и в глиняных горшках за гораздо меньший промежуток времени, чем до этого, и, таким образом, высвободить себе время на занятие другими делами. «Чем меньше времени требуется обществу на производство пшеницы, скота и. д., тем больше времени оно выигрывает для другого производства,

материального или духовного. Как для отдельного индивида, так и для общества всесторонность его развития, его потребления и его деятельности зависит от сбережения времени. Всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени. Точно так же общество должно целесообразно распределять свое время, чтобы достичь производства, соответствующего его совокупным потребностям, подобно тому как отдельное лицо должно правильно распределять свое время, чтобы приобрести знания в надлежащих соотношениях или чтобы удовлетворять различным требованиям, предъявляемым к его деятельности. Стало быть, экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства»^{cxv}, — писал Маркс в октябре — ноябре 1857 года в рукописи первоначального варианта «Капитала».

Время, а не труд представляет собой то общее, что заключено в различных товарах. Маркс дважды — первый раз в «К критике политической экономии», второй в «Капитале» — повторяет слова У. Петти о том, что труд есть отец богатства, земля — его мать, и оба раза проходит мимо данного обстоятельства. «Следовательно, — подытоживает Маркс в «Капитале», — труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, земля — его мать»^{cxv}. В «К критике политической экономии» он делает существенное пояснение, которого нет в «Капитале»: «...Тавтологией является утверждение, что труд есть единственный источник меновой стоимости, а потому и богатства, поскольку оно состоит из меновых стоимостей»^{cxvi}. Поскольку ранее уже показано, что товар имеет место быть и вне труда человека, постольку здесь остается констатировать: была бы потребительная стоимость, а меновая стоимость непременно найдется, ибо она всегда при ней. Не чужд был этой мысли и Маркс. «...Потребительная стоимость товара, — сказано в третьем томе «Капитала», — есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости»^{cxvii}.

Имеет ли воздух для человека потребительную стоимость? Да, имеет. И если он до сих пор не имеет меновой стоимости, то лишь потому, что его трудно продать в качестве товара. Но уже и здесь имеются некоторые подвижки. В наиболее загазованных местах делаются первые шаги по продаже воздуха. Скажем, в некоторых городах Японии для желающих подышать чистым воздухом прямо на улице установлены автоматы по продаже «кислорода». Очевидно, со временем по мере загрязнения атмосферы чистый воздух в обществе с товарным производством будет доступен только за деньги. Кое-где уже берут плату за пользование дневным, солнечным светом. Увеличил размер окна или вставил дополнительное окно, чтобы днем солнце ярче освещало твою квартиру, твой дом, — плати больше. Конечно, деньги за размер окна берутся под предлогом утечки тепла, напрочь «забывая» необходимость проветривания помещения; что искусственная

вентиляция выдувает гораздо больше тепла, чем естественная; что сквозняки ведут к простудным заболеваниям и т. д. и т. п.

В качестве другого примера можно привести продажу воды. Нет, я не о той воде, которая течет по водопроводу и плата за которую стала неотъемлемой частью наших и без того обременительных денежных расходов, а о «чистой воде». Так вот, эта самая «чистая вода», разлитая в различную тару (начиная от пластмассовой бутылки), в последнее время активно продается на прилавках магазинов по явно завышенной стоимости. Самое удивительное здесь то, что одни разливают ее, например, по бутылкам просто так, в смысле сами по себе, другие — с благословения патриарха всея Руси. На одной из таких бутылок написано: «Костромская чистая ключевая вода из святого источника бутилирована по благословию Его Святейшества Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II». В итоге вода, освященная Патриархом всея Руси, под названием «Святой источник» при прочих равных условиях стоит значительно дороже, нежели обычная, которая продается под названием «Чистая вода». Вот что значит слово «божье». Будь я верующим, непременно бы вымолвил: «Воистину чудны твои дела, Боже». Если в прошлом церковь хоть как-то еще старалась облачить принудительные поборы в благовидные деяния, то теперь открыто принуждает людей делать ей пожертвование. Разумеется, и сегодня практикуется церковный тет-а-тет, но раньше было проще. За отпущение грехов или обещание рая на небесах иной князь, боярин, помещик, купец и т. д. жертвовал церкви свое состояние. Конечно, с таким надо было повозиться с целью обставить дело чинно, благородно. Зато... Теперь таких... нет. Поэтому и нет нужды церкви стараться обличать принудительные поборы в благовидные деяния. К чему ей лишние потуги, коли богатые дяди и тети сами несут ей деньги на вполне законных основаниях, вернее сказать, по закону жертвуют церкви, дабы не платить государству более высокие по сравнению с пожертвованной суммой налоги. Не потому ли современные пожертвования церкви сильно смахивают на рэкет, а сами церковнослужители — на рэкетиров. Достаточно вспомнить, какими скандалами сопровождалось «восстановление» храма Христа Спасителя в Москве. И немудрено, коли «...с 1991 года новая (уже не советская) власть потратила, например, около полутора миллиардов долларов на храм Христа Спасителя»^{cxviii}. Это большие деньги. Достаточно сказать, что в конце 90-х годов прошлого столетия, т. е. каких-то 3-5 лет назад, бюджет страны был равен 20 миллиардам долларов. Многие предприниматели до сих пор не могут смириться с тем, как они «добровольно» жертвовали церкви на «восстановление» одного храма. И государству отдавать не хочется, и церкви «жертвовать» жалко. Тем более что одноразовое пожертвование не спасает от церкви, ибо пожертвование есть основа ее существования. Пожертвование в любом виде, а не только и не столько в виде денег. Чем больше величина пожертвований и количество жертвователей, тем больше величие

церкви. Не будет пожертвования — не будет церкви. Нынче для отечественной церкви сложились благоприятные условия, чтобы не только вернуть свое былое величие, но и преумножить его. От того она и пускается во все тяжкие. Иначе ей не заставить вчерашнего советского человека, который будет грамотнее любого попа, не то что обратиться к богу, но даже просто сделать «богоугодное дело» путем добровольного лишения части своих кровных денег, которых ему самому еле-еле хватает на хлеб и воду. С большинством стариков понятное дело — их и «угovarивать» не надо. Как быть с другими, молодыми и здоровыми? Вот церковь и «принуждает» их сдавать деньги на ее благоустройство. Хочешь пить чистую ключевую воду — плати сверх ее стоимости в пользу церкви. Нечто подобное практиковалось на Востоке. К примеру, в Средней Азии бай с каждого дехкана брал определенную мзду (в денежной или натуральной форме — не имеет значения) за пользование водой при орошении последним своего участка земли из принадлежащего ему, баю, водоема. Ислам как наиболее распространенный вид религии указанной местности имел (а там где либо сохранился, либо вновь был восстановлен данный «обычай») и имеет к продаже воды лишь косвенное отношение. Современная церковь здесь явно впереди планеты всей. На этикетке бутылки воды под названием «Святой Источник», кроме всего прочего, говорится: «Доход от реализации воды поступит на нужды восстановления храмов и монастырей Русской Православной Церкви». Если дело и дальше так пойдет, то вскоре у каждого источника ключевой воды будет поставлена златоглавая будка с попом внутри для отоваривания страждущих испить ключевой водицы, не отходя от кассы. Не удивлюсь, коли при этом будет выдаваться чек для предъявления всевышнему в качестве документа, подтверждающего отпущение греха его наместниками на земле. Опять золотые купола, кадила, пудовые серебряные кресты на толстой шее у священнослужителя и прочие дорогостоящие церковные атрибуты, включая предметы церковного обихода, за счет всеобщего обнищания народа. Зачем? Разве мало было на Руси церквей и монастырей? До 1917 года в одной только Москве одновременно насчитывалось около 600 церквей и монастырей, а преобладающее большинство москвичей той поры влачило жалкое существование. Не будь социалистической революции, до сих пор ходили бы в лаптях на босу ногу.

Вещество природы как таковое, т. е. в естественном состоянии, действительно не содержит человеческого труда. Откуда вовсе не следует, что оно не имеет стоимости. Полагаю, выше сказано достаточно, чтобы более никого не убеждать в том, что в обществе, основанном на товарном производстве, земля, не опосредованная трудом человека, является таким же товаром, как и вещество природы, опосредованное трудом человека. В условиях товарного производства все, что имеет потребительную стоимость, в то же время имеет и меновую стоимость. Именно поэтому девственные земли, естественные

луга, дикорастущий лес и т. д. здесь были есть и будут объектами купли-продажи. Они являлись, являются и будут являться такими же элементами богатства, скажем, капиталистического общества, как и товары, созданные трудом человека. Чего-чего, а Луну-то уж точно человек не обрабатывал, и тем не менее она давно уже распродается по частям. Отсюда вывод: любое вещество природы становится стоимостью при обнаружении у нее потребительной стоимости. Например, деревянная палка стала полезной тогда, когда выяснилось, что с ее помощью можно выкапывать корни, сбивать плоды с деревьев и т. д. В обществе, основанном на товарном производстве, вещи в качестве потребительной стоимости без стоимости не существуют. Другое дело, что до поры до времени стоимость той или иной вещи, являющейся потребительной стоимостью, носит скрытый характер. Так бывает, когда вещь, будь она опосредованна или не опосредованна трудом человека, служит непосредственным средством удовлетворения того, кто ею обладает. Это с одной стороны.

С другой стороны, чтобы различные потребительные стоимости обменивались друг на друга в надлежащих пропорциях, они должны содержать нечто общее. И это общее есть время. Именно время представляет собой то общее, что заключено в различных товарах. Не труд, а время или, говоря по-старому (чтобы было понятнее), рабочее время выражается в меновой отношении, меновой стоимости товаров. «Как меновые стоимости, все товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени»^{сxxxix}, — говорил Маркс, как помнит читатель, в первом томе «Капитала», цитируя сказанное им в «К критике политической экономии».

В предисловии к первому изданию первого тома «Капитала» Маркс, кроме всего прочего, писал: «Содержание более раннего сочинения, упомянутого выше («К критике политической экономии». — В. К.), резюмировано в первой главе этого тома. Я сделал это не только в интересах большей связности и полноты исследования. Само изложение улучшено. Многие пункты, которые там были едва намечены, получили здесь дальнейшее развитие, поскольку это допускал предмет исследования, — и наоборот, положения, обстоятельно разработанные там, лишь вкратце намечены здесь»^{сxxx}. Мало кто вдумчиво читал «Капитал». Еще меньше тех, кто вдумчиво читал «К критике политической экономии». Но и среди первых, и среди вторых, смею полагать, до сих пор не было ни одного, кто бы вдумчиво читал данные сочинения Маркса на предмет времени, рабочего времени. Поэтому будет правильно, читатель, если мы, не ограничиваясь вкратце намеченным Марксом относительно времени, рабочего времени, в «Капитале», обратимся к обстоятельно разработанному им положению по этому вопросу в «К критике политической экономии».

«Рабочее время, овеществленное в потребительных стоимостях товаров, — поясняет Маркс в «К критике политической экономии», — составляет субстанцию, делающую их меновыми стоимостями и поэтому

товарами, равно как измеряет определенные величины их стоимостей. Соотносительные количества различных потребительных стоимостей, в которых овеществлено одинаковое рабочее время, суть эквиваленты — или все потребительные стоимости суть эквиваленты в тех пропорциях, в каких они заключают одинаковые количества затраченного, овеществленного рабочего времени. Как стоимости, все товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени... Далее, в меновой стоимости рабочее время отдельного индивидуума выступает непосредственно как всеобщее рабочее время, и этот всеобщий характер обособленного труда — как его общественный характер. Рабочее время, представленное в меновой стоимости, есть рабочее время отдельного лица, но отдельного лица без всякого отличия от другого отдельного лица; это рабочее время всех отдельных лиц, поскольку они исполняют равный труд; поэтому рабочее время, требующееся кому-либо одному для производства определенного товара, есть необходимое рабочее время, которое затратил бы для производства того же самого товара всякий другой. Это рабочее время отдельного лица, его рабочее время, но только как общее всем рабочее время, для которого поэтому безразлично, рабочим временем какого именно лица оно является. Как всеобщее рабочее время оно выражается во всеобщем продукте, всеобщем эквиваленте, в определенном количестве овеществленного рабочего времени; для этого определенного количества овеществленного рабочего времени безразлична та определенная форма потребительной стоимости, в которой оно выступает непосредственно как продукт отдельного лица, и произвольно оно может быть превращено в любую другую форму потребительной стоимости, в которой оно представляется как продукт любого другого лица. Общественную величину оно представляет собой лишь как такая всеобщая величина... Только потому, что рабочее время прядильщика и рабочее время ткача выступают как всеобщее рабочее время, их продукты выступают как всеобщие эквиваленты... Подобно тому как фунт железа и фунт золота, несмотря на их различные физические и химические свойства, представляют один и тот же вес, точно так же потребительные стоимости двух товаров, содержащих одинаковое рабочее время, представляют одну и ту же меновую стоимость»^{сxxxі}.

В своих черновиках Маркс идет еще дальше. «Рабочее время, даже когда меновая стоимость будет устранена, всегда останется созидающей субстанцией богатства и мерой издержек, требующихся для его производства»^{сxxxіі}, — говорится им в так называемом четвертом томе «Капитала», изданном отечественными учеными-обществоведами под названием «Теории прибавочной стоимости» на основе черновых рукописей Маркса. Я намеренно привел эту цитату именно из так называемого четвертого тома «Капитала» Маркса, с тем чтобы наглядно показать то, как отечественные ученые-обществоведы слышат звон, да не знают, где он.

Таким образом, время, и только время, является мерой стоимости товара вообще, труда как товара в частности.

3.3 Труд и свободное время

Взаимосвязь труда и времени не ограничивается тем, что последний есть единица измерения первого как товара. «Время, — по меткому определению Маркса, — есть пространство человеческого развития»^{xxxxiii}. По большому счету, оно делится на две части: необходимое время и свободное время. Необходимое время — это время, в течение которого человек непосредственно занят производством жизненных средств, необходимых для поддержания его жизнедеятельности. Свободное время — это время, в течение которого человек непосредственно не занят производством жизненных средств, необходимых для поддержания его жизнедеятельности. Очевидно, что в обществе, основанном на товарном производстве, как и в случае с необходимым трудом, рассмотренном выше, деление рабочего времени на необходимое время и прибавочное время не соответствует истине. Все рабочее время следует отнести к необходимому времени, поскольку одна часть его необходима для производства жизненных средств рабочего, а другая необходима для производства жизненных средств работодателя. Рабочий не может получить необходимые ему жизненные средства, произведенные им в течение первой части своего рабочего времени, не произведя жизненные средства, необходимые работодателю, во второй ее части. Чтобы получить необходимые ему жизненные средства для поддержания своей жизнедеятельности, он должен отработать все рабочее время. Это во-первых.

Во-вторых, человек производит товары не только в рабочее, т. е. необходимое время, но и зачастую во вне рабочее, т. е. в свободное время. В соответствии с вышеуказанной сущностью труда человек трудится везде и всюду: и до, и во время, и после окончания рабочего дня. Выйдя за пределы завода, рабочий перестает быть рабочим, но не перестает работать, т. е. трудиться. Всеобщность труда без указания места труда делает бессмысленным выражение «рабочее время», ибо всякий раз требуется уточнять, о каком рабочем времени идет речь. Поскольку в процессе труда человек расходует и потребляет энергию, постольку труд рабочего на заводе у капиталиста ничем не отличается от его же труда в своей квартире, на своей даче и т. д. и т. п. Дабы не отвлекать читателя от уяснения сути, приведу самый простой пример. Пусть это будет труд посудомойщика. И на заводе у капиталиста, и у себя дома посудомойщик в процессе мытья посуды расходует и потребляет энергию. Больше или меньше — к делу не относится. Не относится к делу и то, получает он за это заработную плату или нет. Здесь важно лишь одно: и там и тут посудомойщик трудится, выполняя одну и ту же работу. Но если на заводе у капиталиста он моет посуду в необходимое время, то у себя дома — в свободное время. Теперь, после

уяснения сути, полагаю, читатель легко осознает тот факт, что миллионы и миллионы наемных рабочих в виду низкого уровня дневной стоимости своего труда, выплачиваемой им работодателем, для возмещения недополученной стоимости жизненных средств вынуждены превращать часть своего свободного времени в необходимое время. Одни делают это по месту своей основной работы, оставаясь трудиться в сверхурочное, а точнее говоря, в свое свободное время, другие берут работу на дом, третьи устраиваются на другую работу либо на ставку, либо на полставки и т. д. Скажем учитель, отработав в школе, после школы дает платные уроки в частном порядке; швея, отработав в ателье; шьет за деньги на дому в частном порядке; телемастер, отработав в телевизионной мастерской, после работы продолжает оказывать платные услуги телемастера в частном порядке; водитель такси, отработав в таксомоторном парке... и т. д. и т. п. Причем не обязательно, чтобы работа в свободное время была интеллектуально и физически аналогична либо выше или ниже работы в необходимое время. Физик-ядерщик или математик в свое свободное время вполне могут подрабатывать на стороне, работая штукатуром, каменщиком, плотником, столяром, маляром или еще кем-нибудь, — и наоборот.

В-третьих, превращение части свободного времени наемного рабочего в необходимое время осуществляется не только в процессе производства им товара, т. е. не только тогда, когда он изготавливает продукт, который «должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена», но и тогда, когда он изготавливает продукт для удовлетворения собственной потребности, который является частью жизненных средств, необходимых ему для поддержания своей жизнедеятельности. Любой труд, совершаемый человеком в свое свободное время ради получения им недостающих, а в случае с наемным рабочим недополученных от работодателя жизненных средств, необходимых ему для поддержания своей жизнедеятельности, будь то выращивание овощей и фруктов, вязание носков и свитера, изготовление стульчика, одним словом всего того, что ему непосредственно необходимо для жизнедеятельности, есть не что иное, как превращение части свободного времени в необходимое время. Как сказал Маркс в первом томе «Капитала»: «В капиталистическом обществе свободное время одного класса создается посредством превращения всей жизни масс в рабочее время»^{сxxxiv}. Или вот еще: «Выражаясь более определенно: то прибавочное рабочее время, в течение которого рабочая масса работает сверх меры, необходимой для воспроизводства ее собственной рабочей силы, ее собственного существования, сверх необходимого труда, это прибавочное рабочее время, выступающее в качестве прибавочной стоимости, в то же время материализуется в прибавочном продукте, и этот прибавочный продукт представляет собой материальный базис существования всех классов, находящихся за рамками работающих классов, всей надстройки общества. Вместе с тем он высвобождает время, представляет

неработающим классам свободное время для развития других способностей. Производство прибавочного рабочего времени на одной стороне вместе с тем является производством свободного времени на другой стороне. Все человеческое развитие в той мере, в какой оно выходит за рамки развития, непосредственно необходимого для естественного существования людей, состоит исключительно в использовании этого свободного времени и предполагает его как свой необходимый базис. Таким образом, свободное время общества создается посредством соиздания несвободного времени, рабочего времени рабочих, удлиненного за пределы рабочего времени, необходимого для их собственного существования. Свободное время на одной стороне соответствует поработанному времени на другой»^{xxxv}.

Хотя оба высказывания Маркса не в бровь, а в глаз, с научной точки зрения, — они требуют некоторого уточнения и дополнения. Дело в том, что они относятся лишь к капитализму. По свидетельству истории, не только капиталист, а без исключения все эксплуататоры охочи до свободного времени эксплуатируемого. Любая эксплуатация представляет собой кражу чужого свободного времени. И потом, практически невозможно превращение в рабочее время не только всей жизни масс, но и всей жизни отдельного человека. Это следует опять-таки из приведенного выше определения сущности труда. Раб, несмотря на свою полную зависимость от рабовладельца, и тот не мог работать на своего хозяина все 24 часа в сутки. Рабовладелец несомненно желал этого и прикладывал к этому большие усилия, однако тоже был вынужден считаться с такими объективными физиологическими потребностями, свойственными любому человеку, как сон и употребление пищи. Таким образом, с учетом сделанных замечаний очевидно, что в эксплуататорском обществе увеличение свободного времени одного класса осуществляется за счет уменьшения свободного времени другого класса. Говоря иначе, прирост свободного времени эксплуататорского класса образуется посредством превращения свободного времени эксплуатируемого в рабочее время. Можно и по-другому. На языке вчерашнего дня это звучит так: уменьшение необходимого труда для поддержания жизнедеятельности одного класса осуществляется за счет увеличения труда необходимого для поддержания жизнедеятельности другого класса. Согласись, читатель, что после всего вышесказанного, когда большинство точек над «i» уже поставлено, данное мое утверждение без учета ранее сказанного о необходимом труде кажется неудачным и, не побоюсь этого слова, неверным, хотя еще вчера оно и казалось истинным. Таково свойство возросшего сознания.

Итак, чтобы жить, человек должен трудиться, проявляя определенную степень активности, ниже и выше которой он обречен на смерть. Трудиться — значит расходовать и потреблять энергию. И чем больше человек расходует энергию, тем больше он должен ее

потреблять. Следовательно, чем лучше человек трудится, тем лучше он должен жить. Вот основные положения жизнедеятельности человека.

Вопрос: всегда ли они соблюдаются и если нет, то почему и в чем это проявляется?

Ответ: нет, не всегда. И не потому, что так должно быть, а потому, что так оно было во всей предыдущей истории человечества. Жестокий и безоговорочный факт. Причина этого факта банальна: присвоение результата чужого труда или, говоря точнее, кража чужого свободного времени. Разумеется, не так все просто, ибо, несмотря на свою банальность, она остается неосознанной большинством членов общества. Будь иначе, не было бы и этого разговора. Слишком велико действие объективного и субъективного факторов, связанных с воспитанием человека. К первому я отношу исчезновение с исторической арены одних и появление других людей, т. е. прерывность воспитания (образования) человека. Ко второму — качество воспитания (образования) человека. Жизнь и смерть неподвластны (надо думать, пока неподвластны) человеку, и потому процесс образования подрастающего поколения он вынужден начинать сызнова. Пусть и с более высокого уровня, а все-таки с нуля. Другое дело — качество образования. Оно, безусловно, подвержено влиянию человека. Настолько, что ошибки образования дорого стоят человечеству — вплоть до его уничтожения. В рассматриваемом случае последствия несоблюдения указанных выше основных положений жизнедеятельности человека просты до безобразия в прямом и переносном смысле. Тяжелый труд и нищета на одной стороне, лень и богатство — на другой. А между ними — все пороки человечества. Сказанное Марксом и Энгельсом в совместном черновике «Немецкая идеология»: «...Разделение труда делает возможным — более того, действительным, — что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов»^{сxxxvi}, — подходит и сюда. Стоит сделать некоторые поправки с учетом времени и места, как все станет на свое место. Тогда получим: кража чужого свободного времени делает возможным — более того, действительным, — что максимальная духовная и максимальная физическая деятельность, чрезмерное наслаждение и чрезмерный труд, преимущественное производство и преимущественное потребление выпадают на долю различных индивидов.

Итак, читатель, мы имеем дело с кражей чужого свободного времени, совершаемой среди бела дня открыто и бесцеремонно; с кражей, на защите которой стоит вся государственная власть эксплуататорского общества, т. е. с узаконенной кражей. И наша задача — покончить с этим злом.

Исторический экскурс показывает, что в основе взаимоотношений раба и рабовладельца, феодала и крестьянина, капиталиста и рабочего лежит насилие. В свое время Энгельс, в работе «Анти-Дюринг» в

заочном споре с Дюрингом сильно напутал по вопросу о роли насилия в истории. Центральным звеном этой полемики явилась убежденность последнего в том, что (цитирую по «Анти-Дюрингу»): «форма политических отношений есть исторически фундаментальное, хозяйственные же зависимости представляют собой только следствие или частный случай, а потому всегда являются фактами второго порядка. Некоторые из новейших социалистических систем выставляют руководящим принципом бросающуюся в глаза видимость совершенно обратного соотношения: они утверждают, что формы политического подчинения как бы вырастают из экономических состояний»^{сxxxvii}. Не умаляя содержание «Анти-Дюринга» в целом, замечу, что в части теории насилия она не просто слабовата, а ошибочна. Хотя отечественные ученые-обществоведы (раньше — все как один, а теперь только те, кто остался сторонником марксизма-ленинизма; о противниках я не говорю, ибо их нет вовсе, а те, кто выдают себя за таковых, ничего путного не сумели противопоставить «Анти-Дюрингу») и полагают, что «Анти-Дюринг» — одно из главных произведений Ф. Энгельса^{сxxxviii}, — лично я так не считаю. И вовсе не из-за ошибочности изложенной в ней теории насилия, а потому, и только потому, что у Энгельса есть работы на голову выше «Анти-Дюринга».

Подняв брошенный Дюрингом камень, Энгельс рассуждал следующим образом:

«...Допустим даже на мгновение, что господин Дюринг прав и что вся история до наших дней действительно может быть сведена к порабощению человека человеком; это все-таки еще не разъяснит нам существа дела. Ведь прежде всего возникает вопрос: зачем же Робинзону нужно было поработать Пятницу? Просто ради удовольствия? Конечно, нет. Напротив, мы видим, что Пятница «насильственно сводится до положения раба или простого орудия для хозяйственных услуг и потому содержится также лишь в качестве орудия». Робинзон поработает Пятницу только для того, чтобы Пятница работал в пользу Робинзона. А каким путем Робинзон может извлечь для себя пользу из труда Пятницы? Только тем путем, что Пятница производит своим трудом большее количество жизненных средств, чем то, какое Робинзон вынужден давать ему для того, чтобы Пятница сохранял свою трудоспособность...

Таким образом, детский пример, придуманный г-ном Дюрингом специально для доказательства «исторически фундаментального» характера насилия, доказывает, что насилие есть только средство, целью же является, напротив, экономическая выгода. Насколько цель «фундаментальнее» средства, применяемого для ее достижения, настолько же экономическая сторона отношений является в истории более фундаментальной, чем сторона политическая. Следовательно, приведенный пример доказывает как раз противоположное тому, что он должен был доказать. И точно так же, как в примере с Робинзоном и Пятницей, обстоит дело во всех случаях господства и порабощения, которые имели место до сих пор. Порабощение всегда было, употребляя

изящное выражение г-на Дюринга, «средством в целях насыщения желудка» (понимая эти цели в самом широком смысле), но никогда и нигде оно не являлось политической группировкой, введенной «ради нее самой».

Возвратимся, однако, опять к нашим двум мужам. Робинзон «со шпагой в руке» обращает Пятницу в своего раба. Но чтобы осуществить это, Робинзон нуждается еще кое в чем, кроме шпаги. Не всякому раб приносит пользу. Чтобы быть в состоянии извлечь из него пользу, нужно располагать вещами двоякого рода: во-первых, орудиями и предметами труда и, во-вторых, средствами для скудного содержания раба. Следовательно, прежде чем рабство становится возможным, должна быть уже достигнута известная ступень в развитии производства и известная ступень неравенства в распределении. А для того чтобы рабский труд стал господствующим способом производства целого общества, требуется еще гораздо более значительное повышение уровня производства, торговли и накопления богатств. В первобытных общинах с общей собственностью на землю рабство либо вовсе не существовало, либо играло лишь весьма подчиненную роль. Так было и в первоначально крестьянском городе Риме; когда же он стал «мировым городом» и италийское землевладение все более и более сосредоточивалось в руках малочисленного класса чрезвычайно богатых собственников, тогда крестьянское население было вытеснено населением, состоящим из рабов. Если во время войн с персами число рабов в Коринфе достигало 460 000, а в Эгине — 470 000, и на каждую душу свободного населения приходилось 10 рабов, то для этого требовалось еще нечто большее, чем «насилие», а именно — высокоразвитая художественная и ремесленная промышленность и обширная торговля. Рабство в американских Соединенных Штатах поддерживалось гораздо меньше насилием, чем английской хлопчатобумажной промышленностью в местностях, где не произрастал хлопок, или же в тех местностях, которые не занимались подобно пограничным штатам разведением рабов для продажи в хлопководческие штаты; рабство вымерло само собой, без применения насилия, просто потому, что оно не окупалось.

Г-н Дюринг, стало быть, ставит на голову действительное отношение, называя современную собственность насильственной собственностью...

Принуждение человека к подневольной службе во всех его формах предполагает, что принуждающий имеет в своем распоряжении средства труда, с помощью которых он только и может использовать поработанного, а при существовании рабства — сверх того — жизненные средства, необходимые для поддержания жизни раба. Во всех случаях предполагается, таким образом, обладание известным имуществом, превышающим средний уровень. Откуда же взялось оно? Ясно, во всяком случае, что хотя оно и может быть награблено, следовательно, может основываться на насилии, но что отнюдь не

является необходимым. Оно может быть добыто трудом, украдено, нажито торговлей, обманом. Оно вообще должно быть сперва добыто трудом, и только после этого его можно отнять грабежом.

Вообще возникновение частной собственности в истории отнюдь не является результатом грабежа и насилия. Напротив, оно существует уже в древней первобытной общине всех культурных народов, хотя и распространяется только на некоторые предметы. Уже внутри этой общины частная собственность развивается в форму товара — сначала в обмене с чужестранцами. Чем больше продукты общины принимают товарную форму, т. е. чем меньшая часть их производится для собственного потребления производителя и чем большая для целей обмена, чем больше обмен вытесняет также и внутри общины первоначальное, стихийно сложившееся разделение труда, тем более неравным становится имущественное положение отдельных членов общины, тем глубже подрывается старое общинное землевладение, тем быстрее община идет навстречу своему разложению, превращаясь в деревню мелких собственников-крестьян. Восточный деспотизм и господство сменявших друг друга завоевателей-кочевников в течение тысячелетий ничего не могли поделать с этими древними общинами; между тем постепенное разрушение их стихийно сложившейся домашней промышленности, вызываемое конкуренцией продуктов крупной промышленности, все больше и больше разлагает эти общины. О насилии здесь приходится говорить так же мало, как и при ныне еще происходящем разделе общинных угодий в «подворных общинах» на Мазеле и в Хохвальде: крестьяне просто считают выгодной для себя замену общей земельной собственности частной. Даже образование первобытной аристократии на почве общей собственности на землю, как это было у кельтов, германцев и в индийском Пенджабе, опирается вначале вовсе не на насилие, а на добровольное подчинение и привычку. Частная собственность образуется повсюду в результате изменившихся отношений производства и обмена — в интересах повышения производства и развития обмена, следовательно, по экономическим причинам. Насилие не играет при этом никакой роли. Ведь ясно, что институт частной собственности должен уже существовать, прежде чем грабитель может присвоить себе чужое добро, что, следовательно, насилие, хотя и может сменить владельца имущества, но не может создать частную собственность как таковую.

Но мы также не можем ссылаться на насилие или на насильственную собственность для объяснения «принуждения человека к подневольной службе» в его самой современной форме — в форме наемного труда. Мы уже упомянули о том, какую роль играет при разложении древних общин, следовательно, при прямом или косвенном всеобщем распространении частной собственности превращение продуктов труда в товары, т. е. производство их не для собственного потребления, а для обмена. Между тем Маркс в «Капитале» как нельзя яснее доказал, — а г-н Дюринг остерегается хотя бы словечком

заикнуться об этом, — что товарное производство на известной стадии развития превращается в капиталистическое производство и что на этой ступени «закон присвоения, или закон частной собственности, покоящийся на товарном производстве и товарном обращении, превращается путем собственной, внутренней, неизбежной диалектики в свою противоположность: обмен эквивалентов, каковым представлялась первоначально операция, потерпел такие изменения, что в результате он оказывается лишь внешней видимостью; в самом деле, часть капитала, обмененная на рабочую силу, во-первых, сама является лишь частью продукта чужого труда, присвоенного без эквивалента; во-вторых, она должна быть не только возмещена создавшим ее рабочим, но возмещена с новым избытком... Первоначально собственность выступала перед нами как основанная на собственном труде... Теперь же (в конце Марксова анализа) оказывается, что собственность для капиталиста есть право присваивать чужой неоплаченный труд, для рабочего — невозможность присвоить себе свой собственный продукт. Отделение собственности от труда становится необходимым следствием закона, исходным пунктом которого было, по-видимому, их тождество». Другими словами, даже если исключить возможность всякого грабежа, насилия и обмана, даже если допустить, что всякая частная собственность первоначально было основана на личном труде собственника и что во всем дальнейшем ходе вещей обменивались друг на друга только равные стоимости, то мы и тогда при дальнейшем развитии производства и обмена неизбежно придем к современному капиталистическому способу производства, к монополизации средств производства и жизненных средств в руках одного малочисленного класса, к низведению другого класса, составляющего громадное большинство, до положения неимущих пролетариев, к периодической смене спекулятивной производственной горячки и торговых кризисов и ко всей нынешней анархии производства. Весь процесс объяснен чисто экономическими причинами, причем ни разу не было необходимости прибегать к ссылке на грабеж, насилие, государство или какое-либо политическое вмешательство. «Насильственная собственность» оказывается и в этом случае просто громкой фразой, которая должна прикрыть непонимание действительного хода вещей»^{сxxxix}.

Прошу прощения за столь длинную цитату, но таково относительно полное, в смысле более чем достаточное, для нас, читатель, изложение теории насилия Энгельса, которая, несмотря на смену общественного строя в России, до сих пор преобладает среди отечественных ученых-обществоведов.

Последуем за Энгельсом. Допустим даже на мгновение, что он прав и вся история человечества действительно не может быть сведена к порабощению человека человеком. И что же мы видим? Мы видим, что это наше допущение все-таки далеко еще не разъясняет существа дела. Ведь прежде всего возникает вопрос: каким образом Робинзон поработил Пятницу? «Чтобы осуществить это, — говорит Энгельс, —

Робинзон нуждается еще в кое в чем, кроме шпаги. Не всякому раб приносит пользу. Чтобы быть в состоянии извлечь из него пользу, нужно располагать вещами двойного рода: во-первых, орудиями и предметами труда и, во-вторых, средствами для скудного содержания раба». Железная логика, если видеть в Пятнице не человека, а животное, стоящее на эволюционной лестнице ниже человека, или исходить из развитого рабства, т. е. видеть не причину, а следствие. В самом деле, чтобы извлечь пользу, скажем, из коня, (кроме как разве что употребления его в пищу), действительно надо располагать, во-первых, орудиями и средствами труда и, во-вторых, средствами для скудного его содержания. Будь у Робинзона конь вместо Пятницы, тогда бы, чтобы извлечь из коня пользу, Робинзону действительно надо было бы располагать, во-первых, орудиями и средствами труда, например седлом, плугом или, на худой конец, уздечкой, и, во-вторых, средствами для скудного его содержания: водой и сеном (скуднее просто не бывает). Впрочем, и первое, и второе не всегда обязательно и для домашнего животного. Скажем, чтобы извлечь пользу из кошки, ее вовсе не обязательно даже поить и кормить. Какими такими орудиями и средствами труда должен располагать Робинзон, чтобы заставить Пятницу лезть на дерево и сорвать для него банан или сходить на берег и посмотреть для него, нет ли на горизонте какого-нибудь корабля? О несостоятельности взгляда о необходимости Робинзону средств скудного содержания Пятницы и говорить не приходится. Полагаю, никто не будет спорить, что лично Робинзон не готовил никаких средств даже для скудного содержания Пятницы. Энгельс совершает грубую ошибку полагая, что «Робинзон может извлечь пользу из Пятницы лишь тем путем, что Пятница производит своим трудом большее количество жизненных средств, чем то, какое Робинзон вынужден давать ему для того, чтобы Пятница сохранял свою трудоспособность». Разве не сам Пятница произвел те жизненные средства, которые Робинзон, по словам Энгельса, «вынужден давать ему, чтобы тот сохранил свою трудоспособность»? Разумеется, то количество жизненных средств, которое Робинзон «вынужден давать Пятнице для поддержания его трудоспособности», есть не что иное, как продукт труда самого Пятницы. Более того, Пятница производит гораздо больше жизненных средств, чем то, какое Робинзон «вынужден дать ему для поддержания его трудоспособности». Если кто кого и содержал, так это Пятница Робинзона. Именно Пятница своим трудом обеспечивал Робинзона дополнительными (сверх произведенных самим Робинзоном) средствами существования. Должен сказать, что применительно к времени, месту и обстоятельствам вовсе даже не скудными были эти средства... Допустим, залез Пятница на дерево за бананом по «просьбе» Робинзона. Сам поел, сидя на дереве, и сорвал несколько связок для Робинзона. Насилие? Да, насилие. Рабство? Да, рабство. Но при чем здесь, во-первых, орудия и предметы труда, якобы необходимые для извлечения пользы из

Пятницы, а во-вторых, скудные средства, якобы необходимые для поддержания его трудоспособности? Абсолютно ни при чем!

Таким образом, неверно, что для осуществления насилия насилующий должен располагать, во-первых, орудиями и предметами труда, с помощью которых он только и может использовать насилуемого, а во-вторых, при существовании рабства — сверх того — жизненными средствами, необходимыми для поддержания жизни раба.

Энгельс всячески отрицает это. «Во всех случаях принуждения человека к подневольной службе предполагается обладание известным имуществом, превышающим средний уровень. Оно может быть добыто трудом, украдено, нажито торговлей, обманом. Оно вообще должно быть сперва добыто трудом, и только после этого его можно отнять грабежом», — говорит он. И тоже верно, и тоже отчасти, и тоже в начале. В самом деле, прежде чем что-либо украсть, нажить обманном путем или грабежом, оно должно быть сперва добыто трудом. Но при чем здесь насилие? Обладание имуществом, добытым трудом, если и имеет отношение к насилию, то только в форме производного. Это с одной стороны. С другой стороны, не только наличие имущества, превышающего средний уровень, но и наличие имущества самого высокого уровня не служит ни выражением, ни основанием насилия. Современные этнографически отсталые общества однозначно свидетельствуют против Энгельса. Наличие богатых людей, называемых в ряде мест «биг-менами», т. е. большими людьми, не привело и при существующем положении дел не приведет к становлению в современных первобытных обществах всеобщей подневольной службы. Рабский труд стал господствующим способом производства в Древней Греции, Древнем Риме, а в новое время отчасти и в США вовсе не в результате более значительного повышения уровня производства, торговли и накопления богатства. К примеру, если бы рабство в Соединенных Штатах и в самом деле поддерживалось гораздо меньше насилием, чем английской хлопчатобумажной промышленностью, оно бы продолжало там существовать и по сей день, ибо и по сей день существует английская хлопчатобумажная промышленность; а рабство в Соединенных Штатах вымерло бы лишь после того, как вымерла бы английская хлопчатобумажная промышленность. Если бы количество рабов и в самом деле зависело от высокоразвитой художественной и ремесленной промышленности и обширной торговли, то, вне сомнения, в настоящее время рабство цвело бы махровым цветом и на душу свободного населения высокоразвитых стран приходилось не 10 рабов, как это было в Коринфе или Эгине, а 1000 и более рабов.

И потом, что значит «рабство вымерло само собой, без применения насилия, просто потому, что оно не окупалось»? Значит и наемный труд когда-нибудь вымрет сам собой без применения насилия, просто потому, что он перестанет окупаться? А как же тогда быть с учением о классовой борьбе, о необходимости и неизбежности революции? К чему тогда призывы к насильственному свержению капитализма? Ответ на эти

вопросы дает сам Энгельс, в частности, в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», выпущенной им в свет в 1884 году, где, говоря об отмирании рабства, он повторяет сказанное им же в «Анти-Дюринге», но только на более высоком уровне: «Рабство престало окупать себя и потому отмерло. Но умирающее рабство оставило свое ядовитое жало в виде презрения свободных к производительному труду. То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось невозможным экономически, труд свободных считался презренным с точки зрения морали. Первое уже не могло, второй еще не мог быть основной формой общественного производства. Вывести из этого состояния могла только коренная революция»^{с1}. Это было сказано им спустя шесть лет после «Анти-Дюринга».

Каким бы значительным ни было повышение уровня производства, торговли и накопления богатства в Древней Греции, Древнем Риме и отчасти в США в период становления в них рабовладельческого способа производства в качестве господствующего способа производства, современное повышение уровня производства, торговли и накопления капитала куда более значительнее, и тем не менее рабовладельческий способ производства в качестве господствующего способа производства перестал существовать не только на территории указанных государств, но и во всем цивилизованном мире. Виной тому опять-таки гораздо более значительное повышение уровня производства, торговли и накопления богатств. Полученное противоречие есть результат признания повышения уровня производства, торговли и накопления богатства причиной как становления, так и отмирания рабства в качестве господствующего способа производства целого общества.

Энгельс явно путает две вещи: производство имущества (материальных благ) и обладание имуществом (материальными благами). Человек не всегда является обладателем произведенного им имущества — и наоборот. Тот кто обладает известным имуществом, добытым им посредством насилия — обмана, воровства или каким-либо другим нечестным путем, — не является производителем обладаемого им имущества. Согласен, чтобы обладать имуществом, оно действительно должно быть сперва, говоря по Энгельсу, добыто, а с учетом нового содержания понятия «труд» — произведено трудом. Однако вовсе необязательно обладателем имущества. К тому же вовсе необязательно и то, чтобы оно, имущество, было произведено до акта насилия. Производство имущества может стать и результатом насилия. Тот же Робинзон не крал и не отнимал у Пятницы никакого имущества, но стал обладателем произведенного им имущества, за счет присвоения части имущества, произведенного Пятницей. Иначе говоря, за счет недополучения Пятницей части произведенного им же продукта труда, т. е. за счет насилия. Пятница в одночасье стал рабом Робинзона не потому, что последний располагал вещами двоякого рода — во-первых, орудиями и предметами труда и, во-вторых, средствами для скудного содержания раба, — и вовсе не потому, что уровень развития

производства, торговли и накопления богатств у Робинзона был выше, чем у Пятницы, а исключительно потому, что между ними было установлено неравенство в труде, говоря точнее, неравенство в производстве и распределении материальных благ. Конечно же, Энгельс прав, говоря о том, что «прежде чем рабство становится возможным, должна быть уже достигнута известная ступень в развитии производства и известная ступень неравенства в распределении». Но он, к сожалению, не осознавал, что именно насилие лежит в основе достижения обществом известной ступени неравенства в производстве и распределении материальных благ.

Относительно роли насилия в возникновении частной собственности вообще и ее существовании в древней первобытной общине всех культурных народов в частности следует заметить, что изначально ни возникновение (образование) частной собственности вообще, ни ее существование в древней первобытной общине никоим образом не вызвано интересами повышения производства и развития обмена. Это справедливо лишь по отношению к личной собственности. Возникновение последней вообще и ее существование в древней первобытной общине всех культурных народов в частности действительно вызвано интересами повышения производства и развития обмена. Вероятно, под возникновением частной собственности вообще и ее существованием в древней первобытной общине всех культурных народов в частности Энгельс понимал смену форм частной собственности. Тогда верно, что насилие может сменить владельца имущества, но не может создать частную собственность. Его доводы против насилия в образовании частной собственности с указанием на «при ныне еще происходящем разделе общинных угодий в «подворных общинах» на Мозеле и в Хохвальде», с одной стороны, и «образовании первобытной аристократии на почве общей собственности на землю, как это было у кельтов, германцев и в индийском Пенджабе», с другой стороны, несостоятельны. Полагая, что «при ныне еще происходящем разделе общинных угодий в «подворных общинах» на Мозеле и в Хохвальде, о насилии приходится говорить мало, ибо крестьяне просто считают выгодной для себя замену общей земельной собственности частной»; что «образование первобытной аристократии на почве общей собственности на землю, как это было у кельтов, германцев и в индийском Пенджабе, опирается вначале вовсе не на насилие, а на добровольное подчинение и привычку», Энгельс исходит из существования частной собственности. При таком подходе к делу царь Петр I имеет прямое отношение к возникновению царизма. Понятно, что крестьяне Мозеля и Хохвальда просто считали выгодной для себя замену общей земельной собственности частной, как и то, что образование первобытной аристократии на почве общей собственности у кельтов, германцев и в индийском Пенджабе опирается на добровольное подчинение и привычку. Непонятно другое: откуда крестьяне Мозеля и Хохвальда, а также кельты, германцы и пенджабцы узнали о частной

собственности? И что такое выгода, добровольное подчинение и привычка (в контексте сказанного Энгельсом) вне связи с насилием? Очевидно, что замена общей земельной собственности частной ради выгоды, а равно как и образование первобытной аристократии на базе добровольного подчинения и привычки (надо думать, привычки подчиняться) местного населения — никудышные аргументы против насилия при объяснении возникновения (образования) частной собственности.

Яркий свет на понимание частной собственности проливает сказанное Марксом:

«Это первоначальное накопление играет в политической экономии приблизительно такую же роль, как грехопадение в теологии: Адам вкусил от яблока, и вместе с тем в род человеческий вошел грех. Его объясняют, рассказывая о нем как об историческом анекдоте, случившемся в древности. В незапамятные времена существовали, с одной стороны, трудолюбивые, и прежде всего бережливые, разумные избранники и, с другой стороны, ленивые оборванцы, прокучивающие все, что у них было, и даже больше того. Правда, теологическая легенда о грехопадении рассказывает нам, как человек был осужден есть свой хлеб в поте лица своего; история же экономического грехопадения рассказывает, как могли появиться люди, совершенно не нуждающиеся в этом. Но это все равно. Так случилось, что первые накопили богатство, а у последних в конце концов ничего не осталось для продажи, кроме их собственной шкуры. Со времени этого грехопадения ведет свое происхождение бедность широкой массы, у которой, несмотря на весь ее труд, все еще нечего продать, кроме себя самой, и богатство немногих, которое постоянно растет, хотя они давным-давно перестали работать. Подобные пошлые сказки передает, например, в целях оправдания ргоргiete (собственности) г-н Тьер некогда столь остроумным французам, да еще с торжественно-серьезной миной государственного мужа. Но раз дело касается вопроса о собственности, священный долг повелевает поддерживать точку зрения детского букваря как единственно правильную для всех возрастов и всех ступеней развития. Как известно, в действительной истории большую роль играют завоевание, порабощение, разбой — одним словом, насилие. Но в кроткой политической экономии искони царствовала идиллия. Права на «труд» были искони единственными средствами обогащения — всегдашнее исключение оставлял, разумеется, «этот год». В действительности методы первоначального накопления — это все что угодно, но только не идиллия. Деньги и товары точно так же, как жизненные средства и средства производства, отнюдь не являются капиталом сами по себе. Они должны быть превращены в капитал. Но превращение это возможно лишь при определенных обстоятельствах, которые сводятся к следующему: два очень различных вида товаровладельцев должны встретиться друг с другом и вступить в контакт: с одной стороны — собственник денег, средств производства и жизненных средств,

которому требуется закупить чужую рабочую силу для дальнейшего увеличения присвоенной им суммы стоимости; с другой стороны — свободные рабочие, продавцы собственной рабочей силы и, следовательно, продавцы труда. Свободные рабочие в двойном смысле: они сами не принадлежат непосредственно к числу средств производства, как рабы, крепостные и т. д.; но и средства производства не принадлежат им, как это имеет место у крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство и т. д.; напротив, они свободны от средств производства, освобождены от них, лишены их. Этой поляризацией товарного рынка создаются основные условия капиталистического производства. Капиталистическое отношение предполагает, что собственность на условия осуществления труда отделена от рабочих. И как только капиталистическое производство становится на собственные ноги, оно не только поддерживает это разделение, но и воспроизводит его в постоянно возрастающем масштабе. Таким образом, процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть не чем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда — процессом, который превращает, с одной стороны, общественные средства производства и жизненные средства в капитал, а с другой стороны, непосредственных производителей — в наемных рабочих. Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предысторию капитала и соответствующего ему способа производства. Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого.

Непосредственный производитель, рабочий, лишь тогда получает возможность распоряжаться своей личностью, когда прекращаются его прикрепление к земле и его крепостная или феодальная зависимость от другого лица. Далее, чтобы стать свободным продавцом рабочей силы, который несет свой товар туда, где имеется на него спрос, рабочий должен был избавиться от господства цехов, от цеховых уставов об учениках и подмастерьях и от прочих стеснительных предписаний относительно труда. Итак, исторический процесс, который превращает производителей в наемных рабочих, выступает, с одной стороны, как их освобождение от феодальных повинностей и цехового принуждения; и только эта одна сторона существует для наших буржуазных историков. Но, с другой стороны, освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня. Промышленные капиталисты, эти новые властители, должны были, со своей стороны, вытеснить не только цеховых мастеров, но и феодалов, владевших источниками богатства. С этой стороны их возвышение

представляется как плод победоносной борьбы против феодальной власти с ее возмутительными привилегиями, а также против цехов и тех оков, которые налагают цехи на свободное развитие производства и свободную эксплуатацию человека человеком. Однако, рыцарям промышленности удалось вытеснить рыцарей меча лишь благодаря тому, что они использовали события, к которым они были сами совершенно не причастны. Они возвысились, пользуясь теми же грязными средствами, которые некогда давали возможность римским вольноотпущенникам становиться господами своих патронов»^{cxii}.

Частная собственность представляет собой материализованное насилие. Первоначально она возникает (образуется) в результате присвоения (полностью или нет, к делу не относится) одним человеком собственности, произведенной трудом другого человека. По Прудону, как правильно заметил Энгельс, «собственность есть кража»^{cxiii}. И он частично был прав. Частично, ибо не всякая собственность есть кража. Собственность, созданная посредством материального производства и принадлежащая своему производителю, т. е. личная собственность, не является кражей. Лишь частная собственность есть кража. Поэтому-то частная собственность и принадлежит своему владельцу де-юре. Де-факто она ему не принадлежит. Называя вещи своими именами, частная собственность есть кража собственности, созданной чужим трудом в процессе материального производства. Отсюда и неустойчивое положение в обществе частных собственников. Титул частного собственника не гарантирует владельцу частной собственности спокойной жизни. Мало стать владельцем частной собственности. Необходимо получить согласие на насилие со стороны насилуемого. Споры нет, посредством насилия можно получить от последнего краткосрочное согласие, что делалось и делается до сих пор во всех обществах, где была и есть частная собственность. Но приходит время, и возросшее сознание насилуемого более не приемлет такого положения дел, и тогда происходит социальная революция, влекущая за собой не столько смену частного собственника, как то было при переходе от рабовладельческого общества к феодальному и от феодального — к капиталистическому, поскольку это частные случаи, сколько полное уничтожение частной собственности, как то было начато при переходе от капитализма к социализму (коммунизму).

С точки зрения исторической перспективы, уничтожение частной собственности неизбежно.

Конечно, нельзя в одночасье покончить с институтом частной собственности, введшимся в сознание человечества в течение многих тысячелетий. На этом пути нас ожидает и радость побед в виде Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, и горечь поражений в виде ГКЧП 1991 года. Чем больше доноров частной собственности перестанет снабжать ее жизненной силой, тем быстрее она сойдет с исторической арены.

В современной России, вставшей на капиталистический путь развития, это выразилось в «желании» новоявленных частных собственников делиться частью наворованной ими собственности с обворованными ими гражданами страны. Не случайно после ареста Ходорковского по обвинению в финансовых нарушениях возглавляемой им компании российские олигархи заговорили о необходимости делиться... 19 октября 2003 года эта тема даже стала предметом всенародного обсуждения на первом телеканале в передаче В. Познера «Времена». Как заметил председатель Всероссийского союза промышленников и предпринимателей Аркадий Вольский, «восемь миллиардов долларов (в рублях это 24 миллиарда рублей при средней заработной плате по стране три тысячи рублей в месяц. — В. К.) — это многовато». Аналогичную мысль высказал действующий президент России Путин. Будучи в Италии, он почти повторил приведенное высказывание Вольского, но только другими словами. Данное выступление Путина в очередной раз было показано 9 ноября по третьему телеканалу в передаче П. Толстого «Выводы». С наступлением 7 Ноября — праздника годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, преобразованного Ельциным, Гайдаром, Чубайсом, Черномырдиным и прочими олигархами, включая Ходорковского, в день «Согласия и примирения», идея делиться частью наворованного с обворованными стала еще актуальнее. В особенности для КПРФ, которая, видимо, окончательно порвала с пролетариатом и решительно перешла на сторону буржуазии. Можно понять «Единую Россию», «Союз правых сил», «Яблоко» и ЛДПР, всячески агитировавших и агитирующих обворованных согласиться и примериться с тем, что их (обворованных), начиная с 1991 года, обворовывают и будут обворовывать впредь. Другое дело — КПРФ. Если до недавнего времени, пусть и с трудом и не для всех, но ей еще хоть как-то удавалось демонстрировать чудеса эквилибристики, находясь на грани интересов пролетариата, с одной стороны, и интересов буржуазии, с другой стороны (достаточно вспомнить возню вокруг Березовского, когда то там, то тут раздавались невнятные и противоречивые высказывания лидеров КПРФ относительно того, брать или не брать деньги у опального олигарха), то очередную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции она явно отмечала под лозунгом согласия и примирения эксплуатируемых с эксплуататорами; за согласие и примирение эксплуатируемых быть эксплуатируемыми, с одной стороны, и за согласие и примирение эксплуататоров быть эксплуататорами, с другой стороны. Выступив в защиту Ходорковского, КПРФ переполнила чашу терпения той части своего электората, которая последовательно выражает интересы пролетариата. В результате десятки тысяч сторонников КПРФ (правильнее было бы сказать, вчерашних сторонников КПРФ) праздновали 86-летие Великой Октябрьской социалистической революции отдельно от КПРФ. А на торжественное шествие,

организованное левой оппозицией во главе с КПРФ 23 февраля 2004 года, почти никто не пришел.

И последнее. Сказанное Энгельсом: «Даже если исключить возможность всякого грабежа, насилия и обмана, даже если допустить, что всякая частная собственность первоначально была основана на личном труде собственника и что во всем дальнейшем ходе вещей обменивались друг на друга только равные стоимости, то мы и тогда при дальнейшем развитии производства и обмена неизбежно придем к современному капиталистическому способу производства, к монополизации средств производства и жизненных средств в руках одного малочисленного класса, к низведению другого класса, составляющего громадное большинство, до положения неимущих пролетариев, к периодической смене спекулятивной производственной горячки и торговых кризисов и ко всей нынешней анархии производства», — абсолютно неприемлемо в качестве доказательства возникновения частной собственности вне насилия с вытекающими — по Энгельсу — последствиями. Принимая частную собственность как данность, основанную на личном труде собственника, в дальнейшем Энгельс бессознательно исходит из того, что рано или поздно, раз дана частная собственность, насилие обязательно войдет в жизнь общества, и тогда все будет так, как он сказал. Он не отрицает насилие, он не видит насилие там, где оно есть. В противном случае он бы не стал здесь говорить о частной собственности. К тому же он, как и Маркс, «грешит» с обменом эквивалентов. Допустим, жили А и Б. Каждый из них своим трудом создал свою стоимость и во всем дальнейшем ходе вещей ими обменивались только равные стоимости. Как могло случиться, что со временем у А сконцентрировалась вся совокупная стоимость, произведенная трудом А и Б, и у него теперь есть право присваивать чужой неоплаченный труд, тогда как Б остался ни с чем, без своей собственности, произведенной им своим трудом, и теперь он не имеет возможность присвоить себе свой собственный продукт труда? Комментарии излишни.

Вне полемического задора при детальном рассмотрении вопроса о частной собственности Энгельс приходит к выводу: «И, действительно, все так называемые политические революции, от первой до последней, были совершены ради защиты собственности одного вида и осуществлялись путем конфискации, называемой также кражей, собственности другого вида. Итак, несомненно, что в течение двух с половиной тысяч лет частная собственность могла сохраняться только благодаря нарушениям права собственности»^{cxliii}. Еще один шаг — и он бы непременно нашел, что становление частной собственности и ее существование осуществляется благодаря нарушениям права личной собственности. Преградой на этом пути перед ним, как уже было показано выше, стало недоосознание им личной собственности. Потому-то он и полагает, что частная собственность сперва должна быть добыта трудом, и только потом ее можно отнять грабежом. Данное

обстоятельство лежит в основе еще более глубокого заблуждения Энгельса.

Возражая на примере взаимоотношений Робинзона и Пятницы как хозяина и раба или человека и скота соответственно против сказанного Дюрингом: «Форма политических отношений есть исторически фундаментальное, хозяйственные же зависимости представляют собой только следствие или частный случай, а потому всегда являются фактами второго порядка», — Энгельс делает заключение: «Таким образом, детский пример, придуманный г-ном Дюрингом специально для доказательства «исторически фундаментального» характера насилия, доказывает, что насилие есть только средство, целью же является, напротив, экономическая выгода. Насколько цель «фундаментальнее» средства, применяемого для ее достижения, настолько же экономическая сторона отношений является в истории более фундаментальной, чем сторона политическая». Допустим, целью Робинзона является сорвать с дерева яблоко, а средством достижения поставленной им цели служит его рука. В данном случае совершенно очевидно, что рука первична, а цель вторична. Не сознание определяет бытие, а бытие определяет сознание. Эту мысль Маркс и Энгельс высказали еще в своем первом совместном черновике «Немецкая идеология» следующим образом: «Люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание»^{cxliv}. Затем Маркс выразил это в предисловии к своей работе «К критике политической экономии» словами: «Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»^{cxlv}. Энгельс, как и Маркс, осознанно твердо стоял на том, что материя первична, а идея вторична. Так, спустя 10 лет после выхода в свет «Анти-Дюринга» в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» он пишет: «Материя не есть продукт духа, а дух есть лишь высший продукт материи. Это, разумеется, чистый материализм»^{cxlvi}. Тем решительнее следует избавляться от заблуждений Энгельса, допущенных им при косвенном рассмотрении основного вопроса философии. Таким образом, как бытие определяет сознание, так и средство определяет цель.

В сообществе людей средством определения цели является человек. Следовательно, цель вторична по отношению к человеку. «...Человечество, — писал Маркс в предисловии к «К критике политической экономии», — ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо или, по крайней мере, находятся в процессе становления»^{cxlvii}. Не вдаваясь в детали опровержения данного высказывания Маркса, сделанного мной в работе «Реставрация капитализма в России. Истоки и причины», замечу, что

человечество (общество) ставит себе всегда только такие задачи, в решении которых оно нуждается вне зависимости от существующих материальных условий их решения. Человечество издавна, задолго до появления материальных условий полета в небо, ставило задачу полета в небо. Неверно, что человечество поставило задачу полета в небо потому, что был построен летательный аппарат, а верно, что летательный аппарат был построен потому, что человечество поставило задачу полета в небо. Таким образом, по крайней мере в рассматриваемом случае, цель не «фундаментальнее» средства. Напротив — средство «фундаментальнее» цели.

Что касается утверждения Энгельса: «Насколько цель «фундаментальнее» средства, применяемого для ее достижения, настолько же экономическая сторона отношений является в истории более фундаментальной, чем сторона политическая», — то во второй части готовящейся к выходу в свет своей работы под общим названием «Краткий курс истории происхождения человека и общества» (первая часть вышла в свет в 1999 году под названием «Краткий курс истории антропогенеза, или Сущность и происхождение труда, сознания и языка»), рассматривая взаимосвязь производительных сил и производственных отношений, я пришел к выводу: общество есть продукт взаимоотношения людей друг к другу, совокупность общественных отношений, и прежде всего производственных отношений. Я не отрицаю истинности сказанного Марксом в письме к Анненкову от 28 декабря 1846 года: «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей»^{cxlviii}, — а лишь уточняю его. Необходимость сего обусловлена, кроме всего прочего, сведением отечественными учеными-обществоведами черногого высказывания Маркса «общество есть продукт взаимодействия людей» к виду «общество — совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей»^{cxlix}. Во избежание кривотолков приведу и определение понятия «деятельность», данного в указанном философском словаре: «Деятельность — представляет собой процесс, в ходе которого человек творчески преобразует природу... Исторически первый ее акт — производство орудий с помощью орудий»^{cl}.

Не акцентируя внимание читателя на недопустимости приписывания человеку понятия «деятельность» в качестве специфически человеческого отношения к миру (это уже сделано мной в «Кратком курсе истории антропогенеза») замечу, что люди и до образования общества удовлетворяли свои потребности наряду с другими животными с помощью того, что дано природой. Просто смешно читать рассказы отечественных ученых-обществоведов о том, что «в отличие от животных, удовлетворяющих свои потребности с помощью того, что дано природой, человек, производит все, что необходимо ему для жизни, — пищу, одежду, жилище и т. д.»^{cli}. Надеюсь, никто не будет спорить, что человеку для жизни необходимо дышать воздухом; что человек, как и другие животные, не производит

воздух, необходимый ему для его жизнедеятельности. Так вот: для совместного производства люди должны определенным образом объединяться. Это объединение, выходящее за рамки унаследованной формы объединения ближайшего животного предка человека, не есть простое, механическое нагромождение людей. Скопище людей сколь угодно большого количества не есть общество. Общество складывается из общественных отношений. Хотя люди и являются материальными носителями общества, их совокупность служит всего лишь необходимым, но не достаточным условием становления общества. Для становления общества, кроме всего прочего, необходимо наличие между его материальными носителями совместных отношений. Без взаимоотношения людей друг к другу общество невозможно. Поэтому перед началом совместной деятельности, скажем, в виде распилки дерева большой (двухсторонней) ручной пилой, два человека должны обозначить между собой (гласно или мысленно — все едино) как условия совместной деятельности, так и условия распределения результата совместной деятельности. Иначе говоря, прежде чем объединиться для совместной хозяйственной деятельности, люди должны изначально договориться о правиле совместного производства и распределения произведенных ими материальных благ. Например, капиталистическое общество складывается из взаимоотношений капиталиста и наемного рабочего. Несогласие одного из них с правилами капиталистического производства и распределения материальных благ делает невозможным ни становление, ни дальнейшее существование капиталистического общества.

Таким образом, утверждение Дюринга «форма политических отношений есть исторически фундаментальное, хозяйственные же зависимости представляют собой только следствие или частный случай, а потому всегда являются фактами второго порядка» гораздо ближе к материалистическому пониманию истории Маркса и Энгельса, окончательно уясненному ими со времени написания совместного черновика «Немецкая идеология», где, кроме всего прочего, ими было сказано: «Итак, дело обстоит следующим образом: определенные индивиды, определенным образом занимающиеся производственной деятельностью, вступают в определенные общественные и политические отношения»^{clii}. Вникни Маркс и Энгельс в суть сказанного Дюрингом, они бы нашли у него много общего...

Не вник в суть сказанного основоположниками марксизма и Дюринг. В особенности в сказанное Марксом в предисловии «К критике политической экономии»: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому

соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»^{cliii}. А следовало... Возможно, он и хотел, но не смог. Иначе бы не стал ломиться в открытую дверь.

И политические отношения, и производственные отношения суть общественные отношения. Один и тот же человек не может вступить сам с собой в общественные отношения. Для этого нужно как минимум два человека. Общественные отношения обуславливаются теми материальными условиями жизни людей, которые существовали до начала их совместной деятельности. Именно условия материальной жизни обуславливают, и не только социальный, политический и духовный процессы жизни, но и производственные отношения вообще. «Общественные отношения, — писал Маркс в «Нищете философии», — тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»^{cliv}. Каковы материальные условия жизни людей, таковы и их общественные отношения вообще и производственные отношения в частности. Следовательно, выводите становление общественных отношений из совместной производственной деятельности людей — значит впасть в алогизм. Люди вступают в определенную совместную производственную деятельность при наличии между ними определенных общественных отношений, обусловленных существующими материальными условиями их жизни. Следовательно, отношения людей, связанные с организацией производства и распределения произведенных ими материальных благ, первичны по сравнению с отношениями, складывающимися между ними в процессе производства и распределения произведенных ими материальных благ. Таким образом, неверно, что люди вступают в общественные отношения в процессе совместной производственной деятельности. В процессе совместной производственной деятельности люди могут лишь преобразовать, изменить существующие между ними общественные, и прежде всего производственные, отношения. Потому-то ручная мельница и дает общество с сюзереном во главе, а паровая мельница — общество с промышленным капиталистом.

Пора кончать с пошлыми сказками эксплуататоров и их сторонников об идиллическом происхождении частной собственности. Тем более пора освободить политическую экономию социализма (коммунизма) от заблуждений Энгельса по данному вопросу. Как говорится, «Энгельс мне друг, но истина дороже». Во всех существовавших до сих пор обществах труд (в старом его понимании) не был средством обогащения. В дошедшей до нас истории человечества закономерным является тот факт, что обладание известным,

превышающим средний уровень имуществом под названием «частная собственность» основано на насилии.

Ни одно сообщество животных, включая человека, до сегодняшнего дня не свободно от насилия. И чем выше социальная организация животных, тем больше насилия. Пчелы умерщвляют «лишних» маток; превращают особей женского пола в рабочих пчел; изгоняют из гнезда долго не спаривающегося трутня. Вожак стада хищных животных первым прикасается к пище и ест, пока не насытится, без учета вложенных им усилий при ее добыче. В ряде случаев он может и вовсе не гоняться за добычей. Ему достаточно обнаружить, что кто-то из его соплеменников добыл себе пропитание и, используя свое превосходство в силе, присвоить чужую добычу себе. Сама процедура выбора лидера сообщества животных, включая и человека, до сегодняшнего дня базируется на насилии. Наш далекий предок неандерталец — разве он был свободен от насилия? Да что там неандерталец! Не беда, если повторюсь, сказав, что несколько десятков расколотых черепов, найденных на месте его, возможно, тысячелетней стоянки, — ничто по сравнению со злодеяниями немцев во Второй мировой войне. Еще совсем недавно, менее чем 60 лет назад, на одной только фабрике смерти Освенцим (а их было организовано ими несколько: БабиЙ Яр, Хатынь, Ясеновец и др.) они за пару лет уничтожили более 4 млн. пленных. А чем объяснить сброс атомной бомбы американцами в конце Второй мировой войны, когда уже все было решено и без них, на мирных жителей японских городов Хиросима и Нагасаки, кроме как демонстрацией силы с претензией на мировое господство? Не успел еще остыть труп предыдущего претендента на мировое господство в лице Германии, как уже появился новый кровожадный дракон в лице США, алчущий свободного времени других народов во всемирном масштабе. Пока был жив Советский Союз, его еще как-то удавалось держать в узде. С крушением Советского Союза он отбил от рук. Только за последние 10 лет посредством развязывания войн в Югославии, Ираке и Афганистане американцы уже отняли и присвоили себе свободное время югославов, иракцев и афганцев. И после этого отечественные демократы с пеной у рта поют аллилуйю американской демократии и с умилением рассказывают о прелестях капитализма, показывая пальцем на рост благосостояния американцев. Когда же Жириновский предлагает начать увеличение благосостояния россиян хотя бы и с «мытья сапог» в Индийском океане, то эти же самые люди обвиняют его в фашизме. Им не понять, что при современном уровне развития производства для повышения благосостояния одного народа необходимо либо совершить насилие по отношению к другому народу, дабы использовать свободное время последнего на удовлетворение своих потребностей, либо пытаться своими силами (пусть и вкуче с другими народами, но обязательно в условиях равноправия) удовлетворять свои потребности. Другого не дано. Как уже говорилось выше, до сегодняшнего дня все народы — за редким

исключением, в числе которого советский, китайский и индийский народы, — повышали уровень своего благосостояния посредством насилия над другим народом. То же самое относится и к росту благосостояния отдельного человека.

Причиной тому все еще низкий уровень развития производительных сил и производственных отношений. Энгельс пришел к этому выводу, противореча сам себе, еще в споре с Дюрингом:

«И раз мы уже заговорили об этом, то должны сказать, каким бы противоречием и ересью это не казалось, что введение рабства при тогдашних условиях было большим шагом вперед. Ведь нельзя отрицать того факта, что человек, бывший вначале зверем, нуждался для своего развития в варварских, почти зверских средствах, чтобы вырваться из варварского состояния. Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы восточного деспотизма, от Индии до России. Только там, где они разложились, народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и их ближайший экономический прогресс состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда. Ясно одно: пока человеческий труд был еще так малопроизводителен, что давал только ничтожный избыток над необходимыми жизненными средствами, до тех пор рост производительных сил, расширение обмена, развитие государства и права, создание искусства и науки — все это было возможно лишь при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой. Простейшей, наиболее стихийно сложившейся формой этого разделения труда и было как раз рабство. При исторических предпосылках древнего, в частности греческого, мира переход к основанному на классовых противоположностях обществу мог совершиться только в форме рабства. Даже для самих рабов это было прогрессом: военнопленные, из которых вербовалась основная масса рабов, оставались теперь по крайней мере в живых, между тем как прежде их убивали, а еще раньше даже жарили и поедали.

Заметим кстати, что все до сих пор существовавшие в истории противоположности между эксплуатирующими и эксплуатируемыми, господствующими и угнетенными классами находят свое объяснение в той же относительно неразвитой производительности человеческого труда. До тех пор пока действительно трудящееся население настолько поглощено своим необходимым трудом, что у него не остается времени для имеющих общее значение общественных дел — для руководства работами, ведения государственных дел, для отправления правосудия, занятия искусством, наукой и т. д., — до тех пор неизбежно было существование особого класса, который, будучи свободным от действительного труда, заведовал указанными делами; при этом он

никогда не упускал случая, чтобы во имя своих собственных выгод взваливать на трудящиеся массы все большее бремя труда. Только громадный рост производительных сил, достигнутый благодаря крупной промышленности, позволяет распределить труд между всеми без исключения членами общества и таким путем сократить рабочее время каждого — так, чтобы у всех оставалось достаточно свободного времени для участия в делах, касающихся всего общества, как теоретических, так и практических. Следовательно, лишь теперь стал излишним всякий господствующий и эксплуатирующий класс, более того — он стал прямым препятствием для общественного развития; и только теперь он будет неумолимо устранен, каким бы «непосредственным насилием» он ни располагал»^{clv}.

Сокращение рабочего времени каждого — так, чтобы у всех оставалось достаточно свободного времени для участия в делах, касающихся всего общества, как теоретических, так и практических, в меньшей степени зависит от распределения труда между всеми без исключения членами общества. А так все правильно. Правильно настолько, что возникает вопрос: «А был ли мальчик в споре между Дюрингом и Энгельсом относительно насилия?»

В самом деле, нельзя отрицать того факта, что человек, бывший вначале зверем, нуждался для своего развития в варварских, почти зверских средствах, т. е. в насилии, чтобы вырваться из варварского состояния. Относительная неразвитость производительности человеческого труда в сочетании с ростом потребности человека приводит последнего к поиску дополнительного объекта насилия. Изначально таковыми были одомашненные животные... Потом выяснилось, что идеальным объектом насилия является человек. Раньше всех это усвоили общественные функционеры. Старейшина, вождь, военачальник, шаман являются первыми из тех, кто не был поглощен непосредственным производством средств существования; кто жил за счет свободного времени остальных членов общества. Благосостояние указанных лиц зависело не от количества произведенных ими потребительных стоимостей, а от количества присвоенного ими свободного времени своих соплеменников. И чем большее количество свободного времени они прибирали к своим рукам, тем выше было их благосостояние. Затем в ход пошло свободное время членов соседней общины, соседнего рода, соседнего племени и т. д. и т. п. Таков стержень общественного развития всех досоциалистических обществ.

Богатство общества определяется количеством свободного времени у его членов. Авторство данного определения в различных модификациях ошибочно приписывается Марксу. Мало того что у него это нигде не высказано и не зафиксировано в надлежащем виде, так он сам впервые столкнулся с пониманием свободного времени как богатства общества примерно в 1859 году. Именно к этому времени относится разбор им сочинения одного неизвестного автора, в котором, кроме всего прочего, говорится (цитирую по Марксу): «Нация по-

настоящему богата лишь тогда, когда за пользование капиталом не уплачивается никакого процента, когда вместо 12 часов работают только 6 часов. Богатство есть такое время, которым можно свободно располагать, и ничего больше»^{clvi}. Многократно возвращаясь к этой цитате, так или иначе пересказывая ее своими словами, он так и не определился по существу, а потому и не вынес свои суждения по части свободного времени на суд читателя. И как бы не пыжились отечественные ученые-обществоведы, то небольшое, сказанное Марксом о свободном времени через призму богатства, хранилось ими вдали от посторонних глаз. И было что скрывать, поскольку оно содержало в себе противоречие. Маркс больше отрицал, нежели соглашался с тем, что свободное время есть богатство общества. Не случайно в одном из последних, если не самом последнем, обращении к рассматриваемому вопросу он писал:

«Подобно тому как растение живет за счет земли, скот — за счет растения или за счет травоядного скота, так и та часть общества, которая обладает свободным временем, временем, не поглощенным непосредственным производством средств существования, живет за счет прибавочного труда рабочих.

Мы увидим, как экономисты и т. д. рассматривают эту противоположность как естественную. Поэтому богатством оказывается свободное время»^{clvii}.

Здесь, как, впрочем, и в ряде других узких мест, расшитых нами, читатель, выше, может служить оправданием Марксу лишь то, что сказанное им относится к капитализму. Он был настолько увлечен исследованием капиталистического общества, что всякое новое слово в общественном мерило в прокрустовом ложе капитализма или непременно причислял его автора к сторонникам капитализма. В числе жертв этой односторонности оказались Прудон, Брей, Дюринг, неизвестный автор предыдущей цитаты и др. Разумеется, в сложившихся тогда в странах Западной Европы социально-экономических условиях это небольшая потеря по сравнению с результатом, которого добился Маркс, всецело углубившись в изучение становления, развития и гибели капиталистического общества. И не потому, что в их рассуждениях было мало смысла, а потому, что при том уровне развития общества в их рассуждениях было мало проку, подобно тому как в свое время не было проку ни от изобретения Героном спидометра, ни от изобретения Бронком двигателя. Теперь иное дело: с осмыслением капитализма не терпит отлагательства изучение того, чем когда-то ради этого можно было пренебречь. Если раньше рассмотрение одного могло замедлить формирование научного коммунистического мировоззрения, то сегодня закрывать на это глаза — значит наносить вред научному коммунистическому мировоззрению.

Маркс потому и не приемлял свободное время в качестве богатства общества, что исходил из его принадлежности лишь отдельным людям. Выше было показано, что свободным временем располагают все члены

общества. Разница в его количестве. У одних его вагон (в смысле — слишком много), и они не знают, куда его девать. У других — с гулькин нос (в смысле — слишком мало), чтобы даже задумываться о нем. Потому в эксплуататорском обществе свободное время и не может выступать в качестве богатства, ибо львиная его доля находится в руках маленькой кучки людей. Каким бы количеством свободного времени последняя ни располагала, оно является ее богатством. Кучка людей, представляющая собой часть общества, не есть общество. Точно так же богатство части общества не есть богатство всего общества. Вот почему во всех эксплуататорских обществах при каждой смене одной кучки богатых людей на другую кучку богатых людей общество в целом богатым не становится. И не станет, поскольку богатство эксплуататоров, как писал Маркс в черновике, раскрывая смутную догадку Сисмонди, «это такое богатство, которое всегда имеет своей предпосылкой бедность и которое развивается лишь за счет того, что оно развивает бедность»^{clviii}.

О том, что капиталистическое производство не является производством богатства для тех, кто его производит, было высказано Рикардо задолго до Маркса. Сегодня мы, читатель, к этому можем добавить, что не только капиталистическое производство, но и любое другое досоциалистическое производство не является производством богатства для тех, кто его производит, поскольку оно основано на краже чужого свободного времени. Однако вовсе не этим интересен здесь Рикардо, а тем, что он первым отделил богатство от стоимости. «Богатство, — писал Рикардо, — не зависит от стоимости»^{clix}. При этом он ошибочно думал, что «человек богат или беден в зависимости от избытка предметов необходимости и роскоши, которыми он может располагать»^{clx}. В дальнейшем, к сожалению, его противники и сторонники обращали внимание на последнее. В частности Маркс замечает относительно вышеприведенных цитат Рикардо следующее: «Другими словами, Рикардо здесь говорит: богатство состоит только из потребительных стоимостей»^{clxi}. За бортом оставалось главное: богатство не зависит от стоимости. И не может зависеть, ибо стоимость не есть природное свойство вещи. Говоря по Марксу, стоимость тем отличается от вдовицы Куикли, что ее нельзя ни пощупать, ни потрогать. В отличие от богатства в стоимость не входит ни одного атома вещества природы. Ее нельзя непосредственно обнаружить в вещи, она лишь проявляется в приравнивании одной вещи к другой в процессе купли-продажи. С другой стороны, стоимость есть историческая категория. Ее не было до и не будет после исчезновения товарного производства. Богатство же имеет непреходящее значение. Данные обстоятельства неопровержимо свидетельствуют в пользу сказанного Рикардо о том, что: богатство не зависит от стоимости. Между тем еще рабовладельцам и феодалам было хорошо известно, что богатство зависит не от стоимости, а от количества рабов и крестьян соответственно, из которых можно выжать и присвоить себе их свободное время. И если при капитализме сей вопрос был

запутан основательно, то по причине роста общественного сознания, и прежде всего сознания эксплуатируемых. Капиталист как никто из его предшественников знает, что он растит своего могильщика, а потому, используя всю мощь руководимого им государства, всячески скрывает основу происхождения своего богатства. Но наступит день — и грянет последний час капиталиста. Придет конец капиталистическому богатству. Богатство кучки людей растворится в богатстве всего общества, словно капля воды в мировом океане.

Далее. Человек богат или беден не в зависимости от изобилия предметов необходимости и роскоши, которыми он может располагать, а в зависимости от свободного времени, которым он располагает, в том числе и для употребления изобилия предметов необходимости и роскоши. Мало иметь изобилие предметов необходимости и роскоши, которыми можно располагать, необходимо иметь свободное время, чтобы ими располагать. Никакие материальные блага не сделают человека по-настоящему богатым до тех пор, пока он не будет обладать свободным временем, необходимым ему как для развития своих способностей, так и удовлетворения своих потребностей, выходящих за рамки его физического существования. Истинное богатство есть свободное время. И чем больше его у человека, тем он богаче. По сути, это было высказано Марксом в черновике в качестве одного из предположений хода мысли вышеприведенного безымянного автора при разборе его цитаты: «Нация действительно богата...» и т. д. (см. выше). Как пишет Маркс: «А это может означать следующее. Если работать должны все, если отпадает противоположность между работающими чрезмерно и бездельниками — а это, во всяком случае, было следствием того, что капитал перестал существовать, что продукт не давал бы больше на чужой прибавочный труд, — и если к этому же принять во внимание развитие производительных сил, как оно создано капиталом, то общество за 6 часов будет производить необходимое изобилие продуктов, будет за эти 6 часов производить больше, чем теперь производится за 12 часов, и вместе с тем все будут иметь 6 часов «времени, которым они могут свободно располагать», т. е. будут иметь настоящее богатство — такое время, которое не поглощается непосредственно производительным трудом, а остается свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего откроется простор для свободной деятельности и развития. Время — это простор для развития способностей и т. д. Известно, что сами политэкономы рабский труд наемных рабочих оправдывают тем, что он создает досуг, свободное время для других, для другой части общества, а тем самым и для общества наемных рабочих в целом.

Или же это может иметь и такой смысл:

Рабочие теперь работают 6 часов сверх того, что (теперь) требуется для их собственного производства. (Однако, вряд ли таков может быть взгляд автора памфлета, так как то, что теперь требуется рабочим, он изображает как бесчеловечный минимум). Если капитал перестанет существовать, то они будут работать уже только 6 часов, и бездельники

должны будут работать столько же. Материальное богатство для всех было бы этим низведено до уровня рабочих. Но все имели бы свободное время, время для своего развития. Самому автору памфлета это, очевидно, не ясно. Тем не менее, во всяком случае, остается этот прекрасный тезис:

«Нация действительно богата тогда, когда вместо 12 часов работают 6 часов. Богатство есть такое время, которым можно свободно располагать, и ничего больше»^{clxii}.

Как бы то ни было, но это в прошлом. Сегодня сей прекрасный тезис получил развернутый вид и научное обоснование. Осталось сделать его руководством к действию.

На этом пути много подводных камней, и самый большой из них — камень под названием «насилие». Охочим до чужого свободного времени следует помнить, что не может быть по-настоящему богатым человек, крадущий свободное время другого человека. Соответственно, не может быть по-настоящему богатым народ, крадущий свободное время другого народа.

ⁱ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 19. С. 115.

ⁱⁱ Там же. Т. 22. С. 204.

ⁱⁱⁱ Там же. Т. 13. С. 48.

^{iv} Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9 т. Т. 4. С. 200.

^v Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 494.

^{vi} Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 4. С. 205.

^{vii} Там же. С. 199.

^{viii} Там же. Т. 7. С. 176.

^{ix} Там же. С. 168, 183.

-
- ^x Там же. С. 168.
^{xi} Там же. С. 162,165.
^{xii} Там же. Т. 3. С. 219.
^{xiii} М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 547.
^{xiv} М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Избр. соч. Т. 3. С. 222—223.
^{xv} Там же. Т. 7. С. 38.
^{xvi} Там же. С. 39.
^{xvii} Там же. С. 44.
^{xviii} Там же.
^{xix} Там же.
^{xx} Там же.
^{xxi} Там же. С. 41.
^{xxii} Там же. С.187—188.
^{xxiii} Там же. С.172.
^{xxiv} Там же. С. 44.
^{xxv} Э л и о т Л., У и л к о к с У. Физика М., 1963. С. 242.
^{xxvi} М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Избр. соч. Т.4. С. 201.
^{xxvii} Там же. Т. 7. С. 164.
^{xxviii} Там же. С. 162.
^{xxix} Там же. С. 163.
^{xxx} Там же. Т. 2. С. 42—43.
^{xxxi} Там же. Т. 7. С. 163.
^{xxxii} Там же. С. 44
^{xxxiii} Там же. С. 164
^{xxxiv} А р и н О. Россия в стратегическом капкане. М., 1997. С. 41—42.
^{xxxv} См.: журнал «ЭКО». 1990, № 6. С. 187.
^{xxxvi} Л е н и н В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 164—165.
^{xxxvii} Россия и коррупция: кто кого. Совет по внешней и оборонной политике. Программа «Россия и мир». М., 1999. С. 20—22.
^{xxxviii} Там же. С. 7—8.
^{xxxix} Там же. С. 8.
^{xl} Там же. С. 6—7.
^{xli} Там же. С. 6.
^{xlii} Там же. С. 7.
^{xliiii} Там же. С. 8—9.
^{xliv} Там же. С. 54.
^{xlv} М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Избр. соч. Т. 7. С. 218.
^{xlvi} Там же. С. 163.
^{xlvii} Там же.
^{xlviii} Там же. С. 169.
^{xlix} Там же. С. 176.
^l Там же. С. 184.
^{li} Там же. С. 160
^{lii} Там же. С. 167.
^{liii} Там же. С. 222.
^{liv} Там же. С. 40—41.
^{lv} Там же. С. 159.
^{lvi} Там же. Т. 6. С. 107.
^{lvii} Там же. Т. 7. С. 36, 40—41.
^{lviii} Там же. С. 161.

-
- lix Там же. С. 159.
lx Там же. С. 187—188.
lxi Там же. С. 39.
lxii Там же. С. 162.
lxiii Там же. С. 153.
lxiv Там же. С. 156.
lxv Там же. С. 167—168.
lxvi Там же. С. 159.
lxvii Там же. С. 38.
lxviii Там же. С. 60, 618.
lix Там же. С. 40—41.
lxx Там же. С. 38.
lxxi Там же. С. 50, 180.
lxxii Там же. С. 51.
lxxiii Там же. С. 184.
lxxiv Там же. С. 163.
lxxv Там же. С. 39.
lxxvi Там же. С. 498.
lxxvii Там же. С. 184.
lxxviii Политическая экономия. Учебник для высших учебных заведений / Медведев В. А., Абалкин Л. И., Ожерельев О. И. и др. М., 1990. С. 167.
lxxix Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 7. С. 498.
lxxx Там же. С. 495—496.
lxxxi Там же. С. 35.
lxxxii Там же. С. 36.
lxxxiii Там же. С. 500.
lxxxiv Там же. С. 40—41.
lxxxv Там же. Т. 5. С. 505.
lxxxvi Кр а с а н о в В. Н. Краткий курс истории антропогенеза, или Сущность и происхождение труда, сознания и языка. М., 1999. С. 162.
lxxxvii М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Избр. соч. Т. 4. С. 199—200.
lxxxviii Там же. Т. 7. С. 501.
lxxxix Там же. С. 184.
xc Там же. С. 494.
xci Там же. Т. 3. С. 112.
xcii Там же. Т. 7. С. 80.
xciii Там же. С. 72.
xciv Там же. С. 50.
xcv Там же. С. 497.
xcvi Там же. С. 98.
xcvii Там же. С. 38.
xcviii Там же. С. 503—504.
xcix М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. Т. 13. С. 42.
c М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Избр. соч. Т. 7. С. 497.
ci Там же. Сноска 25.
cii Там же. Т. 3. С. 25.
ciii М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. Т. 13. С. 47—48.
civ Там же. С. 46, 47.
cv М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Избр. соч. Т. 3. С. 113, 113—114.
cvi М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. Т. 13. С. 16.

-
- cvii Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 7. С. 38—39.
cviii Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 16.
cix Там же. С. 48.
cx Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 7. С. 499.
cx1 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 48;
Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 7. С. 499.
cxii Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 78 С. 206.
cxiii Там же. С. 39—40.
cxiv Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 16.
cxv Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 7. С. 472—473.
cxvi Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 19.
cxvii Там же. С. 20—21.
cxviii «Труд» от 10 июня 2003 г.
cxix Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 2. С. 42—43.
cxx Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 54.
cxxi Экономический словарь-справочник: учеб. пособие для учащихся / Моисеев А., Петросян К., Прилепенко Н.; Под ред. А. В. Моисеева. М., 1985. С. 211.
cxxii Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 7. С. 39.
cxxiii Кирсанов В. Н. Краткий курс истории антропогенеза, или Сущность и происхождение труда, сознания и языка. М., 1999. С. 150.
cxxiv Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. С. 116—117.
cxxv Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 7. С. 43.
cxxvi Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 21.
cxxvii Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 9. Ч. 2. С. 165.
cxxviii «Независимое обозрение», №31(71), сентябрь 2003 г.
cxxix Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 7. С. 40.
cxxx Там же. С. 40.
cxxxi Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 16, 18, 19, 20.
cxxxii Там же. Т. 26. Ч. III. С. 265.
cxxxiii Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 4. С. 214.
cxxxiv Там же. Т. 78 С. 490.
cxxxv Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. С. 212—213.
cxxxvi Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 2. С. 29.
cxxxvii Там же. Т. 5. С. 146.
cxxxviii Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М., 1988. С. III.
cxxxix Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 5. С. 147, 147—148, 148, 149—151.
cx1 Там же. Т. 6. С. 218—219.
cxli Там же. Т. 7. С. 662—664.
cxlii Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 533.
cxliiii Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 6. С. 188.
cxliv Там же. Т. 2. С. 20.
cxlv Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.
cxlvi Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 6. С. 289.
cxlvii Там же. Т. 13. С. 7.
cxlviii Там же. Т. 3. С. 524.
cxlix Философский словарь. Под ред. И. Т. Фролова. М., 1991. С. 312.
cl Там же.
cli Там же. С. 400.
clii Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произ. Т. 2. С. 19.

-
- ^{cliii} М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. Т. 13. С. 6—7.
^{cliv} М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Избр. произ. Т. 38 С. 60.
^{clv} Там же. Т. 5. С. 167—168.
^{clvi} М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 263.
^{clvii} Там же. Т. 47. С. 213.
^{clviii} Там же. Т. 26. Ч. III. С. 52.
^{clix} Р и к а р д о Д. Сочинения. М., 1955. Т. 1. С. 228.
^{clx} Там же.
^{clxi} М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 50.
^{clxii} М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 264—265.